This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is an authorized facsimile of the original book
and was produced in 1978 by microfilm-xerography
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England

КАВКАЗСКІЕ

ОЧЕРКИ.

—

V. 1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ III. ОТДѢЛЕНІЯ СОБСТВЕННОЙ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРІИ

1838.

PG3321
B45
1838
v.9

.B45
1838

ОР48348 12
X718671
99854
Ж 6
21196
57

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Марлинскаго.

A.V. Александр Александрович

ПОЛНОЕ

,РАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Марлинскаго.

ЧАСТЬ IX.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 11 Мая 1838 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

МУЛЛА НУРЪ*.

(Быль.)

* *Мулла* не только священникъ, но всякой грамотный, ученый; нерѣдко имя собственное. *Нуръ* значитъ «свѣтъ,» и встрѣчается очень часто въ сложности мусульманскихъ именъ, напримѣръ, *Дарьи-нуръ*, Море свѣта, провинція лучшаго алмаза Персидскаго шаха, *Нуръ-джанъ*, Свѣтъ души, *Нуръ-эдъ-динъ*, Свѣтъ вѣры, *Нуръ-мамалъ*, Свѣтъ области, а не Свѣтъ гарема, какъ назвалъ ошибочно Томасъ Муръ героиню прелестной поэмы своей, Light of the Harem.

О вахта эды-ки, Гиндустан падишахы эльишиб, меджилисын,да вали зіфрат варыды; неге шахзаделяр, неге пельиванляр, неге везириляр, неге улемаляр, дести раст,дести раст,дан, дести чап дести чап,дан, эльешиб, мешкулядылляр.

Въ ту пору случилось Индійскому царю сидѣть въ бесѣдѣ; было у него пированье, великій пиръ. Сколько царевичей, сколько богатырей, сколько везирей, сколько улемъ, отъ правой руки къ лѣвой, отъ лѣвой руки къ правой, усѣвшись, промежъ собой перемолвливали'

МУ[illegible]УРЪ*.

* *Мулла* не только священникъ, но всякой грамотный, ученый; нерѣдко имя собственное. *Нуръ* значитъ «свѣтъ,» и встрѣчается очень часто въ сложности мусульманскихъ именъ, напримѣръ, *Дюръ-нуръ*, Море свѣта, прозвище лучшаго алмаза Персидскаго шаха, *Нуръ-джанъ*, Свѣтъ души, *Нуръ-эдъ-динъ*, Свѣтъ вѣры, *Нуръ-масджъ*, Свѣтъ области, а не Свѣтъ гарема, какъ назвалъ ошибочно Томасъ Муръ героиню прелестной поэмы своей, Light of the Harem.

О вахта эдъ-ки, Гиндустанъ падишахи эелишибъ, меджилисында вали вілаятъ варыдъ; нече шахзаделяръ, нече пеливанляръ, нече везирляръ, нече улемаляръ, дести растъ дести растданъ, дегаш гавъ дести гандданъ, эелешибъ, мешкуляльляръ.

Въ ту пору случилось Индійскому царю сидѣть въ бесѣдѣ; было у него пированье, великій пиръ. Сколько царевичей, сколько богатырей, сколько везирей, сколько улемъ, отъ правой руки къ лѣвой, отъ лѣвой руки къ правой, усѣвшись, промежъ собой переговаривали'

Чахъ дашы, чакмахъ дашы,
Аллахъ версынъ ягышы!

Кремешки и каменки, дай Богъ намъ
дождя, умыться!

Привѣвъ.

Грустно раздается *намазъ*, будто поминка по ясномъ днѣ, отлетѣвшемъ въ вѣчность.

— Жарко, душно въ Дербендѣ! Взойди-ка на кровлю, Касимъ, посмотри какъ падаетъ за горы солнышко: не краснѣетъ ли западъ, не сбираются ли тучи на небѣ?

— Нѣтъ, *амиъ* (дядя)! Западъ голубѣе глазъ моей сестрицы. Солнце упало ярко, словно «золотой цвѣтъ» на ея груди*. Ни одинъ взоръ его не гаснетъ въ туманѣ.

---

* *Кызылъ-гюль*, золотая съ камнями бляха, женскій уборъ. Собственно, *кызылъ-гюль* значитъ красная роза.

Ночь распахнула звѣздистый вѣеръ свой. Темно.

— Взойди-ка на кровлю, Касимъ; присмотрись, не капетъ ли капель росы съ молодаго рога май-мѣсяца, не прячется ли онъ въ ночную радугу какъ жемчужина въ перломутровую раковину.

— Нѣтъ, *ами!* Въ чистой синевѣ плыветъ мѣсяцъ: не слезы, а стрѣлы сыплетъ онъ на море! Кровли сухи, какъ степь Мугана: по нимъ весело бѣгаютъ скорпіоны: вѣщуютъ зной и на завтра!

— Бѣда безъ дождя! говоритъ старикъ дядя, засыпая; а городъ ужъ спитъ.

Только перекликъ часовыхъ обвиваетъ дряхлыя стѣны звеньями звука, да море мѣрною зыбью ходитъ по берегу ..... Вы бы сказали — это души покойниковъ бесѣдуютъ съ вѣчностью: такъ все кругомъ сходно съ кладбищемъ!

Край моря сквозитъ пожаромъ. Ласточки опередили своимъ привѣтнымъ щебетаньемъ кличъ муллы надъ мечетью; но и мулла не поздняя птичка; онъ ужъ поетъ, ходя вокругъ купола*, склонивъ голову на ладонь: «Про-

* Замѣтьте, что мусульмане шіиты не строятъ минаретовъ у мечетей, тогда какъ у суннитовъ минаретъ есть необходимость.

спитесь, правовѣрные! встаньте! потому что молитва лучше сна.»

— Взбѣги на кровлю, Касимъ; погляди, не катится ли туманъ съ горъ Лезгистана. Не чернѣетъ ли море, не скачетъ ли бѣлогривый прибой черезъ камни?

— Нѣтъ, *ами!* горы облиты божьей позолотой; море сверкаетъ будто зеркало. Флагъ на крѣпости Н[illegible] бнялъ древко, какъ обнимаетъ *га*[illegible] расавицы. Ни одна волна не разс[illegible] мчугомъ на берегъ; ни малѣйшій в[illegible] заньетъ въ кудри пыли по дорог[illegible] все на море, тихо все на землѣ, [illegible] бѣ!

Старикъ дядя [illegible] лся. Совершивъ омовенье, онъ вышелъ для молитвы на плоскую кровлю, разостлалъ коверъ по мягкому *кыру**, сталъ на колѣни, и, когда кончилъ молитву изъ памяти, горячо молился еще изъ сердца.

— *Бисмиллях'ирь-рахман'ирь-рахимъ!* произнесъ онъ обводя печальнымъ взоромъ окрестность: во имя Бога, всемилосерднаго и всеблагаго, будетъ слово мое. Облака вешніе, дѣти нашего моря! зачѣмъ вы стадитесь по хребтамъ и прячетесь въ ущелья? Или вы, какъ разбойники Лезгины, любите рыскать по

* *Кыръ*, нефть, смѣшанная съ пескомъ; имъ обливаютъ плоскія кровли домовъ, сверхъ земли.

утесамъ и дремать на остріѣ вершинъ? Зачѣмъ же вы, забравъ съ нашихъ луговъ въ добычу всю влажность, расточаете ее безумно на голые камни, распрыскиваете свой жемчугъ на кудри лѣсовъ недоступныхъ человѣку, и поите до бѣшенства горные потоки, которые врываются въ наши долины для того чтобъ унести или залить берега, или засыпать ихъ осколками, будто обглоданными костями своихъ жертвъ. Дѣти неблагодарные! посмотрите, какъ мать ваша, земля, раскрыла тысячи устъ своихъ .... она сгараетъ отъ жажды, она проситъ напиться! Посмотрите, какъ меньшіе братья ваши, колоски дрожатъ, бѣдняжки, безъ вѣтра, ломаются подъ кузнечикомъ, вытягиваютъ головки, думаютъ высосать изъ воздуха влагу и встрѣчаютъ лучъ, который подсѣкаетъ ихъ словно раскаленною косою. Засуха выпила водоводы, въ нихъ уже перенелъ вьетъ гнѣздо, а паутина заплела всѣ борозды. Жаркій вѣтеръ безвременно и насильно отнялъ у цвѣтовъ благоуханіе и разбросалъ по степи листья. Дерева блекнутъ, трава горитъ, марена чахнетъ. Буйволы бодаютъ другъ друга за лужу; голодные кони роютъ копытомъ нагую землю; мальчики дерутся у фонтана за оскудѣвшую струю . . . *Перейдеръ*,

голода, а голодъ отецъ болѣзней, братъ разбоевъ! Вѣтеръ горный, вѣтеръ свѣжій! принеси намъ на крыльяхъ своихъ благодать Божію. Облака, сосцы жизни! пролейте небесное молоко на землю, разразитесь грозой, но смойте съ лица земли загаръ, свѣйте укоръ въ безплодіи. Бросьте стрѣлы свои на грѣшныхъ, но обрадуйте невинныхъ ... вѣдь не [illegible] ники на свѣтѣ, и въ лонѣ ваше[illegible] молніи: есть и дождь освѣжак[illegible]е только страхъ, но и надежда. [illegible]чи, крылья ангеловъ! повѣйте [illegible]цой, отряхните съ себя росу. О, [illegible]спѣшите! Милости просимъ.

Пойдутъ тучи, [illegible]ютъ приглашенія. Жарко, душно въ Дерпентѣ. Засуха томитъ окрестность.

И это было въ маѣ мѣсяцѣ, въ ту пору, когда Ладожскій ледъ грозитъ Петербургскимъ мостамъ по три раза на день, затирастъ въ своихъ холодныхъ объятіяхъ нестренькіе ялботы и навѣваетъ на столичную атмосферу прохладу и насморки; въ ту пору, когда красавицы большаго свѣта выходятъ толпами на Невскій проспектъ *пользоваться свѣжею пылью*, округляя прелестныя формы своихъ капотовъ ватою, безъ всякаго нарека-

нія; въ ту пору, когда сѣверная Пальмира не знаетъ еще другихъ цвѣтовъ кромѣ распускающихся подъ творческою рукою Лапиной, другихъ благоуханій кромѣ выстиженныхъ въ баночкѣ, одинмъ слономъ, въ ту прекрасную пору, когда тающая бѣлая зима уступаетъ свое мѣсто зеленой зимѣ; когда сѣверный зефиръ, питомецъ Лапландіи, еще переноситъ румянецъ щекъ на кончикъ носа, и камелекъ, это Русское солнце, отогрѣваетъ любезность, дрожащую отъ прогулки, или остроуміе, съеженное разводомъ. Да; въ Дербендѣ заботились о жатвѣ, когда въ Петербургѣ еще толкуютъ о дороговизнѣ дровъ.

Вотъ уже пять недѣль не кануло капли дождя на поля южнаго Дагестана, а засуха есть величайшее изъ бѣдъ въ жаркомъ климатѣ, особенно если она падетъ весеннею порою. Она лишаетъ тогда все дышащее настоящаго и будущаго пропитанія, пожигая нажити и жатвы. Въ краю, гдѣ перевозъ хлѣба изъ другихъ областей или очень затруднителенъ или вовсе невозможенъ, голодъ есть неминуемый наслѣдникъ неурожая. Азіятецъ искони живетъ день до вечера, не вспоминая, что было третьяго дня, не заботясь, что случится послѣ-завтра; живетъ именно спустя рукава, потому что лѣнь и безпечность — его лучшія

наслажденія. Но когда бѣдствіе, которое онъ полагалъ за тридесять невозможностей отъ себя, вдругъ разступается подъ его ногами, когда «завтра» становится «сегодня,» онъ пробуждается опромѣтью, начинаетъ плакаться, что нѣтъ средствъ, или роптать, что не даютъ ему средствъ, вмѣсто того чтобы искать ихъ; шумитъ, когда надобно дѣйствовать, и увеличиваетъ опасти[illegible] въ той же мѣрѣ, какъ онъ уме[illegible]рѣіемъ. Можете теперь вообраз[illegible] было уныніе въ Дербендѣ, ко[illegible]ры своимъ пал[illegible]щимъ дыханіем[illegible]ить надежды купца и земледель[illegible] всѣ жители Дербенда, вмѣстѣ земледел[illegible] и купцы, распахиваютъ свои участки [illegible]ловину подъ пшеницу, наполовину подъ марену.

Да и правду сказать, имъ на ототъ разъ было много законныхъ причинъ къ страху. Окрестные Дагестанцы, со времени Кази-Муллы, были достойно казнены голодомъ за мятежъ свой. Въ пору посѣва они сѣяли пули; въ пору жатвы пожали месть: конь и огонь опустошили ихъ нивы, или вѣтеръ осени развѣялъ не снятые хлѣба, оттого что горцы лѣто и осень бѣгали за знаменами изувѣра или прятались отъ Русскихъ въ глубинѣ пещеръ. Тогда лишь коса смерти гуляла въ полѣ.

Слѣдствія угадать было не трудно. На другое лѣто, озими были съѣдены не въ зернѣ, а въ колосѣ. Все, что пощадила война, какъ то, мѣдная посуда, дорогое оружіе, хорошіе ковры, продавалось на городскихъ базарахъ за безцѣнъ, для купли необыкновенно вздорожавшей муки. У кого и этого не было, доѣдали стада свои, ушедшіе отъ зубовъ друзей и непріятелей. Наконецъ толпами стали сходиться нищіе съ горъ просить въ городахъ милостыни. Попечительное начальство приняло всѣ мѣры для отвращенія голода и монополіи перекупщиковъ. Корабли пришли съ мукой изъ Астрахани; богатые были приглашены пожертвовать избытками для спасенія бѣдныхъ, и навремя народъ успокоился. Урожай могъ все поправить.

Дербендцы только-что отпраздновали тогда *хатыль*, религіозно-театральное воспоминаніе о судьбѣ Шахъ-Гуссейна, перваго мученика-халифа секты Аліевой. Предавшись съ ребяческимъ простодушіемъ мелочнымъ заботамъ и обрядамъ этого праздника, единственнаго развлеченія народнаго въ круглый годъ, они въ свѣжести ночей, посвященныхъ представленіямъ, вовсе забыли о жатвѣ и о зноѣ. Чего забыли! они радовались неразъ, что дождь

такъ это потому только, что самый страхъ смерти не отучилъ ихъ лицемѣрить.

Какъ бы то ни было, а страхъ неурожая одолѣлъ Дербендцами. Мусульмане давай молиться въ мечетяхъ: нейдетъ дождь! Давай потомъ молиться въ чистомъ полѣ, въ надеждѣ, что Аллаху сквозь открытое небо слышнѣе будутъ ихъ мольбы чѣмъ сквозь плитные своды: ни ка[illegible]ть, поглядитъ, — небо слонно мѣд[illegible] и таетъ лучами, а раскаленная з[illegible]нается подъ ногою въ окалины и [illegible]ь капли пота, падающія съ лиц[illegible]въ. Что дѣлать?... Принялись [illegible] повѣрья. Мальчики разстилали [illegible]скресткахъ, и сбирали съ прох[illegible]ъ [illegible]сньги на носкъ да розовую воду; и потомъ, обвязавъ вѣтвями хорошенькаго какъ ангелъ мальчика, обвѣсивъ, разукрасивъ этотъ пукъ цвѣтами и лентами, пробѣгали по улицамъ, напѣвая въ ладъ пѣсни въ честь *Гюдуза*, вѣроятно когда-то бога росъ и дождей. Говорю — вѣроятно, потому что я не могъ собрать объ немъ ни какихъ положительныхъ свѣдѣній. Призываніе дождя заключалось обыкновенно приговоръ:

Гюдуль, Гюдуль, хош эльдыр!
Ардынданы ялыш эльдыр!
Гялинь, эйя дурь-сань-а,
Чюмганынь дольдура-сань-а!*

Гюдуль, Гюдуль, добро пожаловать!
Во слѣдъ тебя дождикъ идетъ!
Встань, красавица, на ноги,
Поди пополнить свой ковшъ.

Молодежь, плеща руками, плясала и пѣла кругомъ веселымъ хороводомъ съ самоувѣренностью простодушія, и — глядите! — въ самомъ дѣлѣ влажныя облака загасили солнце... Небо нахмурилось какъ скупецъ на разстаньяхъ съ деньгами, тѣнь какъ чужая собака убѣжала прочь поджавши хвостикъ; окрестность померкла; за то глаза всѣхъ заблистали и со слезами радости обратились на встрѣчу живой водѣ . . . Сталъ капать дождикъ. *Аллахъ! Аллахъ!* раздалось въ воздухѣ, и клики торжества, шиня какъ ракеты, крестились надъ Дербендомъ. Напрасные, прежде-

* Нѣкоторые наши писатели напрасно думаютъ, будто *гюмъ*, *гюмга*, значитъ зѣвъ, oître, а не ковшъ. Слово это сохранилось въ Адербаеджанскомъ нарѣчіи доселѣ, и присвоено деревянному ковшу. Металлическій ковшъ, всегда возимый на сѣдлѣ, называютъ они *джамъ*. *Чюмъ-га* (*га* или *джа* прибавляютъ Татары ко многимъ словамъ для образованія уменьшительнаго) очевидно мать Русской «чумички.»

такъ это потому только, что самый страхъ смерти не отучилъ ихъ лицемѣрить.

Какъ бы то ни было, а страхъ неурожая одолѣлъ Дербендцами. Мусульмане давай молиться въ мечетяхъ: пойдетъ дождь! Давай потомъ молиться въ чистомъ полѣ, въ надеждѣ, что Аллаху сквозь открытое небо слышнѣе будутъ ихъ мольбы чѣмъ сквозь плитные своды: ни капли! Ждутъ, поглядятъ, — небо сплошно мѣд[illegible] и таетъ лучами, а раскаленная з[illegible]инается подъ ногою въ окалины и [illegible]ть капли пота, падающія съ лица [illegible]въ. Что дѣлать? . . . Принялись за [illegible] повѣрья. Мальчики разстилали платки [illegible]екрестахъ, и сбирали съ проходящихъ деньги на воскъ да розовую воду; и потомъ, обвязавъ вѣтвями хорошенькаго какъ ангелъ мальчика, обвѣсивъ, разукрасивъ этотъ пукъ цвѣтами и лентами, пробѣгали по улицамъ, напѣвая въ ладъ пѣсни въ честь *Гюдуля*, вѣроятно когда-то бога росы и дождей. Говорю — вѣроятно, потому что я не могъ собрать объ немъ ни какихъ положительныхъ свѣдѣній. Призываніе дождя заключалось обыкновенно припѣвомъ:

Гюдуль, Гюдуль, хошъ гельды!
Ардынданъ лешъ гельды!
Галмна, аман дурь-санъ-а,
*Чюмганынъ * долдуръ-санъ-а!*

Гюдуль, Гюдуль, добро пожаловать!
Во слѣдъ тебя дождикъ идетъ!
Встань, красавица, на ноги,
Поди пополнить свой ковшъ.

Молодежь, плеща руками, плясала и пѣла кругомъ веселымъ хороводомъ съ самоувѣренностью простодушія, и — глядите! — въ самомъ дѣлѣ влажныя облака загасили солнце... Небо нахмурилось какъ скупецъ на разстаньяхъ съ деньгами, тѣнь какъ чужая собака убѣжала прочь поджавши хвостикъ; окрестность померкла; за то глаза всѣхъ заблистали и со слезами радости обратились на встрѣчу живой водѣ . . . Сталъ капать дождикъ. *Аллахъ! Аллахъ!* раздалось въ воздухѣ, и клики торжества, шиня какъ ракеты, крестились надъ Дербендомъ. Напрасные, прежде-

* Нѣкоторые наши писатели напрасно думаютъ, будто *гюмъ*, *гюмга*, значитъ мѣхъ, outre, а не ковшъ. Слово это сохранилось въ Адербаеджанскомъ нарѣчіи доселѣ, и присвоено деревянному ковшу. Металлическій ковшъ, всегда носимый на сѣдлѣ, называютъ они *джамъ*. *Чюмъ-га* (*га* или *джа* прибавляютъ Татары ко многимъ словамъ для образованія уменьшительнаго) очевидно мать Русской «чумички.»

временные клики! Подулъ вѣтеръ изъ Персіи, жаркій словно лисья шуба, и спахнулъ долой перелетное облачко. Солнце вдругъ засверкало ярче прежняго, и пуще прежняго запечалился народъ.

Минулъ еще день. Вотъ еще день, какъ усталый путникъ [illegible] ной степи, жарко дыша, прошелъ [illegible] Всѣ молятъ, все ждетъ дождя . . .

Пойдетъ!

Халкъ, народъ.
Бербадъ, чепуха.

Татарскій словарь.

Когда вы поѣдете черезъ Дербендъ, непремѣнно зайдите посмотрѣть главную *месджитъ*, — а то вамъ право нечего будетъ про этотъ богоспасаемый городъ, иже на Хвалынскомъ морѣ, разсказывать или вспоминать. Мечеть эта — такъ станете вы разглагольствовать, пощелкивая указательнымъ пальцемъ по табакеркѣ, или прижимая имъ табакъ въ трубкѣ своей, — мечеть эта по всей вѣроятности была встарину христіянскою церковью (не запинайтесь: я все приму на себя), потому что она лицемъ стоитъ на востокъ, а магометанскія мечети обыкновенно обращены входомъ къ сѣверо-востоку, чтобы молиться на Мекку и Ме-

этого храма? гдѣ о насъ поминки? Вы забыты, даже въ баснословной исторіи Дербенда, въ *дербендъ-наме*, и кровожадные стихи Корана раздаются тамъ, гдѣ звучали нѣкогда священныя пѣсни благовѣстія!

Дворъ мечети у мусульманъ Дагестана и всѣхъ горцевъ есть вѣчевая площадь. Туда сбираются они толковать о раскладкѣ повинностей и для ябедническихъ сдѣлокъ противъ начальниковъ. Тамъ притонъ пересудовъ и судъ мнѣнія, ристалище происковъ и суевѣрій, и все это у порога правды и вѣры: странное проявленіе дерзости и лицемѣрія человѣка, который вмѣсто того чтобъ трепетать сосѣдства святыни, говоря или совершая зло, старается укрыться подъ тѣнь ея и ея именемъ скрѣпить свои замыслы!

Такъ и во время бездождія дворъ главный Дербендской мечети кипѣлъ народомъ. Вкругъ высохшаго водоема, подъ тѣнью чинаровъ, на галлереѣ еще блестящей зеркалами, парчами, золотошвейными занавѣсками, знаменами съ надписью изъ Корана, толпы притекали и утекали. Красноглаголивые *мюеджины*, то есть, крѣпковѣрные, составляли средоточія многихъ кружковъ. Около нихъ дружною цѣпью тѣснились *бюкъ-сакаллы*, долгобородые, то есть, вся косматая премудрость мусульманъ, потому

этого храма? гдѣ о васъ помники? Вы забыты, даже въ баснословной исторіи Дербенда, въ *дербенд-наме*, и кровожадные стихи Корана раздаются тамъ, гдѣ звучали нѣкогда священныя пѣсни благовѣстія!

Дворъ мечети у мусульманъ Дагестана и всѣхъ горцевъ есть вѣчевая площадь. Туда сбираются они толковать о раскладкѣ повинностей и для я[illegible] сдѣлокъ противъ начальниковъ. [illegible]нъ пересудовъ и судъ мнѣнія, [illegible]ронсковъ и суевѣрій, и все это [illegible]ды и вѣры: странное проявленіе [illegible]лицемѣрія человѣка, который в[illegible]объ трепетать сосѣдства святыни, г[illegible]ли совершая зло, старается укрыться подъ [illegible]нь ея и ея именемъ скрѣпить свои замыслы!

Такъ и во время безодождія дворъ главный Дербендской мечети кипѣлъ народомъ. Вкругъ изсохшаго водоема, подъ тѣнью чинаровъ, на галлереѣ еще блестящей зеркалами, нарчами, золотошвейными занавѣсками, знаменами съ надписью изъ Корана, толпы притекали и утекали. Красноглаголивые *мюеммины*, то есть, крѣпковѣрные, составляли средоточія многихъ кружковъ. Около нихъ дружною цѣпью тѣснились *бюкъ-сакаллы*, долгобородые, то есть, вся косматая премудрость мусульманъ, потому

что у нихъ умъ не иначе свиваетъ гнѣздо какъ въ бородѣ, вещь чрезвычайно удобная для статистическихъ обозрѣній: вамъ стоитъ только подвесть итоги ко всѣмъ бородамъ, и вы будете имѣть мѣру Татарскаго ума въ Англійскихъ футахъ или въ аршинахъ; можете безошибочно сказать тогда, что въ такой-то мусульманской провинціи умственныя способности народа, вытянутыя въ волосокъ, равняются напримѣръ сотнѣ верстъ длиннику, принявъ, разумѣется, въ уваженіе число выбывающихъ бородъ по случаю смерти къ числу бородъ отпускаемыхъ вновь.* Очень жаль, что Мальтебрюнъ или Мальтусъ — да почему же

* Въ Европѣ имѣютъ совершенно ложное понятіе о неприкосновенности бородъ у мусульманъ: воображаютъ, что у нихъ считается смертнымъ грѣхомъ брить бороду, между-тѣмъ какъ по-крайней-мѣрѣ двѣ трети молодыхъ людей, лѣтъ до тридцати, не запускаютъ себѣ бороды, а франты и до сорока лѣтъ брѣются, особенно въ Турціи. Вотъ почему султанъ не встрѣтилъ противудѣйствія за бороды при образованіи регулярнаго войска, какъ это было при Петрѣ Великомъ на Руси. Правда, когда мусульманинъ разъ запуститъ бороду, онъ считаетъ грѣхомъ сбрить ее, но онъ можетъ безъ нареканія не запускать бороды до старости. Желая остепениться, мусульманинъ сзываетъ родныхъ и знакомыхъ на пирушку, и объявляетъ имъ торжественно, что онъ отпускаетъ себѣ бороду. Этотъ

и не оба! — не вадумали и не выдумали найти точнаго соотношенія между двумя знаменателями Европейскаго и Азіатскаго умовъ, бородою и перомъ. Если когда-нибудь эта геніальная догадка пойдетъ въ дѣло, и подобная перепись произведется на *семъ основаніи*, я непремѣнно потребую патента на изобрѣтеніе.

Промежду дл[illegible]дами изъ втораго круга, и то [illegible] подобострастіемъ, осмѣливались [illegible]осы свои *тюкли*, то есть полубо[illegible]дые люди уже съ усами но еще б[illegible]отому что въ Азіи уста, не вооруженны[illegible]сами, не смѣютъ на совѣтѣ отверзаться, [illegible]ѣ для того только чтобъ зѣвнуть. *Тюксюсы*, или безбородые, отроки или юноши отъ десяти до семнадцати лѣтъ, бродили поодаль, не имѣя права мѣшаться не только въ важныя дѣла, но даже просто въ разговоры со старшими. Тамъ-то видѣлось первобытное общество въ простѣйшемъ своемъ выраженіи, — съ тремя ступенями правъ, которыхъ стихійное начало есть борода.

Однако жъ изъ бородъ всѣхъ величинъ и всѣхъ цвѣтовъ радуги, бородъ, раскрашенныхъ хиною и природою, Дербендскіе мудрецы не могли выжать ни капли дождя, ни выдумки чѣмъ бы замѣнить его. Говорили много,

у свиноѣдовъ чаекъ распиваете, будто вамъ мало мочи наѣдаться раза по три, до того что кушакъ рвется! И вотъ вамъ за то адское дерево *закумъ* проросло на землю. Кушайте же его горькіе плоды, плоды—головки змѣины. Охотники вы пить тайкомъ жидкій грѣхъ, смертный грѣхъ — водку, да вѣдь отъ Аллаха не запрешь воротъ на-запоръ, не увѣришь его, что это дѣлается не-хотя, болѣзни ради, *дерманъ ерикда* *, вмѣсто лекарства! Онъ стережетъ за вами окомъ солнца въ день и тысячами тысячъ глазъ-звѣздочекъ ночью. Онъ знаетъ по имени каждую мысль въ вашей головѣ, слышитъ малѣйшій шепотъ сердецъ вашихъ. Какъ же не знать всевѣдущему ему, когда я, не кала-бекъ **, а знаю, что вы не только на водку, да и на вино, посягаете своими многогрѣшными устами! Кто на землѣ пьетъ вино безумія, того не напою я изъ потока радости, текущаго виномъ въ *раженатъ!* сказалъ Аллахъ пророку нашему. Не надѣйтесь же вы, виноніцы, пить въ раю вина блаженства, обѣщаннаго пророкомъ, затѣмъ что вы сосете проклятіе изъ бутылокъ, слѣп-

* Водка позволена правовѣрнымъ только въ случаѣ недуга, требующаго спиртныхъ лекарствъ, и то въ крайности.

** Полицеймейстеръ въ мусульманскихъ городахъ.

гомета, а родственники Магомета, какъ извѣстно и доказано, получили отъ него съ зелеными чалмами духъ святости въ вѣчное и потомственное владѣніе. Набравшись вдохновенія свыше и дыму изъ кальяна, онъ изронилъ золотое слово изъ устъ своихъ, смѣшанное съ благоуханіемъ Ширазскаго табаку.

— *Аманъ*, *ал*[illegible]вы къ Аллаху! А! Дербендцы при[illegible]ь, просить пощады у Бога, и тузить [illegible], и съ горя щипать себѣ бороду! И[illegible]то Аллахъ будетъ такъ простъ, что [illegible] простить васъ, что повѣрить на сл[illegible]аскаянію? *Хейръ*, *іо ідашлярь*, *хей*[illegible]рищи, нѣтъ! Напившись грязи, Корана не ц[illegible]ть! Бога не обманешь поклонами да жалоснымъ голосомъ, какъ Русскаго коменданта: знаетъ онъ васъ давно! Сердца ваши исписаны грѣхами черные чѣмъ книга *Седжилъ*, въ которую заноситъ ангелъ Джебраилъ злодѣянія человѣческія, а вы и не думаете вымыть сердецъ своихъ въ молитвѣ и постѣ. Придетъ ли *ураза* (постъ великій), въ который, днемъ, набожной душѣ страшно хлебнуть даже дыму трубки*, а вы, смотришь, гдѣ-нибудь за угломъ чурекъ грызете, либо

* Азіятцы говорятъ пить табакъ или тянуть трубку: *тютюнъ ичмакъ*, *люлям чекмакъ*. *Тютюнъ* собственно значитъ дымъ.

мнимую перекличку грѣховъ, а можетъ быть и грѣшниковъ: на ворѣ и шапка горитъ, говоритъ пословица, — какъ же не горѣть щекамъ? Мусульманинъ на своемъ коврѣ заткнетъ за поясъ любаго изъ Европейскихъ развратниковъ, за то внѣ дома онъ важенъ и степенъ, не сдѣлаетъ неприличнаго движенія, не обмолвится скоромнымъ словомъ, и лучше пырните его по дружески кинжаломъ въ бокъ, чѣмъ разсказывать на *майданѣ* (площади) про его задверныя проказы. На перекоръ Европейцамъ, базары мусульманъ — самая нравственная часть ихъ городовъ, а пороги самая нравственная часть домовъ ихъ, и то я разумѣю половинку глядящую на улицу: это не моя тайна!

Видя, что рѣчь задѣла слушателей за живое, бородатый цвѣтословъ пріосанился, торжественно крякнулъ и, раскинувъ взоры по всѣмъ угламъ двора, возвелъ ихъ наконецъ къ небу съ тихимъ восклицаніемъ — *эль хамду ли'ллахъ!* Правая рука его въ то время грозно сжимала красную его бороду, такъ что онъ страхъ походилъ на Юпитера, готоваго бросить пукъ молній. И, правду сказать, лихой былъ низатель бисера * этотъ Миръ-Гаджи-Фетхали-

* Ораторъ, поэтъ, краснословъ.

ленныхъ невѣрными руками на вашу пагубу! Не надѣйтесь и дождя на ваши нивы, за то, что вы насушили до дна терпѣніе Божіе огнемъ порочныхъ желаній вашихъ? Это вамъ задатокъ той мучительной жажды, которою накажетесь въ *ужевенемъ*. И растрескаются ваши уста, прося капли воды, какъ растрескалась теперь земля, и [illegible]ника не падетъ имъ въ освѣженіе. Алл[illegible]нкъ! Вы сами накликали себѣ на голо[illegible]лятіе . . .

— Но за что, прости[illegible]ди, терпимъ за насъ мы, въ чьихъ жила[illegible]ть чистая кровь пророка, въ чьихъ го[illegible] пересыпаются какъ жемчугъ святыя пр[illegible] корана? *Вай, вай!* подкопали грѣхи ст[illegible]ь *Арафѣ*, дѣлившую праведныхъ отъ не[illegible]дныхъ, и она падаетъ всѣмъ на голову, давитъ и того, который ни разу не ѣлъ съ гяурами баранины, убитой и очищенной не по закону, и того, который ѣстъ пилавъ не пальцами а богопротивною ложкой, сидя . . . о времена, о нравы! . . . сидя на стулѣ, а не какъ Богъ показалъ, на пятахъ! И тѣхъ . . .

Всеобщій плачъ и восклики *шахъ Гусейнъ, вай Гусейнъ!* заглушили проповѣдника: вѣдь слезы на Востокѣ ни почемъ. Я подозрѣваю впрочемъ, что всѣ эти продѣлки печали и набожности клонились къ тому, чтобъ замять по-

лось Божіей милости. Наказываетъ онъ правыхъ вмѣстѣ съ виноватыми, за то за одного праведника милуетъ цѣлые народы нечестивыхъ. У грѣшныхъ и безгрѣшныхъ желудокъ проситъ ѣсть одинаково, и мы всѣ молились о дождѣ одинаково. Видно не взошла на небо молитва наша, забрызганная грязью помысловъ! Нѣтъ успѣха! Скажу, братья, одно слово: не знаю, придется ли оно вамъ по душѣ, а слово это будто ангелъ обронилъ изъ своей думы. Отцы и дѣды наши въ истому засухи выбирали, какъ сами вы слышали, сами своими глазами видѣли, чистаго душой и тѣломъ юношу, и посылали его со своей молитвой къ Аллаху ближе, на высь горъ. И онъ долженъ бывалъ набрать снѣгу съ темени Шахъ-дага въ кувшинъ, и молиться за своихъ ближнихъ съ теплою вѣрою, и принести этотъ кувшинъ, не ставя его на землю, въ Дербендъ, и вылить растаявшій снѣгъ въ море. Аллахъ великъ! Море закипало, и тучи слетались откуда невидимо, и благодатный ливень напоилъ, живилъ мертвую землю!

— Правда!! *Аллахъ акберъ!* и, мы, всѣ видѣли, загремѣла тысяча голосовъ: восемь лѣтъ, десять лѣтъ тому назадъ! Я самъ тутъ былъ! Мой братъ несъ воду! Чудо чудное! вода въ морѣ стала сладка какъ молоко . . .

капли дождя были съ яйцо куриное. Наконецъ вся эта дребедень невнятныхъ восклицаній слилась въ явственный крикъ: Выбрать юношу, послать его на Шахъ-дагъ!

— На Шахъ-дагъ! заревѣлъ весь Дербендъ.

— На Шахъ-дагъ, повторило эхо мечети.

Казалось, это слово разрѣшило загадку, которая у всѣхъ свинцомъ лежала на сердцѣ; это слово пронизало всѣхъ одною увѣренностью. Бородачи были рады средству, которое не стоитъ ни копѣйки. Молодежь съ гордостью думала: Выбирать-то вѣдь станутъ изъ насъ! Даже мальчишки веселѣй прыгали на одной ножкѣ, и какъ сороки щебетали: На Шахъ-дагъ! Стоитъ только выбрать молодца, толковали всѣ, и черезъ три дня каждая нива у насъ оборотится озеромъ. Дербендцы сводили счетъ безъ хозяина: многостоющимъ оказалось — *стоитъ послать*. Найти невинность: бездѣлица! Невинность въ горожанинѣ, въ юношѣ и Азіятцѣ? Помилуйте, да такого клада въ нашъ вѣкъ если и на святой Руси поискать, такъ пары три желѣзныхъ чоботовъ стопчешь! А въ жаркомъ климатѣ и подавно.

Если нашъ ледяной истуканъ цѣломудрія подтаиваетъ отъ дыханія страстей, питающихся Ижеповымъ шоколадомъ на Исландскомъ мху, то въ какую тѣнь спрятаться можно отъ Азі-

лось Божіей милости. Наказываетъ онъ правыхъ вмѣстѣ съ виноватыми, за то за одного праведника милуетъ цѣлые народы нечестивыхъ. У грѣшныхъ и безгрѣшныхъ желудокъ проситъ ѣсть одинаково, и мы всѣ молились о дождѣ одинаково. Видно не взошла на небо молитва наша, забрызганная грязью помысловъ! Нѣтъ успѣха! Скажу, братья, одно слово: не знаю, придется ли оно вамъ по душѣ, а слово это будто ангелъ обронилъ изъ своей думы. Отцы и дѣды наши въ истому засухи выбирали, какъ сами вы слышали, сами своими глазами видѣли, чистаго душой и тѣломъ юношу, и посылали его со своей молитвой къ Аллаху ближе, на высь горъ. И онъ долженъ бывалъ набрать снѣгу съ темени Шахъ-дага въ кувшинъ, и молиться за своихъ ближнихъ съ теплою вѣрою, и принести этотъ кувшинъ, не ставя его на землю, въ Дербендъ, и вылить растаявшій снѣгъ въ море. Аллахъ великъ! Море закипало, и тучи слетались откуда невидимо, и благодатный ливень напоилъ, живилъ мертвую землю!

— Правда!! *Аллахъ акберъ!* я, мы, всѣ видѣли, загремѣла тысяча голосовъ: восемь лѣтъ, десять лѣтъ тому назадъ! Я самъ тутъ былъ! Мой братъ несъ воду! Чудо чудное!

капли дождя были съ яйцо куриное. Наконецъ вся эта дребедень невнятныхъ восклицаній слилась въ явственный крикъ: Выбрать юношу, послать его на Шахъ-дагъ!

— На Шахъ-дагъ! заревѣлъ весь Дербендъ.

— На Шахъ-дагъ, повторило эхо мечети.

Казалось, это слово разрѣшило загадку, которая у всѣхъ свинцомъ лежала на сердцѣ; это слово про[illegible] одною увѣренностью. Борода[illegible] средству, которое не стоитъ ни [illegible]лодежь съ гордостью думала: [illegible] вѣдь станутъ изъ насъ! Даже [illegible]селѣй прыгали на одной ножкѣ, [illegible]ки щебетали: На Шахъ-дагъ! Сл[illegible] выбрать молодца, толковали всѣ, и [illegible] дня каждая нива у насъ оборотится озеромъ. Дербендцы сводили счетъ безъ хозяина: многостоющимъ оказалось — *стоитъ послать*. Найти невинность: безцѣлица! Невинность въ горожанинѣ, въ юношѣ и Азіятцѣ? Помилуйте, да такого клада въ нашъ вѣкъ если и на святой Руси поискать, такъ пары три желѣзныхъ чоботовъ стончешь! А въ жаркомъ климатѣ и подавно.

Если нашъ ледяной истуканъ цѣломудрія подтаиваетъ отъ дыханія страстей, питающихся Имзеновымъ шоколадомъ на Исландскомъ яху, то въ какую тѣнь спрятаться можно отъ Азі-

атскихъ желаній, стрѣляющихъ калеными ядрами? Слова нѣтъ, наше Сѣверное игривое воображеніе, протопленное романами и вальсомъ, становится для насъ безпрестанно жаркимъ климатомъ; пороки у насъ — поденѣжники, забѣгаютъ необыкновенно рано, а зрѣютъ гораздо ранѣе огурцовъ; но, господа, взгляните на термометръ Реомюра, прочтите надпись надъ 33 градусами тепла — *жаръ крови*, и сознайтесь, что климатъ, который развиваетъ не только раннія страсти, да еще раннія для нихъ силы, что-нибудь да значитъ въ животной экономіи. Такія страсти не требуютъ теплицъ, орошенія виномъ и прививки чужихъ прихотей; нѣтъ, онѣ забѣгаютъ безъ подпоръ и крѣпнутъ на воздухѣ или, лучше сказать, воздухомъ, который заряженъ двойнымъ патрономъ электричества, который дышетъ, вѣетъ, окачиваетъ негой и бросаетъ въ наше сердце столь причудливыя мечты на яву, что вы подъ Русскимъ небомъ и во снѣ такихъ не видывали. Чтобъ судить и осуждать Востокъ, надо сбросить съ себя все Европейское: понятія, привычки, предразсудки, и рѣшительно сказать самому себѣ — Я сегодня родился. Но къ-этому надо принесть на Востокъ и тѣло гибкое, воспріимчивое, и душу

отдаться безусловно расплавкѣ двойной атмосферы: впечатлѣнію всѣхъ внѣшнихъ предметовъ, не процѣживая ихъ сквозь ветошь книжныхъ повѣрій, не мѣшая туда собственныхъ предубѣжденій. Предположивъ, что это хоть приблизительно возможно, вы помиритесь со всѣмъ и со всѣми, что окружаетъ васъ. Вы сердцемъ убѣдитесь тогда, что природа и ея формы, люди и [illegible] составляютъ тамъ недѣлимый гар[illegible]кордъ, или еще того лучше, вы [illegible] и дѣлать какъ сосѣди, не спра[illegible]ботясь — почему?

Да-съ, растит[illegible]тока, которому Дагестанъ служил[illegible] быстра до невѣроятія и роскошна[illegible]ства, а жизнь Азіатца — полу-растеніе, пол[illegible]ивотность. Мудрено ли жъ послѣ этого, или съ этимъ вмѣстѣ, что Дербендцы крѣпко затруднились, когда дѣло дошло до выбора? Въ самомъ дѣлѣ, найти юношу чистаго какъ снѣгъ, который долженъ собрать онъ; какъ лучъ, который растопить этотъ снѣгъ; найти человѣка, котораго уста не знали бы сладости завѣтнаго поцѣлуя, ни вкуса поросенка подъ хрѣномъ, — чортъ возьми, это не шутка подъ тѣнью виноградниковъ и персиковыхъ деревъ, и въ такихъ короткихъ связяхъ съ Русскими! Потаи толки и пересуды; всѣ разцвѣтающія ре-

ромъ губы студить! Искендера такъ Искендера! Скорѣе звать, просить, тащить его! Ступай, бѣги къ нему! Дай Богъ удачи нашему Искендеръ-беку, онъ выручитъ, онъ спасетъ насъ! Онъ не ѣстъ, не пьетъ, и дружбы не водитъ, съ гяурами. Не помнитъ кто, чтобы онъ хоть разъ почевалъ въ садахъ; никто не видывалъ, чтобы онъ поднялъ глаза на *чадру* (женское покрывало). Не поютъ ему пѣсенъ наши молодцы и дарятъ цвѣтовъ по смѣютъ! онъ живетъ ясенъ и одинокъ, какъ мѣсяцъ въ ночи.

— Да, да, ступай къ Искендеръ-беку, поправили кое-кто.

— Нѣтъ, братъ, къ нему не по всякій часъ суйся. Порою бываетъ такой крутой, что на козѣ не подъѣдешь; а гордъ всегда, всегда, и дома и на улицѣ, въ разгулѣ и съ просонья. Посмотрите-ка на него: идетъ нейдетъ, башмаки волочетъ, а разсядется — что твой кала-бекъ! Слово у него по цѣлковому, а улыбка, хоть ты колесомъ катайся, не выманишь! такой дутикъ! Къ нему итти, надо два раза подумать, да одинъ разъ хорошо выдумать!

Гадали, думали, сложили совѣтъ: итти послать отъ всего Дербендскаго народа Гад-

подумать можно. У нихъ въ домѣ
ремиленькая Лезгинка. Купилъ онъ
мя голода у отца за двадцать рублей
ь, а теперь не продастъ и за сотню:
вѣдь? *инсанъ ,девильми?* Сабля —
и та безъ ноженъ ржавѣетъ.
го много говорятъ; другой самъ мно-
итъ: ищутъ не сыщутъ достойнаго.
Дербендцы свои буйныя головы . . .
ежнее горе!
Искендеръ-бекъ? сказалъ кто-то въ

самомъ дѣлѣ! подхватили многіе го-
Искендеръ-бекъ-то на что? Да какъ
его забыли, какъ пропустили розу
ѣтами, сокола между птицами? Ал-
ахъ! Или у насъ жаръ-то весь мозгъ
ы вытопилъ? Это странно! это не-
о! это удивительно!
ни крошки не нахожу тутъ удиви-
Не то что у Татаръ, у насъ право-
, не знаю какъ это дѣлается, только
ишихъ всегда вспоминаютъ напослѣ-
рошо если еще вспоминаютъ напо-
хорошо если еще вспоминаютъ. Это,
олагать, отъ худаго механизма на-
ти!
слава Аллаху, нашли! Чего жъ да-

ромъ зубы студить! Искендера такъ Искенде-
ра! Скорѣе звать, просить, тащить его! Сту-
пай, бѣги къ нему! Дай Богъ удачи нашем
Искендеръ-беку, онъ выручитъ, онъ спасет
насъ! Онъ не ѣстъ, не пьетъ, и дружбы и
водитъ, съ гяурами. Не помнитъ кто, чтоб
онъ хоть разъ почевалъ въ садахъ; никт
не видывалъ, чтобы онъ поднялъ глаза и
гяуру (женское покрывало). Не поютъ см
ванъ наши молодцы и дарятъ цвѣтовъ и
сладкаго; онъ живетъ весь и одинокъ, как
месяцъ въ ночи.

— Да, да, ступай къ Искендеръ-беку, пом
ога знаю кое-кого.

— Нѣтъ, братъ, къ нему не во всякій час
ду вхожи. Порою бываетъ такой крутой, что и
к нему не подъѣдешь; а гордъ всегда, всегда
и дома и на улицѣ, въ разгулѣ и съ прос
ты. Посмотрите-ка на него: идетъ, идетъ
бо, бязмаки волочетъ, а разсядется — что тво
ка-бекъ! Слово у него по цѣлковому, а у
ка бка, хоть ты колесомъ катайся, не вым
ши такой дутикъ! Къ нему итти, надо да
ра подумать, да одинъ разъ хорошо выду
мать!

Гадали, думали, сложили совѣтъ: итт
по ломъ отъ всего Дербендскаго народа Га-

щихъ, подстрекнула всѣхъ на злословіе, и бѣдному Фетхали вышили спину въ узоры шелками Шемаханскими. Охотники Татары умывать чужіе глаза розовою водою, то есть льстить безъ милосердія: зато, чуть отвернись, распестрятъ они васъ вдоль и около. У нихъ какъ и у насъ, бездѣлье замѣшано на пересудахъ, на *найбетъ*. Люди вездѣ люди!

III.

Эжюружъ-баши гитты, яры, есенъ-сюсъ.
Безъ тебя, милая, вянетъ весна моей жизни.

Изъ пѣсни.

Достопочтенный Миръ-Гаджи-Фетхали-Ибрагимъ-оглы тихо ступалъ съ камня на камень, подымаясь отъ мечети въ гору по узкой и кривой улицѣ. Полы его чухи, противъ обыкновенія не подобранныя, мели пыль; огромные каблуки его туфель безпрестанно подвертывались на клыкастой, неровной мостовой Дербенда, хотя Фетхали глядѣлъ такъ пристально себѣ подъ ноги, будто выбиралъ хорошенькій булыжникъ для перстня. То Гусейнъ, то Фераали, почтенные его сопутники, одинъ пыхтя, другой кашляя, справа и слѣва заки-

щихъ, подстрекнула всѣхъ на злословіе, и бѣдному Фетхали вышили спину въ узоръ шелками Шемаханскими. Охотники Татары умывать чужіе глаза розовою водою, то есть, льстить безъ милосердія: зато, чуть отвернись, распестрятъ они васъ вдоль и около. У нихъ, какъ и у насъ, бездѣлье замѣшано на пересудахъ, на *найбетъ*. Люди вездѣ люди!

III.

Эмюрумъ-баши гитты, яры, сенъ-сюсъ.
Безъ тебя, милая, вянетъ весна моей жизни.

Изъ пѣсни.

Достопочтенный Миръ-Гаджи-Фетхали-Исмаилъ-оглы тихо ступалъ съ камня на камень, подымаясь отъ мечети въ гору по узкой и кривой улицѣ. Полы его чухи, противъ обыкновенія не подобранныя, мели пыль; огромные каблуки его туфель безпрестанно подвертывались на клыкастой, неровной мостовой Дербенда, хотя Фетхали глядѣлъ такъ пристально себѣ подъ ноги, будто выбиралъ хорошенькій булыжникъ для перстня. То Гусейнъ, то Фераали, почтенные его сопутники, одинъ

дывали ему вопросы: онъ не отвѣчалъ, не слышалъ ихъ; онъ до того былъ разсѣянъ, что брызги его плевковъ летѣли на черную бороду Гусейна, и на розовую Ферзали, безъ извиненія: они оба осерчали.

— *Ла адамъ-дюръ бу!* сказалъ первый отирая полою лице: что это за человѣкъ? ему говоришь, а онъ плюетъ! Изъ какого Фарсійскаго поэта [illegible] такую рифму, чортовъ племянник[illegible]

— *Похъ оны* [illegible] грязи бы ему въ голову! воскли[illegible]й, стряхая бородку. Не дарожъ ска[illegible] хозяинъ дома, такъ одной клички [illegible] сейчасъ отопретъ двери; а коли дома нѣ[illegible], такъ и палкой не достучишься. Что даром[illegible] и толковать, Ферзали, когда здѣсь пусто!

Но у Фетхали не было тутъ пусто. Напротивъ, голова его была полна такихъ забіякъ гостей, что за шумомъ онъ не могъ разслушать даже голосу разума. Въ ушахъ его звенѣли еще крики толпы: — онъ уговоритъ, какъ ему не уговорить, а сердце шептало — Едва ли! Вспомни, Фетхали, какъ обидѣлъ ты Пекендеръ-бека и какъ недавно обидѣлъ! Я разскажу вамъ, господа, зачто и почему между ними стало нелюбіе: только чуръ никому ни слова. А то пожалуй эти мерзавцы иро-

мя, обруби головы этимъ торговцамъ души: нѣтъ, поскупился онъ, не послушали меня, — и вотъ за то награда! Самъ ѣстъ чужой хлѣбъ, пересоленный упреками, а мы, его вѣрные слуги, умираемъ безъ куска хлѣба.

И онъ умеръ; но его повѣрья, его пристрастія и предразсудки, ожили въ сынѣ. Искендеръ-бекъ почерпнулъ ихъ изъ гораздо чистѣйшаго источника, — изъ сыновней любви, а не изъ собачьей привычки; изъ уваженія, совершенно безкорыстнаго, къ порядку вещей давно разрушенному, а не изъ платы за поддержаніе настоящихъ безпорядковъ; со всѣмъ тѣмъ его мечты и сожалѣнія о самовластіи хановъ, о разгульной жизни подвластныхъ имъ бековъ, объ удалыхъ набѣгахъ на сосѣднія земли, одинъ словомъ о рыцарскихъ временахъ, когда мѣткое ружье, лихой конь и отвага, могли доставить человѣку все, чего жаждала душа его, были черезъ чуръ дики. Не зная черной стороны прежняго правленія, онъ не видѣлъ хорошей новаго. Золото, не боясь болѣе грабежа отъ спутниковъ хана, пошло въ оборотъ, разрослось сторицею и наконецъ разлило довольство по всѣ классы народа. Русскій орелъ широко покрылъ своими крыльями округъ Дербенда, и — садовникъ и пахарь, безъ прежняго страха быть изрублен-

и дотлѣвалъ въ забвеніи, въ опалѣ. Онъ умеръ въ 1826 году, убитый извѣстіемъ, что Персіане, которыхъ нетерпѣливо ждалъ онъ въ Дербендъ, прогнаны изъ Кубы; но, умирая, завѣщалъ сыну — не служить Русскимъ и не дружить Дербендцамъ.

На Дербенд[illegible]ь волъ особенно за то, что они со[illegible]жды выдать своихъ хановъ въ руки [illegible]Потѣшились мы съ Фетхали-ханом[illegible]ъ краткаго изгнанія воротились [illegible]и грозою въ Дербендъ *, говари[illegible]е осталось на одного хорошенькаго м[illegible], который бы не взятъ былъ во дворецъ; ни одной красавицы, которая бы миновала его ложа или нашего ковра **. Наши стали всѣ лавки, наши всѣ сундуки измѣнниковъ. Бывало, ѣдешь по улицѣ, такъ всѣ до своего колѣна лбомъ кланяются да цѣлуютъ стремя: а теперь они разтолстѣли мерзавцы, и хребетъ у нихъ не сгибается какъ у свиньи! Говорилъ я Фетхали-хану: Вырви съ корнемъ это кунеческое сѣ-

* Первый разъ взятъ былъ Дербендъ Зубовымъ въ 1801 году и вскорѣ оставленъ. Второй въ 1804.

** Дербендцы съ ужасомъ воспоминаютъ это время. Заслышавъ о такомъ наборѣ въ наложницы, они платили приданое (вещь неслыханная) за дочерями; [illegible]

мя, обруби головы этимъ торговцамъ души: нѣтъ, поскупился онъ, не послушали меня, — и вотъ за то награда! Сажъ ѣстъ чужой хлѣбъ, пересоленный упреками, а мы, его вѣрные слуги, умираемъ безъ куска хлѣба.

И онъ умеръ; но его повѣрья, его пристрастія и предразсудки, ожили въ сынѣ. Искендеръ-бекъ почерпнулъ ихъ изъ гораздо чистѣйшаго источника, — изъ сыновней любви, а не изъ собачьей привычки; изъ уваженія, совершенно безкорыстнаго, къ порядку вещей давно разрушенному, а не изъ платы за поддержаніе настоящихъ безпорядковъ; со всѣмъ тѣмъ его мечты и сожалѣнія о самовластіи хановъ, о разгульной жизни подвластныхъ имъ бековъ, объ удалыхъ набѣгахъ на сосѣднія земли, однимъ словомъ о рыцарскихъ временахъ, когда мѣткое ружье, лихой конь и отвага, могли доставить человѣку все, чего жаждала душа его, были черезъ чуръ дики. Не зная черной стороны прежняго правленія, онъ не видѣлъ хорошей новаго. Золото, не боясь болѣе грабежа отъ спутниковъ хана, пошло въ оборотъ, разраслось сторицею и наконецъ разлило довольство во всѣ классы народа. Русскій орелъ широко покрылъ своими крыльями округъ Дербенда, и — садовникъ и пахарь, безъ лишняго стыда, были порублен-

нымъ Горцами у самыхъ воротъ, далеко въ горы и поле выдвинули свои виноградники и нивы. Безопасная торговля съ Русью и съ Персіею принесла дешевизну и сдѣлала доступнымъ для самыхъ бѣдняковъ тѣ предметы роскоши, что добывались прежде за рѣдкость богачами. Сперва не было у семи домовъ одного мѣднаго котла; теперь у каждой семьи не только носу [illegible], но даже мангалы изъ мѣди. [illegible] торжественныхъ дней брака но[illegible] былъ одинъ богатый кафтанъ [illegible], и женихи брали его на прокат[illegible] ербендъ славится щегольствомъ [illegible]ти каждый облить галунами, а собо[illegible]е диво. Но всего этого не видалъ [illegible]бекъ, или не хотѣлъ вѣрить, что прежде было иначе. Исключительная гордость его страдала равенствомъ передъ законами; возвышеніе въ чины изъ недворянъ, по заслугамъ, а не по роду, считалъ онъ личною обидою, и, разлученный такимъ образомъ отъ Русскихъ и Татаръ двумя враждами, заперся въ одиночество добровольно, въ небольшомъ наслѣдственномъ домѣ, довольствуясь небольшими доходами съ лоскутка земли, — и не скучалъ: онъ былъ молодъ.

Молодость, молодость! волшебный край жи-

зни! прелестенъ ты, когда лежишь впереди, необозримый какъ надежда, а не назади какъ воспоминаніе; когда развиваешься очамъ какъ панорама, а не какъ обнаженная карта. Зачѣмъ не дано человѣку способности, какъ сурку, засыпать на всю зиму настоящаго горя, чтобы хоть во снѣ дышать твоимъ вешнимъ воздухомъ, перепкупать прежнія радости и, прежнимъ, крѣпкимъ еще сердцемъ, выносить бури твои? Напрасно! Ничѣмъ не обновить юности, и никогда ея не забыть, и всегда сожалѣть — удѣлъ нашъ! Гдѣ взять теперь твоей плавкости характера, твоей неистощимой готовности къ слезамъ и смѣху, твоего мимолетнаго гнѣва, исчезающаго безъ досады и мести? Огорченный бездѣлкою, утѣшенный вздоромъ, счастливъ до исступленія отъ одного взгляда, одного слова, юноша предается довѣрчиво, и ему также предаются довѣрчиво, также скоро. Вездѣ находитъ онъ отголосокъ своей любви и дружбѣ, но, бросая той и другой беззаботно жизнь свою въ жертву какъ перчатку или какъ платокъ, онъ не отдаетъ имъ счастія жизни. Потеря друга, измѣна любовницы, оглушаютъ его, но гроза разсыпается дождемъ, и завтра уже его рука трепещетъ въ рукѣ новаго друга, кипитъ бокалъ за здоровье новаго завѣтнаго имени. Его связи не вросли еще въ

и, расторгаясь, не рвуть сердца по-
; мысли — ему не думы, и самыя думы ему
Плѣненный ихъ красотою или величіемъ,
е предчувствуетъ, что эти великаны ост-
на его сердцѣ топоръ, сбираясь безжа-
казнить собственныхъ дѣтей или заду-
какъ Отелло, вѣру въ высокое пуховой
кою клеветы.
сть пшена, чашку воды, немного свѣ-
много, много воздуха, — вотъ, что
было юношѣ Искендеръ-беку. Весной,
весь свѣтъ превращался въ любовь и въ
о, онъ снималъ со стѣны свою длинную,
цѣнную винтовку, работы славнаго Гад-
устафы, сѣдлалъ лихаго Карабагскаго ко-
ажалъ на лѣвую руку золотаго ястреба,
ъ кушъ, и скакалъ по горамъ и по до-
; скакалъ до усталости, если жажду нѣ-
жно назвать усталостью. И потомъ онъ
лся въ тѣнь, на берегу какого-нибудь гор-
ручья, и, подъ опахаломъ благоухания-
тра, дремалъ подъ его журчанье, покры-
ороѣ звонкою трелью соловья. Музыка
природы струилась для него мечтами, или
осуществлялись ему въ цвѣтахъ и зву-
? Не знаю я. Не знаю и того, мечталъ
ть, или размышлялъ; но онъ жилъ, жилъ
ъ своимъ существомъ: чего же болѣе?

кѣ, съ засученными рукавами, опершись на винтовку; онъ былъ живописенъ, онъ былъ гнѣвно-прекрасенъ тогда. Уста его роптали укоризны, взглядъ съ презрѣніемъ слѣдилъ Дербендцевъ.

— На кого ты сердишься, Искендеръ? спросилъ я.

— Бездѣльники, заячьи души, отвѣчалъ онъ: они умѣютъ только впередъ итти шагомъ, а чудь назадъ, то бѣгутъ опрометью. Мы тамъ оставили Нефтали.

— Какого Нефтали, Искендеръ? Не того ли красиваго мальчика съ крашеными *зюльфами*, который просилъ у меня патроновъ при началѣ схватки?

— Того самаго! Изъ цѣлаго Дербенда одного его любилъ я . . . Прекрасная душа!... И онъ погибъ!

— Взяли въ плѣнъ?

— Легъ на-мѣстѣ. Храбрый лучше взрослаго, онъ былъ безразсуденъ какъ дитя. Погнался за кистью винограда и заплатилъ за нее головою. Въ глазахъ нашихъ, Лезгины рѣзали ему шею, и я не могъ прогнать, не могъ умолить товарищей ударить на выручку его тѣла, мы бросили его на поруганіе! Еще разъ, послѣдній разъ зову, крикнулъ онъ обращаясь къ нѣсколькимъ Татарамъ: въ комъ есть вѣра и у кого душа не потаскушка, пойдемъ, отобьемъ трупъ

очами, онъ пробовалъ лезвее кинжала, онъ восклицалъ: скоро ль удастся мнѣ сразиться?

И ему скоро удалось это. Казн-Мулла осадилъ Дербендъ: отважнымъ раздолье открылось кидаться на вылазки. Я каждый разъ ходилъ съ Татарами, и каждый разъ видѣлъ Искендеръ-бека впереди: догна[illegible] можно, обогнать никогда. Онъ как[illegible]лъ между гробовыхъ стоячихъ плитъ [illegible]нимъ полемъ стычекъ были кладбища [illegible]щія Дербендъ — мѣтко металъ смерт[illegible] винтовки, и потомъ съ дикимъ вопл[illegible]я на враговъ, махая кинжаломъ и м[illegible]сгающая лава гнала бѣгущихъ. Какъ [illegible]нію встрѣчусь нимъ на послѣдней нашей [illegible]вкѣ на Кубинскую сторону. Выбивъ непріятеля изъ виноградниковъ, мы отступали съ успѣхомъ, но въ безпорядкѣ, какъ водится у Азіятцевъ. Двѣ срубленныя головы воткнуты были на отнятое знамя, одна надъ другою, и Дербендцы съ криками торжества скакали около кроваваго трофея. Толпа провалила уже въ ворота, но я съ немногими, прикрывая отступленіе, остался у фонтана освѣжить запекшіяся отъ зною, и пыли, и пороху, уста. Ядра реѣли надъ нами вслѣдъ врагамъ; ихъ пули чикали о плиты водоема. Я поднялъ голову: передо мной стоялъ тезка мой Искендеръ-бекъ въ одномъ архалу-

кѣ, съ засученными рукавами, опершись на винтовку; онъ былъ живописенъ, онъ былъ гнѣвно-прекрасенъ тогда. Уста его роптали укоризны, взглядъ съ презрѣніемъ слѣдилъ Дербендцевъ.

— На кого ты сердишься, Искендеръ? спросилъ я.

— Бездѣльники, заячьи души, отвѣчалъ онъ: они умѣютъ только впередъ итти шагомъ, а чуть назадъ, то бѣгутъ опрометью. Мы тамъ оставили Нефтали.

— Какого Нефтали, Искендеръ? Не того ли красиваго мальчика съ крашеными *зюльфами*, который просилъ у меня патроновъ при началѣ схватки?

— Того самаго! Изъ цѣлаго Дербенда одного его любилъ я . . . Прекрасная душа!... И онъ погибъ!

— Взяли въ плѣнъ?

— Легъ на-мѣстѣ. Храбрый лучше взрослаго, онъ былъ безразсуденъ какъ дитя. Погнался за кистью винограда и заплатилъ за нее головою. Въ глазахъ нашихъ, Лезгины рѣзали ему шею, и я не могъ прогнать, не могъ умолить товарищей ударить на выручку его тѣла, мы бросили его на поруганіе! Еще разъ, послѣдній разъ зову, крикнулъ онъ обращаясь къ нѣсколькимъ Татарамъ: въ комъ есть вѣра и у кого

товарища, снимемъ съ себя позоръ предательства!

— Пойдемъ, сказалъ я.

— Пойдемъ! сказали еще двое увлеченныхъ примѣромъ.

Пошли.

И мы вышли безъ боя, хотя убитый лежалъ далеко въ вин[illegible]ъ, внѣ крѣпостныхъ выстрѣловъ. [illegible] никакъ не надѣялись подобной дера[illegible] тихо вынесли, на плечахъ своихъ, [illegible]енный, обнаженный трупъ несчаст[illegible] положили у воротъ. Съ воплемъ, разд[illegible] душу, упала на него мать; шопотъ с[illegible] пробѣжалъ по толпѣ. Искендеръ-бекъ [illegible], сдвинувъ брови, но слезы противъ воли заливали ему глаза. Я подалъ ему руку и сказалъ:

— Жаль, что ты не Русскій!

Онъ сжалъ ее и отвѣчалъ: — Я поздравляю тебя только съ тѣмъ, что ты не Татаринъ.

Искендеръ-бекъ не годится въ придворные шегинъ шаха. Въ пору соловьевъ, *бюльбюль заманы*, минуло двадцать лѣтъ Искендеру, и тогда только пробились у него усы, и тогда только сталъ безпокоенъ сонъ его, а на яву посѣтили юношу пламенныя грѣзы. Давно уже замѣчено, что первые усы, признакъ мужества, всегда ровесники первымъ

нахнись она до пояса; а теперь каждый носикъ и глазокъ, лукаво проглядывающій изъ подъ складокъ, бросилъ его въ ледъ и въ угольи. Онъ сроду не слушалъ лекцій сравнительной анатоміи, но съ чрезвычайною быстротою уже возсоздавалъ всю женщину безъ исключеній, а можетъ-быть и безъ ошибокъ, по маленькому слѣдку въ Персидскомъ шалевомъ чулкѣ, выказывающуюся изъ подъ красныхъ *тузановъ* *, отороченныхъ позументомъ. Не знаю, право, удачна ли была въ тотъ день его охота, только ни одна сколько-нибудь статная Татарка, на возвратѣ изъ садовъ, не ускользнула отъ его взора: вѣроятно онъ почиталъ ихъ перепелками. Онъ пускалъ *ганъ-ганъ*, то есть, маршъ-маршъ, своего карабагца, и вдругъ осаживалъ его близъ испуганныхъ, и тихо проѣзжалъ впередъ. Лукавецъ ужъ выучился разсматривать всю подноготную, не обращая глазъ, чтобы не испугать робости или стыдливости дѣвушекъ. Но, увы, всѣ лица были закрыты для него подобно книгѣ Семи печатей! Мусульманки страхъ боятся показывать себя одноземцамъ, а восемнадцатилѣтнее воображеніе съ одна пробивающимися усиками любопытнѣе самой усастой женщины:

* Женскія шаравары.

стязаніе съ такими усиками, и, опустивши свои, убираюсь за добра-ума.

Въ пору соловьевъ, по нашему стилю — въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Искендеръ-бекъ выѣхалъ однажды поохотить на перепеловъ съ ястребомъ. День былъ прекрасный, — настоящій праздникъ южной [illegible]й но безъ зноя, свѣжій но без[illegible]воздухъ, казалось, напоенъ былъ [illegible]цвѣтовъ и пѣніемъ птичекъ: онъ [illegible]ли какъ живой сафиръ. Яркая [illegible]ми лилась и переливалась съ хо[illegible], а по нимъ плыли, какъ разцвѣ[illegible]гами яхточки, гранатники съ огненными, миндальныя деревья съ бѣлыми, перешковыя съ розовыми цвѣтами. Искендеръ-бекъ лавировалъ по этому морю зелени, между этихъ миленькихъ созданій, и каждое осыпало его дождемъ цвѣточнымъ, будто лаская, будто заманивая въ тѣнь. И долго такъ ѣздилъ Искендеръ изъ ущелія въ ущеліе, носился какъ безумный по всю прыть, то на круть горы, то на берегъ моря, и все чего-то ему не доставало: и мало было ему воздуха цѣлаго свѣта, и въ первый еще день полнилась грудь его, какъ покрывало женщины, чуть завидя женщину въ покрывалѣ. Бывало, проѣзжая по узкимъ улицамъ города,

ща, всего чаще на постройку водопровода или водоема, потому что вода въ жаркомъ климатѣ есть первая необходимость и лучшій напитокъ. Въ обгорѣлой отъ зноя пустынѣ, на окаленной дорогѣ, вы издали видите гостепріимный памятникъ, осѣненный тополями, и спѣшите къ нему съ отрадой, и съ наслажденіемъ пьете чистую струю, и съ признательностью думаете, глядя на эту осязаемую идею примиренія съ Богомъ и съ людьми посредствомъ общей пользы — Миръ праху твоему, блаженство твоей душѣ, добрый человѣкъ! Ты сочеталъ здѣсь дань Всевышнему и даръ твоимъ ближнимъ!

У подобнаго-то фонтана, верстахъ въ двухъ отъ города, спустился Искендеръ на дорогу, и вдругъ, — то не была уже мечта, но что-то столько же прелестное какъ мечта, кромѣ ея воздушности, — то была дѣвушка лѣтъ шестнадцати, для которой слово милая, *азизъ*, казалось, только-что вырвалось изъ юнаго сердца, а не старинною выдумано. Она умывала лице, разгорѣвшееся отъ движенія, то плескалась струйкою, то любовалась собою въ зеркалѣ водоема, — и ничего не слыхала.

Черныя какъ смоль косы порой закрывали ей все лице; порой распадались на полуоткрытой груди, которую напрасно замыкала

ревнивая цѣпь золотыми монистами и бляхами: она выглядывала сквозь разрѣзъ розовой сорочки изъ тафты, рвалась проколоть парчу архалуха, вившагося какъ любовникъ въ стройный станъ. Вообразите жъ себѣ юношу, раскаленнаго впервые мечтою о женщинѣ и почти не видавшаго женщинъ, а потомъ судите, что сталось съ нимъ, когда онъ увидалъ нечаянно это прелестное личико, озаренное лучемъ души, и два эти снѣжные холма, будто двѣ зари раздѣленныя таинственнымъ сумракомъ; когда онъ замѣтилъ, какъ мятежно возникали и опадали они . . . А между-тѣмъ золотая смородина пуговицъ, унизанныхъ по распашнымъ рукавамъ, звучала, ударяясь о край водоема; а между-тѣмъ тонкая бѣлая ткань ея покрывала прельстительно играла около, роскошными складками, то обрисовывая формы тѣла, то раздуваясь широко. У Искендера занялся духъ: онъ горѣлъ и таялъ какъ амбра, благоухая; свѣтъ улетѣлъ изъ подъ ногъ его; онъ дотого сосредоточился весь въ зрѣніе, что не слыхалъ, какъ разгоряченный бѣгунъ его бросился къ водопойнѣ, — ошибка непростительная кавалеристу: долго ли запалить коня! Главное въ томъ, что всадникъ, давъ поводья невоздержности четвероногаго, лишилъ самъ себя рая. Кра-

савица съ ужасомъ увидѣла жаркую морду и, съ крикомъ — Ай, Искендеръ-бекъ! набросила на лице покрывало и упорхнула.

Искендеръ-бекъ почувствовалъ всю неприличность своего поведенія въ отношеніи къ вѣрѣ и нравамъ (Дербендскія красавицы плаваютъ передъ мужчинами и ѣздятъ по ночамъ за городъ съ нукерами только въ Русской словесности; въ дѣйствительности — никогда), но почувствовалъ не ранѣе какъ потерявъ изъ виду незнакомку. Она, правда, раза три останавливалась будто поджидая старуху служанку, которая съ ней была, но Искендеръ не смѣлъ повторить своей невинной дерзости, и не тронулся съ мѣста. Между-тѣмъ какъ сердце его, пытая первыя крылонки, провожало красавицу, въ молодой головѣ подымались тревожныя мысли . . . Аллахъ, Аллахъ, что скажутъ про меня и про нее, если насъ видѣли? А какъ мила! . . . Вѣда ей будетъ отъ отца и отъ матери! . . . Чудо что за глазки! . . . Пойдутъ сплетни! . . . Какъ хорошо, что она не румянится: она бы не мылась, если бъ была намазана. А шейка-то, шейка, что за милочка! Охъ ужъ мнѣ эти Дербендцы! Да еще знаетъ меня по имени: вѣрно ей не даромъ захотѣлось узнать мое имя . . . Такъ и есть, это двѣ женщины:

плакали на могилѣ и вѣрно все видѣли... А эти два полушара, нѣжные, бѣлые, полупрозрачные! Я бы очень желалъ... знать, за что они поссорились; а вдвое того, помирить ихъ поцѣлуемъ.

За что они поссорились!!...

— Ну, зачто жь?

Вы слишкомъ любопытны, господа. Если вы знаете это, намъ напрасно разсказывать, а если не угадываете, зачто я отниму у васъ прелесть навѣдавія при опытѣ? Я увѣренъ, что пословица — много будешь знать, скоро состарѣешься, выдумана по любовному департаменту. Довольно съ васъ, что Искендеръ-бекъ поѣхалъ домой влюбленный провесь съ краями, и ѣхалъ мирные какъ ворь, оглядываясь и трепеща каждаго взгляда, каждаго слова, брошеннаго прохожими незначащій. Вы напрасно впрочемъ подумаете, что это было раскаяніе: у новопожалованнаго любовника кипѣла совсѣмъ другая забота. Если это пройдетъ безъ слѣдовъ — я могу найти случай опять съ нею встрѣтиться, думалъ онъ: если жъ не равно встрѣча моя пойдетъ въ огласку, ее запрячутъ и закутаютъ такъ, что въ три года не доросшься! И бѣдненькій новичокъ трепеталъ и таялъ. Не даромъ наказывалъ ему отецъ: — Искендеръ, помни, что у розана

савица съ ужасомъ увидѣла жаркую корду и, съ крикомъ — Ай, Искендеръ-бекъ! набросила на лице покрывало и упорхнула.

Искендеръ-бекъ почувствовалъ всю неприличность своего поведенія въ отношеніи къ вѣрѣ и правамъ (Дербендскія красавицы пляшутъ передъ мужчинами и ѣздятъ по ночамъ за городъ съ нукерами только въ Русской словесности; въ дѣйствительности — никогда), но почувствовалъ не ранѣе какъ потерявъ ея виду незнакомку. Она, правда, раза три остававливалась будто поджидая старуху служанку, которая съ ней была, но Искендеръ не смѣлъ повторить своей невинной дерзости, и не тронулся съ мѣста. Между-тѣмъ какъ сердце его, нѣтая первыя крылонки, провожало красавицу, въ молодой головѣ подымались тревожныя мысли . . . Аллахъ, Аллахъ, что скажутъ про меня и про нее, если насъ видѣли? А какъ мила! . . . Бѣда ей будетъ отъ отца и отъ матери! . . . Чудо что за глазки! . . . Пойдутъ сплетни! . . . Какъ хорошо, что она не румянится: она бы не мылась, если бъ была намазана. А шейка-то, шейка, что за милочка! Охъ ужъ мнѣ эти Дербендцы! Да еще знаетъ меня по имени: вѣрно ей не даромъ захотѣлось узнать мое имя . . . Такъ и есть, это дѣвъ женщины:

кажется, будто цѣлый эскадронъ черныхъ гусаръ скачетъ по немъ, хотя я заподлинно знаю, что, несмотря на необычайную производительность Дагестанскаго климата, по тѣлу Искендеръ-бека прыгали тогда вовсе неподозрительныя животныя, а просто жгучія искры желаній. Ночь эта, по самому вѣрному его счисленію, продолжалась ровно семь ночей съ полночью, и онъ, истомленный снами и безсонницею, съ радостью протянулъ руку первому лучу, заглянувшему въ его окно, какъ руку давнопениданнаго друга. И отчего все это? Оттого, что шалуну случаю угодно было показать ему одно прелестное личико и потомъ забросить это личико въ неизвѣстность, въ тайну, въ запрещеніе — оттого что природѣ забавно вселять въ насъ страсть ко всему неясному, таинственному и завѣтному; однимъ словомъ и наконецъ, оттого что онъ былъ *онъ*, а она *она*. — Но кто жъ она? Искендеръ вскочилъ уколотый въ сердце этимъ вопросомъ. *Она?* Какое дурное слово, она! Любовь не любитъ мѣстоимѣній, по-крайней-мѣрѣ Дагестанская любовь: ей нужна существительность и способность, ей нужно обладаніе, выше всего. Искендеръ-бекъ въ тотъ же мигъ увѣнчалъ свою возлюбленную завоевательнымъ мѣстоименіемъ и временнымъ именемъ: я узнаю

какъ зовутъ *мою* Лейлу, сказалъ онъ, опоясывая кинжалъ: хоть умру да узнаю! Мигъ послѣ, онъ стоялъ на перекресткѣ.

Богъ построилъ горы, человѣкъ города: такъ по-крайней-мѣрѣ я думалъ, сравнивая щепетильность нашего зодчества съ неподражаемымъ величіемъ зодчества природы. Дербендцы судятъ свой городъ съ гораздо большею справедливостью: они говорятъ, что ихъ городъ построенъ чортомъ. Геркулесъ Персидскаго баснословія, Рустемъ, такъ отзубрилъ однажды бока своему завистнику, шайтану, что тотъ запросилъ — *аманъ*, *аманъ!* Къ Рустему за часъ передъ этимъ поступило прошеніе отъ поселянъ несчастной деревнишки, гдѣ сидитъ теперь Дербентъ, защитить ихъ отъ горныхъ набѣговъ. Рустемъ былъ великанъ, не только тѣломъ но и душою, и готовый загребать жаръ чужими руками для всякаго бѣдняка, — блистательная черта героевъ, великодушныхъ отъ безсилья и щедрыхъ на все, что ничего имъ не стоитъ. Кстати, сказалъ Рустемъ чорту: вѣдь, мнѣ на тебѣ не ѣздить; смотри жъ, собачій сынъ, чтобы къ утру ты мнѣ выстроилъ тутъ городъ со стѣнами и съ башнями. Да станетъ Дербендъ!

И сталъ Дербендъ. Чортъ строилъ впотемкахъ и торопливо; мѣсилъ въ своихъ лапахъ

кажется, будто цѣлый эскадронъ черныхъ гусаръ скачетъ по немъ, хотя я заподлинно знаю что, несмотря на необычайную производительность Дагестанскаго климата, по тѣлу Искендеръ-бека прыгали тогда вовсе неподозрительныя животныя, а просто жгучія искры желаній. Ночь эта, по самому вѣрному его счисленію, продолжалась ровн[illegible] ночей съ полночью, и онъ, истомл[illegible] снами и бессонницею, съ радостью [illegible]ялъ руку первому лучу, запавшему в[illegible]но, какъ рукѣ давнопевиданнаго друга[illegible]его все это? Оттого, что шалуну слу[illegible]одно было показать ему одно прелест[illegible]чико и потомъ забросить это личико в[illegible]вѣстность, въ тайну, въ запрещеніе — о[illegible]то природѣ забавно вселять въ насъ страсть ко всему неясному, таинственному и завѣтному; однимъ словомъ и наконецъ, оттого что онъ былъ *онъ*, а она *она*. — Но кто жъ она? Искендеръ вскочилъ уколотый въ сердце этимъ вопросомъ. *Она?* Какое дурное слово, она! Любовь не любитъ мѣстоимѣній, по-крайней-мѣрѣ Дагестанская любовь: ей нужна существительность и способность, ей нужно обладаніе, выше всего. Искендеръ-бекъ въ тотъ же мигъ увѣнчалъ свою возлюбленную завоевательнымъ мѣстоименіемъ и временнымъ именемъ: я узнаю

ся, если за нынѣшнихъ людей платить и наличною клюквой! Грѣхи и грѣшники ужасно подешевѣли.

Но должно быть лукавый что-нибудь да оставилъ въ Дербендѣ изъ своей прельстительности. Сколько разъ и сколько завоевателей дрались за него! сколько молодцовъ положили тамъ свои души за его красавицъ или золото! Обольстилъ этотъ змѣй и Искендеръ-бека. Ходитъ онъ, бродитъ, по его излучистымъ закоулкамъ; заглядываетъ во всѣ ворота, чуть зѣвнутъ они; хочетъ пробуравить глазами грязныя стѣны домовъ, сорвать взглядами чадру съ каждой прохожей. Напрасно! Татары говорятъ — дѣвушка въ окнѣ, все равно что яблоня у мельницы, и закладываютъ камнями даже кошачьи лазѣйки. Коранъ твердитъ — недобро мущинѣ смотрѣть на женское лице: взгляды — сѣмена грѣха! и завистливое покрывало скрываетъ каждую, отъ головы до самыхъ пятъ. *Ее* также трудно узнать въ тысячѣ бѣлыхъ покрываловъ, какъ мелькнувшую волну между синихъ волнъ Каспія. Отъ кого узнать ея имя? Кто покажетъ домъ ея? Томимый любопытствомъ сердца, онъ вмѣшался въ толпу, влекомую на площадь барабаномъ; но тамъ, вмѣсто безцѣнной своей, узналъ только цѣну мяса. Долго прислушивался къ крику перепро-

камни, дробилъ ихъ, плевалъ на нихъ, бросалъ дома одинъ на другой, отбивалъ улицы по хвосту: къ разсвѣту Дербентъ поднялся на ноги, но заря ахнула отъ изумленія, взглянувши на него впервые: это былъ потокъ камней и грязи съ трещинами, вмѣсто улицъ, которыхъ самъ почтенный строитель не распуталъ бы сер[illegible] дня. Всѣ дома родились слѣпы[illegible]хъ черепы были расплюснуты подъ [illegible]ятою, всѣ они пищали отъ тѣсноты [illegible]ные между двухъ высокихъ, длин[illegible]линныхъ стѣнъ. Все вмѣстѣ походи[illegible] словомъ, на огромнаго удава, кот[illegible] чешуею домовъ разтянулся съ горы [illegible]шкѣ и поднялъ свою зубчатую голову крѣпостью Нарынъ*, а хвостомъ играетъ въ Каспійскомъ морѣ. Затѣйникъ хотѣлъ и тутъ увѣковѣчить образъ животнаго своего герба, — змѣя искусителя. Надулъ первую чету и до-сихъ-поръ этимъ хвалится. Отъ людей, говоритъ онъ, отъ охотниковъ и охотницъ соблазняться нѣтъ отбоя: да у кого жъ изъ этихъ бѣдняковъ есть рай въ промѣнъ за яблоко? . . . Ей, ей, разорим-

* Нарынъ-Кале; если перевесть слово въ слово, значитъ — нѣжная крѣпость; но старинное ей имя — *Нарынджъ-Калеси*, крѣпость померанцевъ. Есть преданіе, что въ ней росли огромныя померанцовыя деревья.

свое — *что угодно вашей душѣ?* Ахъ, если бъ вы знали, чего хочетъ моя душа! думалъ Искендеръ-бекъ. Если бъ могли продать или подарить мнѣ то! Я бы отдалъ все, что имѣю, и закабалилъ себя на вѣчную службу вмѣсто *кабына* (вѣна): да счастье не дарятъ и не покупаютъ. И онъ пришелъ въ открытые ряды, гдѣ по Восточному обычаю каждая лавка — вмѣстѣ и рукодѣльня, гдѣ поетъ тетива шерстобоя, визжитъ пила оружейника, играетъ шило чеботаря и рядомъ съ ткацкимъ станомъ бренчитъ молоточекъ Кубачинца*, насѣкающаго дивныя арабески на кинжалахъ. Искендеръ-бекъ остановился у прилавка золотыхъ дѣлъ мастера, старика Джафара.— *Аллахъ версынъ кемакъ*, Богъ да поможетъ тебѣ! сказалъ онъ ему.— Богъ да заплатитъ тебѣ счастьемъ! отвѣчалъ тотъ, не переставая что-то кропать обломкомъ пилочки; и Богъ заплатилъ ему счастьемъ нежданно. Въ чашечкѣ передъ старикомъ, въ кучѣ переломанныхъ украшеній, лежала серга незнакомки, — та самая серга, которая обличила ему вчера премиленькое,

---

* Кубачи большое селеніе вольнаго Кара-Кайтаха, въ девяносто верстахъ отъ Дербенда, славное въ горахъ оружіемъ, осадкою оружій и особенно насѣчкою по желѣзу. Кубачинцы увѣряютъ, что предки ихъ были Франки: ничѣмъ неподтвержденная басня.

давца встошей на базарѣ: купите, купите, господа!. . . славная чуха! узорочныя женскія шалвары! Десять абазовъ и три бисты (гроша)! Три бисты съ десятью абазами: кто больше? Право, за отъѣздомъ въ *Кабиристанъ* (въ страну гробовъ) продаются они . . . Возьмите, ага, *шалвар*

— *Бошъ за* [illegible] *щь*! сказалъ Искендеръ-бекъ, [illegible] *ше*.

Искендеръ- [illegible] не могъ пустыхъ вещей.

Въ разсѣян [illegible] лъ онъ къ Армянину, торгующ [illegible] ъ, а Лейла неотступно танцовала передъ его глазами . . . Какъ зовутъ? спросилъ онъ, нѣжно схвативши за хвостикъ одну рыбку: онъ думалъ, что сжимаетъ ножку красавицы.

— *Шанал**, отвѣчалъ хладнокровный Армянинъ.

Безъ мыслей блуждалъ онъ по базару, грязному даже среди лѣта, но и среди лѣта прохладному. Солнце едва проникало туда, и купцы сидя на откидной двери своихъ лавочекъ, набитыхъ всякою дрянью и всякою роскошью, однозвучно бросали ему въ оба уха

---

* Необыкновенно жирная рыба, родъ сельдя; ловится только у Каспійскихъ берговъ Персіи.

свое — *что угодно вашей душѣ?* Ахъ, если бъ вы знали, чего хочетъ моя душа! думалъ Искендеръ-бекъ. Если бъ могли продать или подарить мнѣ то! Я бы отдалъ все, что имѣю, и закабалилъ себя на вѣчную службу вмѣсто *кабына* (вѣна): да счастье не дарятъ и не покупаютъ. И онъ пришелъ въ открытые ряды, гдѣ по Восточному обычаю каждая лавка — вмѣстѣ и рукодѣльня, гдѣ поетъ тетива шерстобоя, визжитъ пила оружейника, играетъ шило чеботаря и рядомъ съ ткацкимъ станомъ бренчитъ молоточикъ Кубачинца *, насѣкающаго дивныя арабески на кинжалахъ. Искендеръ-бекъ остановился у прилавка золотыхъ дѣлъ мастера, старика Джафара.— *Аллахъ версынъ кемакъ*, Богъ да поможетъ тебѣ! сказалъ онъ ему.— Богъ да заплатитъ тебѣ счастьемъ! отвѣчалъ тотъ, не переставая что-то кропать обломкомъ пилочки; и Богъ заплатилъ ему счастьемъ нежданно. Въ чашечкѣ передъ старикомъ, въ кучѣ переломанныхъ украшеній, лежала серга незнакомки, — та самая серга, которая обличила ему вчера премиленькое,

* Кубачи большое селеніе вольнаго Кара-Кайтаха, въ девяноста верстахъ отъ Дербенда, славное въ горахъ оружіемъ, осадкою оружій и особенно насѣчкою по желѣзу. Кубачинцы увѣряютъ, что предки ихъ были Франки: ничѣмъ неподтвержденная басня.

прехалонькое ушко. Въ этомъ не сомнѣвался онъ, и не ошибался: онъ бы узналъ ее въ цѣломъ четверикѣ драгоцѣнностей . . . Сердце его билось, будто онъ прочелъ начальную букву завѣтнаго имени, будто увидалъ розовую, манящую его, ручку. Онъ долго не смѣлъ сказать слова, долго не умѣлъ съ чего начать, — такъ [illegible] голосъ, такъ перемѣшаны были [illegible] Любовь наконецъ подсказала е[illegible]трость: онъ будто безъ вниманія [illegible] квозь пальцы пуговки и колечки [illegible], и вынулъ не нарокомъ сергу не [illegible]игралъ ею на свѣтъ возлѣ самаго н[illegible]а, и вдругъ оборонилъ на мостовую. Она давно уже щекотала хитреца за рукавомъ, а онъ все шарилъ по полу, наконецъ поклонился и жалобнымъ голосомъ произнесъ: потерялъ!

Огромные очки спрыгнули долой съ носа Джафара, — такъ сильно вздуло опасеніе его ноздри.

— *Аллахъ! я Аллахъ!* вскричалъ онъ. Что ты надѣлалъ, Искендеръ-бекъ? Да теперь старая лиса Миръ-Гаджи-Фехтали меня изъ бѣлаго свѣта въ три-шеи вытолкаетъ! Шутка ли, эмалевую сергу!

— Душа моя, Джафаръ, не смѣйся ты надъ моими усами: статочное ли дѣло, чтобы такой

Не голосъ милой услыхалъ Искендеръ-бекъ изнутри, а сердитое ворчанье собаки: онъ грустно прошелъ мимо, и съ досадою бросился дома на коверъ. Въ головѣ его ходилъ жернонъ, въ сердцѣ разгорался пожаръ, въ которомъ, какъ на всѣхъ пожарахъ въ свѣтѣ, спасалась дрянь, а драгоцѣнное летѣло въ огонь. Впрочемъ, одиночество, въ которомъ жилъ нашъ юноша, если не дало ему лоску общежительныхъ приличій, зато сохранило душу отъ разврата общества. Предвѣчная совѣсть начертала свои законы на юномъ сердцѣ симпатическими чернилами: чѣмъ сильнѣе разогрѣвалось оно страстью, тѣмъ яснѣе горѣли завѣты. Кончилось тѣмъ, что всѣ его простосолочныя желанія вышли на большую дорогу, взялись за руки и побѣжали впередъ. Коранъ велитъ, а сердце упрашиваетъ жениться, какъ можно ранѣе. Искендеръ-бекъ рѣшился жениться: и почему же нѣтъ? Чѣмъ бы онъ не женихъ какой угодно ханумъ? Онъ посмотрѣлся въ зеркальцо, и улыбнулся; онъ высыпалъ на изголовье завѣтную кубышку, и ободрился . . . Онъ ужъ видѣлъ въ каждой монетѣ взоръ своей Кичкене, размѣнивалъ каждый червонецъ на жаркіе поцѣлуи. Онъ цѣловалъ ихъ, прижималъ ихъ къ сердцу. Деньги все! думалъ онъ. Неопытный! Онъ еще

не зналъ, что на золото въ нравственной торговлѣ можно купить только мишуру; заглавіе вещи, а не самую вещь; личину, а не лице. Юноша, онъ считалъ все легкимъ и возможнымъ; онъ думалъ, что и въ людяхъ, какъ въ немъ самомъ, всѣ враждебныя чувства разступятся для пріязни; что старость также забывчива на старое, какъ молодость беззаботна о будущемъ. Кичкене, ты будешь моя, непремѣнно моя! восклицалъ онъ. Съ какою радостью отдамъ за тебя все, что добывалъ съ такими трудами! Съ какимъ восторгомъ кинусь въ первый разъ тебѣ на шейку, вздохну на твоей груди! . . . И ты будешь любить меня, Кичкене. Не правда ли, милочка, ты будешь? Я стану наряжать, лелѣять, нѣжить тебя; отдамъ душу за твою душечку! . . .

Искендеръ-бекъ безумствовалъ. Онъ хотѣлъ получить въ свою власть Кичкене, страстно какъ мусульманинъ, который въ любви не знаетъ прелюдій; хотѣлъ получить скоро какъ юноша: а вѣдь одни только юноши имѣютъ даръ все дѣлать скоро и хорошо, и, еслибъ Искендерово счастіе зависѣло отъ женщинъ, дѣло бы рѣшилось въ мигъ въ его пользу. Женщины такъ любятъ порывы страсти, ими внушенной! Любятъ гораздо больше глупости,

для нихъ сдѣланныя, нежели преумныя вещи, объ нихъ написанныя или имъ сказанныя. — Это естественно: чувство для нихъ, созданій раздражительныхъ, сильнѣе, выше, увлекательнѣе мысли. Жаръ на нихъ болѣе имѣетъ вліянія чѣмъ свѣтъ. Будь юноша пылокъ хоть на-минуту, его подерутъ за ушко, поставятъ на колѣни, скажутъ — *Какой вы дитя!* и все простятъ, все позволятъ. И вотъ изъ этого премилаго дитяти, выходитъ преизбалованное дитя: разберите кто виноватъ: маменьки или воспитанницы? И въ первый разъ почувствовалъ Искендеръ необходимость въ связяхъ; а онъ былъ отбитое звѣно въ обществѣ, въ которое кинула его судьба. Кстати онъ вспомнилъ, что у него есть какая-то старушка тетка, — я увѣренъ, что всѣ тетушки земнаго міра выдуманы и назначены самой природою въ свахи и вѣстоноши, — она могла бы пособить его горю, посовѣтовать ему на успѣхъ. Онъ запасся кускомъ клѣтчатой *дораи* *, на чадру, двумя часами терпѣнія на случай пѣней, и отправился къ доброй старухѣ. Онъ воротился отъ ней чуть не летомъ отъ радости: тетушка обѣщала ему употребить всѣ невинныя хитрости, позволенныя мусуль-

* *Дорая*, крѣпкая тафта всѣхъ цвѣтовъ. Шамахинское произведеніе.

не зналъ, что на золото въ нравственной торговлѣ можно купить только мишуру; заглавіе вещи, а не самую вещь; личину, а не лице. Юноша, онъ считалъ все легкимъ и возможнымъ; онъ думалъ, что и въ людяхъ, какъ въ немъ самомъ, всѣ враждебныя чувства разступят[illegible]изни; что старость также забывчи[illegible]е, какъ молодость беззаботна о б[illegible] Кичкене, ты будешь моя, непремѣн[illegible] осклицалъ онъ. Съ какою радость[illegible]а тебя все, что добывалъ съ так[illegible]! Съ какимъ восторгомъ кинусь [illegible] разъ тебѣ на шейку, вздохну на [illegible]ди! . . . И ты будешь любить меня, Кичкене. Не правда ли, милочка, ты будешь? И стану наряжать, лелѣять, нѣжить тебя; отдамъ душу за твою душечку! . . .

Искендеръ-бекъ безумствовалъ. Онъ хотѣлъ получить въ свою власть Кичкене, страстно какъ мусульманинъ, который въ любви не знаетъ прелюдій; хотѣлъ получить скоро какъ юноша: а вѣдь одни только юноши имѣютъ даръ все дѣлать скоро и хорошо, и, еслибъ Искендерово счастіе зависѣло отъ женщинъ, дѣло бы рѣшилось въ мигъ въ его пользу. Женщины такъ любятъ порывы страсти, ими внушенной! Любятъ гораздо больше глупости,

для нихъ сдѣланныя, нежели преумныя вещи, объ нихъ написанныя или имъ сказанныя. — Это естественно: чувство для нихъ, созданій раздражительныхъ, сильнѣе, выше, увлекательнѣе мысли. Жаръ на нихъ болѣе имѣетъ вліянія чѣмъ свѣтъ. Будь юноша пылокъ хоть на-минуту, его подерутъ за ушко, поставятъ на колѣни, скажутъ — *Какой вы дитя!* и все простятъ, все позволятъ. И вотъ изъ этого премилаго дитяти, выходитъ преизбалованное дитя: разберите кто виноватъ: маменьки или воспитанницы? И въ первый разъ почувствовалъ Искендеръ необходимость въ связяхъ; а онъ былъ отбитое звѣно въ обществѣ, въ которое кинула его судьба. Кстати онъ вспомнилъ, что у него есть какая-то старушка тетка, — я увѣренъ, что всѣ тетушки земнаго міра выдуманы и назначены самой природою въ свахи и вѣстоноши, — она могла бы пособить его горю, посовѣтовать ему на успѣхъ. Онъ запасся кускомъ клѣтчатой *дораи* *, на чадру, двумя часами терпѣнія на случай пѣшей, и отправился къ доброй старухѣ. Онъ воротился отъ ней чуть не летомъ отъ радости: тетушка обѣщала ему употребить всѣ невинныя хитрости, позволенныя мусуль-

* *Дорая*, крѣпкая тафта всѣхъ цвѣтовъ. Шемахинское произведеніе.

манскими правами, для сближенія свадьбы. Приходи ко мнѣ завтра за часъ до *азана* *, сказала она, провожая племянничка до дверей: я зазову къ себѣ Кичкеню красить рѣсницы; вѣдь лучше меня никто въ цѣломъ Дербендѣ не смѣшаетъ краски и ровнѣй не выведетъ кружковъ. Я тебя шалуна спрячу за этою занавѣскою въ простѣнокъ. Смотри жъ, только, будь умен[illegible]ни, не шевелись, и потомъ никому [illegible]комъ не мигни—былъ не былъ. Не [illegible]жалуйте, господамъ путешественни[illegible]стоку, будто всѣ женитьбы мусул[illegible]ршаются такъ, что будущіе супру[illegible]ъ и не знаютъ другъ друга. Это сп[illegible]только въ отношеніи къ ханамъ, бога[illegible]дамъ, людямъ власти или роскоши, которы[illegible] слухъ сватаютъ или покупаютъ себѣ женъ. Средній классъ народа и бѣдняки, живутъ слишкомъ тѣсно другъ съ другомъ, чтобы не знать взаимныхъ отношеній и даже сосѣднихъ лицъ. Крѣпко заперты ихъ ворота, но плоскія кровли открыты для прохожихъ, и въ городахъ, гдѣ всѣ женщины проводятъ жизнь на дворикахъ или подъ навѣсомъ, а домы, сходя ступенями

* *Азанъ*, призывъ къ молитвѣ, слово приевосенное болѣе къ полуденному моленію. Вечернее чаще называютъ *намазъ*.

низъ, заглядываютъ другъ другу въ сердце, конечно, можно найти извинительный случай поглядѣть на красавицъ. Слова нѣтъ, это считается великою обидою, большимъ стыдомъ, но любопытство хитро на выдумки, и бываютъ часы, въ которые даже мусульмане и мусульманки забываютъ о кинжалѣ. Дѣвушки до одинадцати лѣтъ ходятъ съ открытымъ лицомъ, и потому предусмотрительные женихи могутъ замѣчать будущихъ невѣстъ по колосу. Потомъ, есть всегда услужливыя бабушки и тетушки, которыя украдкою покажутъ желаемую особу желателю. И онъ скажетъ потомъ: чудо, а не дѣвушка! Бѣла какъ хлопчатая бумага, стройна какъ серна. Голосъ — пѣсня соловьиная; пойдетъ — пава да и только! О душѣ онъ не заботится: въ Несомнѣнной книгѣ сказано, что у женщинъ нѣтъ души. Объ умѣ еще меньше: умъ мусульманки состоитъ въ шитьѣ и въ стряпаньѣ. Если она умѣетъ разнообразить пловы, *альмы-дольмы* * и всѣ супружескія сладости начиная съ пирожковъ до ласканій, она жемчужина всѣхъ женъ и можетъ надѣяться, что мужъ долго позволитъ ей угождать безъ смѣны. Многоженство, впрочемъ, кромѣ самыхъ богачей, рѣдко до невѣ-

* *Альма дольма*, яблоко, начиненное мяснымъ

ропности. «*Я Аллахъ!* и одной жены слишкомъ!» сказалъ мнѣ Асланъ-ханъ. — О конечно, возразилъ я, но любовницы? — Онъ засмѣялся.

И дѣло любви кончено. Начинается дѣло расчетовъ. Тесть проситъ много кабину за честь . . . З[illegible]ть, думая про себя о красотѣ. Н[illegible]ргъ кончился: бьютъ по рукамъ. Ча[illegible] по условію отдаютъ впередъ и на[illegible] снаряжаютъ приданое; остается [illegible]вѣсту съ торжествомъ въ баню, и на[illegible]нь къ вечеру, когда всѣ пожитки ся [illegible]ены съ музыкою въ домъ жениха, ее сажаютъ на осла (пророческая выдумка) и подъ пологомъ везутъ въ новое жилище, съ кликами, съ бубнами, съ пальбою изъ ружей. На завтра она уже супруга. Нѣтъ ни обрученья ни вѣнчанья. Мулла прочелъ молитву надъ условіемъ брака: остальное въ волѣ Аллаха и мужа.

Вся эта перспектива будущаго блаженства снилась Искендеръ-беку въ очаровательныхъ цвѣтахъ съ мѣстными подробностями. Еще на темной зарѣ поднялся онъ, а за два часа ранѣе полудня сидѣлъ уже у тетки за сундукомъ. При малѣйшемъ шорохѣ, его бросало въ лихорадку. И наконецъ послышался лепетъ башмаковъ по плитамъ [illegible]

изъ нихъ думала о разномъ и каждая видѣла ошибку подруги.

Но старушка была догадлива, и хотѣла кой-для-кого превратить эту догадку въ увѣренность. О, ты мой *гюль інсиз!* ты мой запахъ розы! сказала она, играя кольцами на мизинцѣ Кичкени. Если бъ мой племянникъ Искендеръ-бекъ услыхалъ хоть за стѣной твою пѣсню, онъ бы разбилъ стѣну грудью, чтобы увидать пѣвицу; а если бъ увидалъ, то похитилъ бы тебя какъ левъ серну.

Хрустальный кувшинъ съ розовою водою слетѣлъ въ этотъ мигъ съ сундука, и разбился въ дребезги. Хозяйка и гостья поблѣднѣли, обѣ отъ страха, обѣ отъ разнаго страха.

— *Бу нэдэнь хаберъ-дюръ?* Откуда этотъ слухъ? спросила Кичкене трепетнымъ голосомъ.

— Упалъ сверху, отвѣчала старуха, притворяясь будто не понимаетъ вопроса. Ужъ эта мнѣ черная кошка!

— А я и пестрыхъ кошекъ терпѣть не могу, сказала Кичкене съ сердцемъ: онѣ вездѣ со своимъ хвостомъ суются, да мяукаютъ по всѣмъ кроиляиъ на худое*. *Сабъ олсунъ,*

* Чтобы понять всю ѣдкость этого упрека, надо

— А что говорить твое сердечко, малютка моя? возразила смѣючись Аджа-Ханумъ.

Кичкене рѣзко схватила бубенъ, висѣвшій на стѣнѣ, и, колебля его звонки между разцвѣченными хной пальчиками, вмѣсто отвѣта пропѣла извѣстную пѣсню — *Инджарам гюнь гюнты:*

Для чего [illegible] стока,
Рано въ [illegible] алъ?
Для чего [illegible] ка
Въ грудь [illegible], послалъ?

Свѣтитъ [illegible] — не дремлю я;
Лучъ блес[illegible] сонъ мой прочь.
Такъ, сга[illegible] я,
Провожу я [illegible] ь!

У меня ли [illegible] ложе,
Изголовье — бѣлый пухъ,
Сердце жаръ! и для кого же,
Для кого безцѣнный другъ?

И она покраснѣла до плечь, будто промолвилась тайною задушевною, потомъ захохотала какъ дитя, уронила бубенъ, прижатый доселѣ накрестъ сложенными на груди руками, и ушла въ объятія своей подруги. Потомъ обѣ онѣ смѣялись отъ души, но объ чемъ? Я думаю, о томъ именно, что тутъ нѣчему было смѣяться; можетъ-быть тому, что каждая

изъ нихъ думала о разномъ и каждая видѣла ошибку подруги.

Но старушка была догадлива, и хотѣла кой-для-кого превратить эту догадку въ увѣренность. О, ты мой *гюль іисси!* ты мой запахъ розы! сказала она, играя кольцами на мизинцѣ Кичкени. Если бъ мой племянникъ Искендеръ-бекъ услыхалъ хоть за стѣной твою пѣсню, онъ бы разбилъ стѣну грудью, чтобы увидать пѣвицу; а если бъ увидалъ, то похитилъ бы тебя какъ левъ серну.

Хрустальный кувшинъ съ розовою водою слетѣлъ въ этотъ мигъ съ сундука, и разбился въ дребезги. Хозяйка и гостья поблѣднѣли, обѣ отъ страха, обѣ отъ разнаго страха.

— *Бу нэдэнъ хаберъ-дюръ?* Откуда этотъ слухъ? спросила Кичкене трепетнымъ голосомъ.

— Упалъ сверху, отвѣчала старуха, притворяясь будто не понимаетъ вопроса. Ужъ эта мнѣ черная кошка!

— А я и пестрыхъ кошекъ терпѣть не могу, сказала Кичкене съ сердцемъ: онѣ вездѣ со своимъ хвостомъ суются, да мяукаютъ по всѣмъ кровлямъ на худое*. *Сагъ олсунъ,*

* Чтобы понять всю ѣдкость этого упрека, надо

будь невредима, Аджа Ханумъ! Пойдемъ, милая Аспетъ. Маменька меня на часокъ отпустила, а вотъ ужъ мулла кричитъ.

Кичкене холодно поцѣловала хозяйку, но та, провожая гостей до воротъ, шепнула на ухо: Ты напрасно сердишься, Кичкене; не бѣды, а цвѣты я хочу тебѣ на голову. Для меня дорого твое счастье какъ золотая нитка, а есть человѣкъ, [illegible] бы свилъ душу свою съ этою ниткою [illegible] о я да Аллахъ вдвоемъ про то зна[illegible] не раскрыла очи отъ изумленія, отъ [illegible] ва, но дверь захлопнулась таинств[illegible] олько грозъ засова былъ ей отвѣт[illegible]

Искендеръ-бе[illegible] е задушилъ добрую тетку въ объятія[illegible] та журила его, что не могъ онъ вы[illegible] мирно въ своей обсерваторіи.

— Насыпалъ бы пепелу на мою бѣдную головушку, если бъ онѣ догадались отъ чего разбился и разлился кувшинъ!

— Мокъли я не вздрогнуть, когда у меня серд-

знать, что старухи мусульманки носятъ по большой части пестрыя покрывала, и полемъ ихъ сплетней съ сосѣдками служатъ обыкновенно кровли домовъ. Тамъ, присѣвши на корточки, злословятъ онѣ или бранятся между собою.

IV.

Янина ордена, сихаря тютюна.
Съ мѣста, гдѣ горитъ, всегда дымъ подымается.
Пословица.

Теперь вы знаете отношенія Мирь-Гаджи-Фетхали къ Искендеръ-беку и не подивитесь конечно, что онъ съ большою неохотою, не сказать ли — съ робостью, принялся стучать въ его дубовыя ворота. Это не былъ наглый стукъ заимодавца, не частые повелительные удары палкою комендантскаго ссаула*, или чауша, вѣстника приказа явиться въ диванъ, или наряда ѣхать гонцемъ куда-нибудь. Не походилъ онъ на бранчивый стукъ ревниваго

* Ссаулы — остатки ханскаго порядка, гонцы вѣстовые и охрана коменданта, народъ видный, смѣлый, смышленый и хорошо вооруженный. Чаушы — десятскіе.

собака, чтобы ластиться къ тому, кто бьетъ меня? Да правду сказать, хоть бы между нами не было не только лезвія, даже соломинки, что за находка мнѣ, ага-миру, потомку пророка, залѣзать въ родню къ этому беку? Въ Дербендѣ семьдесять бековъ, ага-мировъ только пять, и [illegible] изъ нихъ не послѣдній. И что пос[illegible]ѣ о кабинѣ? На кабынъ его стан[illegible]омъ чѣмъ будетъ онъ жить съ моею [illegible]цею? Гдѣ у него родня, которая бы [illegible]омочь ему въ нуждѣ; черезъ которую [illegible]бы вездѣ дали почетное мѣсто? Ск[illegible]оньихъ яицъ получаетъ онъ доходу [illegible]? Много ли продастъ кранивы съ поля? Голышъ онъ, голышъ наулицѣ! Скажи ты ему на отрѣзъ — нѣтъ, и сто разъ — нѣтъ. Я не принимаю къ себѣ въ родство молокососовъ, у которыхъ голова и мысли такъ пусты, что, дунь, улетятъ. *Сиди олоуна!*

Предоставляю судить всякому, какое бѣшенство обуяло Искендеръ-бека, когда ему слово въ слово былъ переданъ насмѣшливый отказъ. Наконецъ пѣна ярости скипѣла, и онъ затаилъ глубоко въ сердцѣ обманутую страсть свою, и голодную ненависть. Онъ былъ Татаринъ.

IV.

Янанъ ердонъ, сихаръ тютюнъ.
Съ мѣста, гдѣ горитъ, всегда дымъ подымается.
Пословица.

Теперь вы знаете отношенія Миръ-Гаджи-Фетхали къ Искендеръ-беку и не подивитесь конечно, что онъ съ большою неохотою, не сказать ли — съ робостью, принялся стучать въ его дубовыя ворота. Это не былъ наглый стукъ заимодавца, не частые повелительные удары палкою комендантскаго есаула*, или чауша, вѣстника приказа явиться въ диванъ, или наряда ѣхать гонцемъ куда-нибудь. Не походилъ онъ на бранчивый стукъ ревниваго

---

* Есаулы — остатки ханскаго порядка, гонцы вѣстовые и охрана комендаита, народъ видный, смѣлый, смышленый и хорошо вооруженный. Чаушы — десяцкіе.

Онъ не могъ дослушать до конца изложенія, приглашенія и назначенія своего на подвигъ водоноса.

— *Мехтель зать!* удивительная вещь! произнесъ онъ сердито. Дербендцы же удостоивали меня до-сихъ поръ поклономъ, не только добрымъ словомъ, и вдругъ напѣтываютъ на меня заслугу, которой я не стою и не желаю. Зачѣмъ бы я, позвольте узнать, просилъ у Аллаха дождя? Я очень радъ напротивъ, что моя кровля не течетъ теперь, что на небѣ нѣтъ тумановъ, а на улицахъ грязи. Вы смѣялись, что я не сажаю своей марены: съ чего же я стану плакать о нашей? Вы доносили, клеветали на отца моего; обобрали, гнали его, порочили и презирали меня, а теперь хотите, чтобы я служилъ вамъ, трудился за васъ, вымолъ для васъ милосердіе Божіе, можетъ-быть, на позоръ моей доброй славы. Ну есть ли какая-нибудь справедливость требовать этого? есть ли какое право ожидать? Да и не въ насмѣшку ли мнѣ выбрали вы почтеннаго и высокостепеннаго Миръ-Гаджи-Фехтали-Исмаилъ-оглы, *оскалемъ*, повѣреннымъ вашихъ опаснительно мудрыхъ выдумокъ? Впрочемъ верблюда не вьючатъ, когда онъ на ногахъ; вьючатъ, когда поставятъ на колѣна: у меня съ Миръ-Гаджи-Фехтали особенные счеты: извините,

сердце Всевышняго, я дерзаю думать, что облака разверзутъ сжатую руку своею, и дождь прольется. Молитесь, я буду трудиться. Я ѣду въ эту же ночь: время дорого.

Привѣты благодарности посыпались, туфли зашаркали. Искендеръ-бекъ остался одинъ, глазъ-на-глазъ съ своею душою. — Право, мнѣ пришлось краснѣть, думалъ онъ, передъ этимъ Миръ-Гаджи-Фетхали: я знаю, что онъ терпѣть не можетъ меня, а для общей пользы помирился со мной, выдастъ за меня свою племянницу ..... *Абуръ азамъ!* честнѣйшій человѣкъ!

— Не человѣкъ, душа, этотъ Искендеръ, говорили промежъ собой беки: крѣпко сердитъ и на Дербендцевъ и на Фетхали, а какъ брызнули на него слезами бѣдныхъ — растаялъ!

Народъ обрадованный вѣстью о согласіи молодаго бека, запѣлъ и заплясалъ. Миръ-Гаджи-Фетхали чуть не закинули съ благодарности на небо. Похваламъ добродѣтели Искендера не было конца.

А Фехтали смѣялся въ рукавъ. — Слово не закладъ, говорилъ онъ самъ себѣ, за полу не потянетъ. *Машаллахъ*, я не дуракъ! *Валлахиль азимъ, биллягиль керимъ*, не дуракъ! Я бы захлебнулся позоромъ, если бъ Искен-

господа, мы выйдемъ на минуту потолковать съ нимъ, къ сторонкѣ!

И онъ далъ рукою приглашательный знакъ Миръ-Гаджи-Фехтали; и Миръ-Гаджи-Фехтали, у котораго лице вытянулось длиннѣе осенней ночи, всталъ съ такою улыбкою, будто она хотѣла укусить [illegible] на галлерею.

Должно дума[illegible] старой лисы былъ точно обмакнут[illegible] волшебство, въ *джаджулухъ*, н[illegible] прошло получаса, оба недруга во[illegible]ату лучезарные и миловидные, ни дал[illegible]ть, какъ Персидскій орденъ Льва и [illegible]ца, тѣмъ сходнѣе, что Тегеранскіе живописцы изображаютъ обыкновенно льва бородатымъ козломъ, а солнце черноцемъ.

— *Эфендилярь!* произнесъ Искендеръ-бекъ, обращаясь къ посланцамъ: я имѣлъ свои причины не соглашаться на выборъ Дербендскихъ жителей, но почтенный Миръ-Гаджи-Фехтали, да сохранитъ его Аллахъ въ своей милости, разжалобилъ меня надъ бѣдами скуднаго народа, убѣдилъ, упросилъ испытать послѣдняго, вѣрнаго, священнаго средства, которое вы предлагаете, — принести снѣгу съ Шахъ-дага и вылить его въ море. Конечно, все въ волѣ Аллаха и въ заступленіи пророка, но если [illegible]

V.

Насибъ олеунъ!
Да свершится судьба!
Надпись на сабль.

Куда, подумаешь, прекрасная вещица — носъ! Да и преполезная какая! А вѣдь никто до сихъ поръ не вздумалъ поднести ему ни похвальной оды, ни стиховъ поздравительныхъ, ни даже какой-нибудь журнальной статейки хоть бы инвалидною прозою! Чего-то люди не выдумали для глазъ! и пѣсни-то, и комплименты, и очки, и калейдоскопы, и картины-то, и гармонику изъ цвѣтовъ. Уши они увѣсили сергами, угощаютъ Гайденовымъ хаосомъ, Робертомъ-Дьяволомъ, Фра-Дьяволомъ

деръ-бекъ отказалъ мнѣ. Сказали бы — онъ мыльный пузырь на вѣсахъ уваженія, онъ переломленнаго гроша не стоитъ! Что жъ дѣлать! съѣлъ грязи, — ударилъ рукой въ руку этому *варамъ-заде* (бездѣльнику); зато и заверну[illegible]лъ же я [illegible] въ условіе: *если счастливо кони*[illegible]й.... Поглядимъ, посмотримъ!

А Искендер[illegible] радости цѣловалъ своего коня, п[illegible] — Дураки они, дураки, вообража[illegible] для ихъ пшеницы отдаю потъ свои[illegible] красоточку я не пожалѣлъ бы и [illegible] Ибрагимъ, задавай ячмень гнѣдому!

Сколькихъ людей заклеймили бы мы стыдомъ, вмѣсто того чтобъ наряжать въ похвалы, если бъ узнали, на какой закваскѣ пекутъ они свои добрыя дѣла! Но Провидѣніе великій химикъ; оно кипятитъ и очищаетъ въ горнилѣ своемъ всѣ частные замыслы, всѣ расчеты, для того, чтобы отлить изъ нихъ общее благо въ прекрасную форму.

Наевъ олеунъ!
Да свершится судьба!

Надпись на сабль.

Куда, подумаешь, прекрасная вещица — носъ! Да и преполезная какая! А вѣдь никто до сихъ поръ не вздумалъ поднести ему ни похвальной оды, ни стиховъ поздравительныхъ, ни даже какой-нибудь журнальной статейки хоть бы инвалидною прозою! Чего-то люди не выдумали для глазъ! и пѣсни-то, и комплименты, и очки, и калейдоскопы, и картины-то, и гармонику изъ цвѣтовъ. Уши они увѣсили сергами, угощаютъ Гайденовымъ хаосомъ, Робертомъ-Дьяволомъ, Фра-Дьяволомъ

думаете привезти въ Грузію носъ на славу, на диковину. Пускай объявите вы у Тифлисскаго шлагбаума, въ числѣ нашихъ примѣтъ, носъ Шиллера или Каракаллы: суета суетъ! На первой площадкѣ вы убѣдитесь уже, что всѣ Римскіе и Нѣмецкіе носы должны, при встрѣчѣ съ Грузинскими, закопаться со стыда въ землю. И что тамъ за носы, въ самомъ дѣлѣ, что за чудесные носы! Осанистые, высокіе, колесомъ, а сами такъ и сіяютъ, такъ и рдѣютъ; ну, вотъ кажется, пальцомъ тронь, брызнутъ кахетинскимъ. Надо вамъ сказать, что въ Грузіи, по закону царя Вахтанга IV, всѣ матеріи мѣряются не аршинами и не локтями, а носами со штемпелемъ. Тамъ говорятъ: Я купила бархату 7 носовъ и ¾, или: Куда какъ подорожалъ канаусъ, за носъ просятъ два абаза. Многія дамы находятъ, что эта мѣра гораздо выгоднѣе Европейской.

Да и въ Дагестанѣ, нечего Бога гнѣвить, хоть рѣдко, а попадаются такіе носы, что ни одинъ Европейскій пазіех, или ринопластъ, то есть, носостроитель, не посмѣетъ безъ стропилъ выкроить. Не дальше искать, у Дербендскаго бека, Гаджи-Юсуфа, да укрѣпитъ Аллахъ его плечи, такой вѣтрорѣзъ, что конечно сдѣлалъ бы честь любому носорогу. Нельзя мимо пройти безъ страха и умиленія:

такъ, кажется, и рухнетъ этотъ эрратическій * утесъ на ноги! Зато подъ его тѣнью могли бы спать три человѣка. Должно полагать, такой носъ былъ въ большомъ уваженіи между всѣми правовѣрными носами, потому что Дербендцы выбрали хозяина его въ проводники Искендеръ-бека; другихъ достоинствъ, по крайней-мѣрѣ мною, за нимъ не замѣчено. Правду сказать, Юсуфъ, побывавъ при какомъ-то своемъ родственникѣ въ Меккѣ, столько разсказывалъ чудесъ про все, что видѣлъ и дѣлалъ, что между ротозѣями, на базарѣ, слылъ по-крайней-мѣрѣ за льва пустыни. *Бялянъ аданъ-дюръ; анджакъ хатаи дегюль*, опытный человѣкъ; не даромъ путешествовалъ, говорили усы и бородки, когда тотъ безъ милосердія рубилъ языкомъ головы кровопійцамъ, желѣзоѣдамъ, разбойникамъ, *канъ-ичанъ дамиреянъ прамиляры*; какъ однажды заблудился онъ въ такихъ горахъ, что, по хребту идешь, звѣзды какъ репейникъ въ шапку цѣпляются; какъ питался онъ тамъ двѣ недѣли яичницею изъ орлиныхъ яицъ; какъ ночевалъ въ пещерахъ, въ которыхъ такое сильное эхо, что, чихни, оно — *Аллахъ саглаасынъ*, здравія же-

* Заносный издалека водоворотами или землетрясеніями; огромный обломокъ, чуждый составомъ почвѣ, на которой лежитъ. Геологическій терминъ.

всѣ Римскіе и Нѣмецкіе посы
встрѣчѣ съ Грузинскими, закона
въ немлю. И что тамъ за нос
дѣлъ, что за чудесные носы! О
соніе, колесомъ, а сами такъ и
и рдѣютъ; ну, вотъ кажется, на
брызнутъ кахетинскимъ. Надо
что въ Грузіи, по закону цар
всѣ матеріи мѣряются не аршин
тями, а носами со штемпелемъ.
рить! Я купила бархату 7 нос
Куда какъ подорожалъ капусъ,
сять два абаза. Многія дамы
ота мѣра гораздо выгодные Евр
Да и въ Дагестанѣ, нечего
хоть рѣдко, а попадаются такіе
одинъ Европейскій пашіех, или
есть, носостроитель, не посмѣ
нилъ выкоить. Не дальше и

улицу. Всѣ сосѣдніе щенки и ребятишки сбѣжались полаять и подивиться на *негливанa* *. И точно онъ былъ, говоря словами Волынскаго лѣтописца, «дивленію подобенъ». На папахъ свой, по праву молельщика, напертѣлъ онъ въ чалму цѣлую простыню; ржавая кольчуга и стальные поручи выглядывали изъ подъ чухи, испещренной галунами. На боку бренчала сабля; огромный кинжалъ рисовалъ на брюхѣ эклиптику. За поясомъ торчалъ пистолетъ; съ пояса висѣли сумки и сумочки, накрежетники и пороховые рожки; сзади ружье, на которое заброшены были откидные рукава; на лукахъ висѣли ковшъ, плеть и карманчики — съ чѣмъ, не знаю, — да и чортъ знаетъ чего у него не было. Желтые сапоги съ высокими каблуками довершали нарядъ: ратникъ нашъ насилу шевелился подъ своей военной збруею. Граненый носъ его сверкалъ послѣднимъ румянцемъ зари и вовсе не-мусульманскою красотою. Молодецъ, кажется, на дорогу хватилъ завѣтнаго.

Искендеръ-бекъ выѣхалъ.

И оба они, миновавъ чешуйчатыя ворота Дербенда, и осыпанные напутными благосло-

* Негливанами называютъ также прыгуновъ по канату, которые показываютъ вмѣстѣ и чудеса силы или ловкости.

вениями народа, сидящаго у воротъ, пустили вскачь коней своихъ по Кубинской дорогѣ: какъ не показаться, не поджигитовать передъ толпою! Разумѣется, что молодецъ Искендеръ несся впереди на лихомъ своемъ Карабагцѣ; за нимъ Юсуфъ; потомъ какая-то собачонка, которая изъ одного усердія провожала съ лаемъ каждаго коня; потомъ пыль, потомъ.....? Потомъ ничего. Путники исчезли.

Но не вдругъ исчезъ Дербендъ для путниковъ. Доскакавши до холма Дашъ-кесенъ, они остановились, чтобы послать прощальный взглядъ городу. Видъ былъ прелестный: слѣва, крѣпость Нарынъ-Кале ярко отдѣлялась своими бѣлыми зданіями и красноватыми башнями на зелени предгорій, а яркая зелень обнимала холмы, какъ фата грудь красавицы. Сквозь нее тамъ и сямъ пробивались каменные сосцы. Справа играло море, какъ оживленное серебро, или глазетовая дымка, чуть струимая вѣтеркомъ. Жемчужная бахрама прибоя то обнажала, то покрывала опять, взморье; два брига, какъ спящіе киты, тихо зыбились на влажномъ полѣ. Городская стѣна, спадающая ступенями, тянулась черпѣя поперегъ, и, будто дряхлый старикъ, подпершись башнями, казалось. дышала открытыми воротами; буйволы, неподвижные какъ на картинѣ, стояли сбод-

нувшись; вереница ословъ, съ мѣдными кувшинами на спинѣ и съ мальчиками, сидящими у нихъ на хвостахъ, завивалась около фонтана. Подвижныя группы идущихъ и сидящихъ Татаръ, по холмамъ и близъ стѣнъ, сновались живописно, и между нихъ порой мелькали двѣ три бѣлоснѣжныя чадры, пролетали будто лебеди по черной тучѣ, и часть ворота поглощали ихъ. Зареной барабанъ, послѣдній призывъ дня, смолкъ, флагъ упалъ, ворота сомкнулись тихо за толпами жителей, все опустѣло, все померкло..... Грустно стало Искендеръ-беку, несказанно грустно. Ему казалось, онъ позабылъ душу въ Дербендѣ. Увѣренность въ успѣхѣ его оставила, даль и сомнѣнія раскинулись впереди безбрежною степью. *Она* на сѣверѣ, — а надо ѣхать къ югу, разорвать на двое сердце, раскинуть половинки Богъ вѣсть куда, Богъ вѣсть, на долго ли!..... О, если вы были когда-нибудь молоды душою, любили душою, и въ первый разъ удалялись отъ того мѣста, гдѣ живетъ *она*, вы поймете тоску Искендеръ-бека! Если вы хотите, это глупость воображать, что, дыша однимъ воздухомъ, мы мечтаемъ одну мечту; что взглянувши десять разъ на окно, даемъ десять воспоминаній: но это утѣшительная глупость! Это даритъ намъ самимъ мечты и воспоминанія, правда, одино-

кія, зато чистыя, зато яркія, зато умирающія дѣвственными. Воображеніе наше всегда роскошнѣе дѣйствительности; воображеніе — поэзія: оно порхаетъ птичкою, на его крыльяхъ нѣтъ ни бальной ни подорожной пыли. Дѣйствительность — проза: она ростся въ подробностяхъ словно кротъ, она вѣваетъ за бостономъ съ матушкою, и въ восторгѣ отъ своей невѣсты разглядываетъ, не поддѣльныя ли жемчуги у нея на шеѣ; или ухаживаетъ за мерзавцемъ мужемъ, подкупаетъ служанокъ, шляндаетъ по задворьямъ, чтобы пробраться въ рай; въ обѣтованной землѣ можетъ хотѣть Египетскаго чесноку, то есть, ужина, и.... и.... Со всѣмъ тѣмъ я бы отдалъ цѣлый потокъ чистѣйшихъ мечтаній за одну струйку одe-колона, брызнутую на меня кстати: добивайтесь вы толку у людей!

— Поѣдемъ! сказалъ Гаджи-Юсуфъ. Коли не остались въ городѣ съ живыми, нѣчего медлить за городомъ съ мертвецами, — сожгу я ихъ гробы! *ульгарынъ кабриляры индыраръ!* Посмотри, Искендеръ: гробовыя плиты по кладбищамъ будто шевелятся, будто обходятъ насъ; да и проклятая висѣлица у третьихъ воротъ вытягиваетъ вслѣдъ намъ свою черную лапу.

— Это она по тебѣ вздыхаетъ, Гаджи-Юсуфъ

бекъ; боится, чтобы ты не измѣнилъ ей, не убѣжалъ отъ нея, возразилъ Искендеръ, шутя.

— Плюю въ бороду ея отца! Всякой разъ что пройду мимо, кажется, она такъ и хватаетъ за воротъ. По правдѣ тебѣ сказать, Искендеръ-бекъ, не будь надъ нами этихъ гяуровъ, не усидѣли бы *мы* молодцы за стѣнами. Ружье за плечи, ногу въ стремя, и, чуть улитка мѣсяцъ покажетъ рожки свои, берегись караваны! Ужъ задалъ бы я себя знать и этимъ Табасаранцамъ: *парча-парча эйлярдымъ*, въ куски, въ лепестки бы рубилъ.

— Ну братъ, Юсуфъ, ты видно изъ совинаго яйца проклюнулся, что ночью такой храбрый становишься. Во время осады Кази-Муллою, видѣлъ я тебя днемъ въ схваткѣ, или, лучше сказать, не видалъ я тебя ни разу въ схваткѣ. Не орлиное, кажется, у тебя сердце.

— Душечка, жертвочка ты моя, *джаныымъ, курбаныымъ*, Искендеръ-бекъ! что ты вѣчно шутишь надо мной? Не при тебѣ ли я снесъ голову *бейрахчи*, знаменщику, когда ходили на вылазку на Кейфарскую гору? *Гарамъ-заде* такъ былъ золъ на это, что голова его ужъ на полу укусила меня за ногу! Неужто ты не видалъ этого?

— Не хочу хвастать, не допустилъ Аллахъ!

кія, зато чистыя, зато яркія, зато умирающія дѣвственными. Воображеніе наше всегда роскошнѣе дѣйствительности; воображеніе — поэзія: оно порхаетъ птичкою, на его крыльяхъ нѣтъ ни бальной ни подорожной пыли. Дѣйствительность — проза: она роется въ подробностяхъ слов[illegible] зѣваетъ за бостономъ съ матуш[illegible] осторгъ отъ своей невѣсты разгл[illegible] поддѣльный ли жемчугъ у нея[illegible] ухаживаетъ за мерзавцемъ м[illegible] настъ служанокъ, шляндаетъ по за[illegible] обы пробраться въ рай; въ обѣто[illegible] ѣ можетъ хотѣть Египетскаго чесноку, то есть, ужина, и.... и.... Со всѣмъ тѣмъ я бы отдалъ цѣлый потокъ чистѣйшихъ мечтаній за одну струйку одe-колона, брызнутую на меня кстати: добивайтесь вы толку у людей!

— Поѣдемъ! сказалъ Гаджи-Юсуфъ. Коли не остались въ городѣ съ живыми, нѣчего медлить за городомъ съ мертвецами, — сожгу я ихъ гробы! *ульгарынъ кабирлярлы мидыраль!* Посмотри, Искендеръ: гробовыя плиты по кладбищамъ будто шевелятся, будто обходятъ насъ; да и проклятая висѣлица у третьихъ воротъ вытягиваетъ вслѣдъ намъ свою черную лапу.

трусами, а теперь и въ числѣ недовольныхъ вмѣстѣ съ Юсуфомъ быть стыдно.

— Однако не слыхалъ ли ты чего, Искендеръ?

— Чего здѣсь услыхать, кромѣ шелеста вѣтра по лѣсу, да чакальяго плача!

— *Анасыны, бабасыны, атасынынъ аеельдакиляры батанымъ!* и мать, и отца, и предковъ отца этихъ чакалокъ утоплю я! . . . . . Что это онѣ расцѣлись словно Таплинскія дѣвки на *гикнасанъ*, на вечеринкѣ, *Улу-бея*?

— Вѣрно чуютъ себѣ ужинъ изъ свѣжихъ труповъ, такъ заранѣе радуются. Да и правду сказать, если твой носъ достанется имъ въ добычу, есть чему! Дербендскіе беки сдѣлались нынче такіе сидни, что самимъ чертямъ ихъ мясо въ диковинку: чакалкамъ и подавно!

— Не пугай по-напрасну, душа моя, Искендеръ! худое слово кличетъ худое дѣло. Долго ли до бѣды! Теперь что ни самая-то пора для разбойниковъ; теперь они рыщутъ по дорогамъ, какъ голодные тигры: вѣдь не даромъ говорятъ — когда въ горахъ зерно не родится и самъ другъ, порохъ родится самъ сотъ. Коли Мулла-Нуръ . . . . . ?

— А кто такой этотъ Мулла-Нуръ? . . . . . .

— Тише, ради Гусейна и Алія! тише, Но-

— Да и развѣ люди эти Лезгины? *Лезгиванда, вюзги ванда! Лю ванда, дораги ванда!* Куда Лезгину глядѣться въ зеркало! куда медвѣдю одѣваться въ тафту! Стоитъ ли ихъ глупымъ, необтесаннымъ, пулямъ подставлять свой образованный лобъ? Убей Лезгина, — одной лопатою меньше *; а вѣдь, если меня убьютъ, самъ Аллахъ призадумается, кѣмъ заступить мое [illegible] ѣсто на Дербендской шахматни[illegible] валялъ же я ихъ изъ пушки! [illegible] бывало, такъ меня за полу и дер[illegible], говоритъ, Юсуфъ; ты мас[illegible] Что дѣлать, наводить; иног[illegible] *вьозимъ уста! бакимъ уста!* и [illegible] моего глаза! ради моей головы! [illegible] ешь изъ *падишахъ тапендджасынданы*, [illegible] рскаго пистолета: такъ, гдѣ кучка Лезгинъ была, однѣ крошки летятъ; посмотришь, воробьи расклевали; ну ужъ потѣшилъ я свою душеньку: и все даромъ отличался! Забыли начальники, такъ же какъ и тебя, Искендеръ. Обошли намъ фукъ дали!

Шайтанъ апарсынъ, чортъ возьми! подумалъ Искендеръ-бекъ: сперва я радъ былъ, что меня не наградили наравнѣ съ нѣкоторыми

---

* Лезгины нанимаются всегда копать марену у Дербендцевъ и ихъ обыкновенно называютъ лопатниками, [illegible]

трусами, а теперь и въ числѣ недовольныхъ вмѣстѣ съ Юсуфомъ быть стыдно.

— Однако не слыхалъ ли ты чего, Искендеръ?

— Чего здѣсь услыхать, кромѣ шелеста вѣтра по лѣсу, да чакальяго плача!

— *Анасыны, бабасыны, атасынынъ ювельдакиляры батаньмы!* и мать, и отца, и предковъ отца этихъ чакалокъ утоплю я! . . . . . Что это онѣ расѣлись словно Таврическія дѣвки на *гимасанѣ*, на вечерникѣ, Улу-бея?

— Вѣрно чуютъ себѣ ужинъ изъ свѣжихъ труповъ, такъ заранѣе радуются. Да и правду сказать, если твой носъ достанется имъ въ добычу, есть чему! Дербендскіе беки сдѣлались нынче такіе сидни, что самимъ чертямъ ихъ мясо въ диковинку: чакалкамъ и подавно!

— Не пугай по-напрасну, душа моя, Искендеръ! худое слово кличетъ худое дѣло. Долго ли до бѣды! Теперь что ни самая-то пора для разбойниковъ; теперь они рыщутъ по дорогамъ, какъ голодные тигры: вѣдь не даромъ говорятъ — когда въ горахъ зерно не родится и самъ другъ, порохъ родится самъ сотъ. Коли Мулла-Нуръ . . . . . ?

— А кто такой этотъ Мулла-Нуръ? . . . . . .

— Тише, ради Гуссейна и Алія! тише, Ис-

кондеръ! Не дожить мнѣ съ тобой до завтрешней бороды! У этого проклятаго Мулла-Нура уши на всѣхъ деревахъ вмѣсто ягодъ растутъ, паутины его раскинуты вездѣ. Не думаешь, не гадаешь, а онъ, откуда ни возьмется, давай строчить изъ ружей, покуда *аманъ* не закричишь...

— А потомъ?

— А потомъ, разумѣется, къ расчету: Мулла-Нуръ большой шутникъ; если замѣтитъ, у кого душа выпимается вмѣстѣ съ черноцами, оберетъ до нитки; съ иного, напротивъ, если ему взглядъ по душѣ прійдетъ, не возьметъ и рубля. У того потребуетъ золота вѣсомъ на двѣ на три пули; у другаго серебряныхъ монетъ сколько уложится на кинжалъ. — И, говоритъ онъ, самъ купецъ, торгую свинцомъ да булатомъ. Порой, бываетъ, только два на сто съ товара возьметъ. Вѣдь платите же вы *рахтаръ**, на всякой переправѣ, въ каждомъ городишкѣ. А чѣмъ я хуже шахала? И всѣ платятъ, да еще похваливаютъ, что безъ прижимокъ и проволочекъ пропускаетъ.

---

* Пошлина. Въ Мусульманскихъ провинціяхъ не только проѣздъ товаровъ черезъ каждый городъ обложенъ ею, но по старымъ правамъ многіе ханы взимаютъ пошлину за переѣздъ черезъ свои владѣнія. Это чрезвычайно стѣсняетъ тамошнюю торговлю.

— Да разве у этихъ купцовъ одне трубки вмѣсто огненнаго оружія? Разве этотъ разбойникъ изъ чугуна вылитъ?

— Не то изъ чугуна, изъ кованой стали! Сказываютъ, ни какая пуля его не беретъ. *Аллахъ акберъ!* Богъ великъ!

— Если тебѣ вѣрить, Юсуфъ, такъ онъ шайтанъ не менѣе: потому что, безъ чертовской помощи, какъ могъ бы одинъ человѣкъ останавливать и грабить цѣлые караваны!

— Видно, душа моя, Искендеръ, что ты въ сундукѣ росъ и кромѣ домашняго пѣтуха пѣсенъ не слыхалъ. Да кто тебѣ говоритъ — у Мулла-Нура нѣтъ товарищей? Кому несѣяный хлѣбъ наскучитъ? Выйди здѣсь на первую горку: кто ко мнѣ, кто со мной, стрѣльцы, удальцы, бездомные молодцы? — отъ всѣхъ сторонъ, съ поморья и съ угорья, на это слово слетятся головорѣзы, всѣ, у кого имѣніе укладывается въ ножны, всѣ, кому ружейный зарядъ души дороже. Примѣромъ сказать, не будь у меня сбоку родныхъ, да впереди наслѣдства и этого стоглазаго коменданта надъ головою... я бы самъ... другъ мой Искендеръ-бекъ... ой, Искендеръ-бекъ куда ты ударилъ? Этакой иноходью какъ разъ въѣдешь въ пасть шайтана! Не даромъ говорятъ, что темнота

везъ. На другой день Шамскій паша, при насъ же, всѣхъ трехъ этихъ разбойниковъ сжегъ: словно бурьянъ горѣли, бездѣльники, — такъ и трещатъ. Куда сухой народъ эти Арабы!

— И черноцлый, я думаю?

— Аллахъ упаси, какой черноцлый! Ни дать ни взять, сапогъ Русскихъ офицеровъ. Бывало, не пощупавши рукой, никакъ не узнаешь, гдѣ у нихъ рожа, гдѣ затылокъ.

— И не краснѣютъ они?

— Заводу нѣтъ краснѣть! Я пробовалъ; даже пощечинами краски не добьешься.

— Вотъ бы тебѣ оттуда вывезти пару такихъ щекъ, Гаджи-Юсуфъ! А то, не ровенъ случай, родимыя, хоть и желтый сафьянъ, все могутъ иногда полинять отъ подобныхъ росказней. Ружье твое, на что желѣзо, а и то имѣло больше тебя совѣсти: покраснѣло таки!

— И вѣдомо, покраснѣло отъ накала: спроси хоть у Сафаръ-Кули! . . . Жаль, умеръ онъ недавно: что бы ему подождать, мошеннику, до сегодня! А то, передъ тобой хоть весь въ клятвы разсыпься: не повѣришь. Такая видно въ тебѣ кровь, что ни съ водой ни съ масломъ смѣшать нельзя: слѣдъ-въ-слѣдъ по отцу пошелъ! Да что же ты, въ самомъ дѣлѣ, трусомъ, что ли, въ умѣ держишь меня? Но,

давай мнѣ сейчасъ дюжину самыхъ лютыхъ людоѣдовъ: разобью я ихъ путь и вѣру, *іолины, динины кесель!* Проглочу; и на семь лѣтъ безъ вѣсти пропадутъ! Покажи мнѣ ихъ! Только покажи ты мнѣ ихъ! Пхе! . . . Нутка, умудрись мнѣ ихъ показать теперь? Чего, братъ, я [illegible] го знать не хочу! Заглазно и ко[illegible] отъ: а я тебѣ стану безъ глазъ [illegible] шелъ дурака! Я люблю, чтобы [illegible] алось на мою отвагу; чтобъ сам[illegible] мѣтять: я вѣдь человѣкъ расчетл[illegible] не бью врага кромѣ праваго глаз[illegible] будетъ цѣлиться, когда праваго нѣтъ, а [illegible] прищуренъ? Заневолю ружье бросить!

— Я повода бросилъ, Гаджи Юсуфъ! У меня оба указательные пальца во рту отъ удивленія. *Машаллахъ! . . . Иншаллахъ*, какъ бы намъ поскорѣе свѣту даждаться, да Богъ дастъ встрѣтить хоть десятокъ разбойниковъ на закуску . . . Я отступаюсь отъ своей доли, я ихъ всѣхъ тебѣ отдаю. Я не обнажу не только кинжала, даже вилки изъ кинжала*. *Валлахъ, билляхъ*, не обнажу!

---

* На исподней сторонѣ ножень придѣлывается обыкновенно мѣсто для ножичка, *бычакъ*, и шило, *бизъ*. Хотя послѣднее и похоже на однозубую вилку, но какъ

— Не божись дарожъ, Искендеръ: чортъ меня унеси, это предурная привычка! Здѣсь и безъ исканья много разбойниковъ, а ты къ нимъ на встрѣчу напрашиваешься. Видишь, какой здѣсь край воровской: шайтанъ утащилъ съ неба мѣсяцъ, а ночь у насъ и дорогу ногъ подъ ногъ вытаскиваетъ . . . Ай, ай, ай, Искендеръ!

— Что съ тобой сталось, Юсуфъ? Кто тебя?

— Охъ, охъ, перепугалъ проклятый! . . . Я поймалъ кого-то, Искендеръ. *Кимъ сенъ? варъ-ханъ-сенъ?* кто ты? откуда ты?

— Тащи его сюда, бездѣльника!

— Упирается, нейдетъ!

— Такъ брось его да въ сторону: я буду стрѣлять!

— То-то и бѣда что не пускаетъ? вцѣпился, мошенникъ, точно репробъ въ фазана . . . Ой, ой, ой, до костей ногти запускаетъ . . .

— Ты видно забылъ, что на тебѣ кольчуга, Юсуфъ, что у тебя пистолетъ за поясомъ!

— Забудешь, что и голова на плечахъ! . . . Ой, выручи, Искендеръ-бекъ, ради самаго пророка выручи!

мусульмане бьютъ все руками, то она предназначена для провертыванія путаницъ.

Искендеръ-бекъ не спѣшилъ; онъ зналъ, что у страха глаза велики. Онъ подъѣхалъ шагомъ, ощупалъ кругомъ Юсуфа и сказалъ въ полсѣха и съ полудосадою:

— Такъ и есть! Въ него терновый кустъ вцѣпился? Ахъ! ты *дали-башъ*, *дали-башъ*, горемыка*, воз[illegible]чше на ослѣ воду изъ фонтана, [illegible] на конѣ въ горы за снѣгомъ! [illegible]ничать собираешся!

— На худ[illegible] бойниковъ колотить жое дѣло, пр[illegible]ренный Юсуфъ. Задаль же я [illegible] бездѣльнику . . . . Лови, лови, [illegible] вонъ онъ подъ кустомъ, шелеститъ словно ящерица . . . Слышишь?

— Слышу какъ на тебѣ колечки дрожатъ!

— Дрожали, братъ, и у этого Леагина косточки, когда я его тузилъ? Сжегъ я бороду его отца, да и его собственной бородѣ спуску не далъ. Теперь онъ чорту въ *чубукъ* годится: пощупай-ка сколько волосъ я у него изъ усовъ выщипалъ!

И Гаджи Юсуфъ рванулъ цѣлый клокъ

---

* *Дали*, или *дели башъ* собственно значитъ — безумная, удалая голова, храбрецъ; но у Турокъ дели-баши — особенный родъ кавалеріи. Они носятъ высокій черный колпакъ, съ рукавомъ съ него пѣш-

изъ праваго *зильфа* своего (локона сзади уха), и насильно втиснулъ его въ руку Искендеръ-бека. Между хвастунами есть свои ханжи и свои мученики. У Юсуфа текли слезы отъ боли.

И вдругъ онъ схватилъ за поводья коня Искендерова.

— Посмотри, погляди впередъ, произнесъ онъ трепетнымъ голосомъ: видишь ли, какъ сыплются искры? Это съ полки срываетъ . . . Тамъ засада!

— Тамъ Дарбасъ, отвѣчалъ спокойно Искендеръ: неужели ты не видишь, и не слышишь, какъ сверкаетъ и шумитъ рѣка? . . . Худые же прикащики твои уши и глаза, Юсуфъ: надуваютъ тебя на всякомъ шагу въ половинѣ со страхомъ! Право, я бы тебѣ совѣтовалъ выбрать въ проводники свой носъ и ѣхать лучше ощупью.

— Лучше совсѣмъ не ѣхать, Искендеръ! Рѣка? . . . бездѣлица! Бѣшеная рѣка! . . . шутка! Да теперь самъ шайтанъ нарочно, я слышаю, кипятитъ снѣга и камни въ горахъ, чтобы, въ мутной водѣ, утопленниковъ ловить: онъ не разбираетъ, есть ли, нѣтъ ли чешуя на этой рыбѣ *. Искендеръ-бекъ,

* Законъ запрещаетъ мусульманамъ ѣсть безче-

душечка ты мой, Искендеръ, не ѣзди! по-жалуйста! *Минетъ эйляранъ! таваковй эйляранъ сана!* У меня конь такъ и спотыкается. Пустимъ коней покормиться, а сами переждемъ здѣсь ночь . . . Не слушаетъ! Уфъ, уфъ, такъ на сѣдло и хлещетъ! Напьемся послѣ разбестія. Да [illegible] лодная вода! . . . Что же ты [illegible] ѣки, *вараны-заде!* Ухъ, кто-то [illegible] на полу! . . . Ой, падаю, ой, т[illegible]

Къ счастію [illegible] жался въ сѣдлѣ, и конь, выско[illegible]ъ, зафыркалъ, затрусился, за[illegible]рава была въ самомъ дѣлѣ опасна, и молодой бекъ, выѣхавъ ранѣе на другой берегъ, то хохоталъ, то трепеталъ, слыша жалобныя восклицанія своего хвастливаго спутника. По-крайней-мѣрѣ Юсуфъ, почти выкупавшись, выудилъ въ рѣкѣ достаточную причину сваливать на лихорадку страхъ свой. Передъ разсвѣтомъ наши путники доѣхали до Самбура, а тотъ ревѣлъ и кипѣлъ разлившись широко. Въ мутныхъ волнахъ прядали, гремѣли, мелькали каменья; глухой гулъ стоялъ надъ потокомъ. Они стреножили коней, и пустили ихъ щипать мураву, а сами

шуйную рыбу, и отъ того рыболовство у нихъ почти [illegible]

легли отдохнуть подъ бурками. Юсуфъ и тутъ не переставъ бояться, не переставъ хвастать; Искендеръ мечталъ, засыпая. Одинъ разсказывалъ про то, чего никогда не было; другой, наслаждаясь въ мысляхъ тѣмъ, что, можетъ-быть, никогда не сбудется. Наконецъ разговоръ, составленный изъ вздоховъ Искендера и зѣвковъ Юсуфа, рѣдѣлъ, рѣдѣлъ, и прекратился. Впрочемъ, пугливый герой спалъ вполглаза и вполуха: онъ разъ десять окликалъ собственный свой носъ, воображая, что кто-то крадется задушить его; что кто-то трубитъ въ рогъ, — а это онъ самъ храпѣлъ. Онъ бредилъ, но и сквозь бредъ пробивались клятвы и обломки хвастовства . . .

Разгадайте мнѣ, пожалуйста, отчего трусы всѣхъ возрастовъ и всѣхъ странъ на одну стать. Природа, или расчетъ — въ нихъ хвастовство? Такъ или этакъ, но меня не обманывала примѣта: кто обнажаетъ саблю, не видя непріятеля, или много разсказываетъ про себя послѣ дѣла, тотъ вѣрно не изъ храбраго десятка. Истинное мужество немногорѣчиво: ему такъ мало стоитъ показать себя, что самое геройство оно считаетъ за долгъ, не за подвигъ: а кто разсказываетъ про свои долги? Трусость, напротивъ, безстыдно скрываясь передъ непріятелями, безстыдно подымаетъ

носъ передъ пріятелями и сочиняетъ наглыя небылицы. Чѣмъ же, вы думаете, это кончается? Очевидцы хохочутъ, а слушатели привыкаютъ вѣрить, особенно люди, въ которыхъ болѣе чести чѣмъ прозорливости. Смотришь, хвастунъ наговорилъ вдвое; и не мудрено: у стрс [illegible] одно остріе, а языкъ — мечь [illegible] Дѣло уходитъ въ область минув [illegible] возврата, слово повторяется по н [illegible] оно живетъ, оно живитъ.

По моему, ш [illegible] прекрасная эмблема истинной храбр [illegible] ѣтой въ скромность: она всегда въ ножнах [illegible] во время мира, она не бренчитъ и не сверкаетъ какъ болтливыя шпоры.

Впрочемъ пусть не ропщутъ на меня охотники пѣнить свою водицу: хвастовство — природа человѣка, потому что человѣкъ гордъ отъ природы. Послушайте-ка что говоритъ онъ: свой умъ — царь въ головѣ, а съ умомъ я — царь природы. Домъ его провалился сквозь землю, носъ упалъ на землю, самъ умираетъ, оттого что холодный вѣтеръ дохнулъ ему въ лицо, — а онъ даже на исповѣди не кается, что называлъ себя царемъ природы. Обманывая себя, привыкаютъ обманывать другихъ. И въ самомъ дѣлѣ, что такое носо-

мнѣніе, что такое надежда? Хвастовство минувшаго и будущаго! То и другая надуваютъ, хотя не наполняютъ нашего настоящаго. Настоящее — мигъ пробужденія между двумя снами, но — мигъ заботъ и страховъ, мигъ голода, желаній и жажды ума, мигъ помноженный на страданія и наслажденія души и тѣла попеременно. Только въ этомъ мы страхъ близорукіе: все, что еще вдали или уже далеко, намъ кажется величавымъ и плѣнительнымъ. Все, что намъ завѣтно или недоступно, раждаетъ неутомимую охоту овладѣть имъ.

Вотъ почему хвастунъ и завистникъ, двѣ стороны одной и той же поддѣльной монеты, сами на себя доказываютъ, что дѣла или достоинства, которыми они хвалятся или которые они унижаютъ, ижъ не возможны.

Сыгана юранда, полянная ошшана пишшиь,
полана юранда, сыгана дюнды!

Кошка, запуда мышь, тигромъ надулась, а передъ льномъ сама прикинулась мышкою!

Присловие.

Сладостно пробудиться отъ перваго луча солнца, когда онъ, какъ рѣзвунъ попугай, прокрадывается сквозь занавѣсъ въ спальню и золотымъ клювомъ своимъ сбрасываетъ одѣяло мрака съ милаго лица жены, покоящейся будто роса на листикѣ. Сладостно, едва ли не сладостнѣе, открыть очи, послѣ краткаго сна, на свѣжей муравѣ, подъ пологомъ неба; открыть, и, прямо, уста къ устамъ, увидѣть, ощутить лицо природы. Невѣста всегда милѣй жены, еще по своей, — а природа вѣчно невѣста! Кекендеръ-бекъ потянулся съ нѣгою, медленно поднялъ вѣки, еще полныя снови-

дѣній, и передъ нимъ, какъ ихъ продолженіе открылась пышная картина утра. Кругомъ дремалъ лѣсъ облитый, перевитый, южною зеленью; передъ очами въ вышинѣ горѣлъ и дымился снѣжный Шахъ-дагъ какъ серебряное кадило; передъ очами внизу катился бѣшеный Самбуръ, то разбрызгивая влажнымъ вихремъ, то судорожно свивая въ кольца, волны свои, точно змѣй ущемленный между скалами. Соловей повременно покрывалъ своею пѣснію рычанье потока . . .

И глубоко отозвались въ душѣ Искендера эти прерванные звуки. Казалось, ими разрѣшалась недосказанная загадка души; казалось, въ нихъ обрѣталъ онъ собственныя выраженія, языкъ любви, его томящей . . . Онъ былъ весь вниманіе . . . Но въ самый тотъ мигъ, когда пѣвецъ лѣсовъ разсыпался звѣздами блистательныхъ звуковъ, Юсуфъ захрапѣлъ, какъ лопнувшій барабанъ. Искендеръ-бекъ потерялъ терпѣніе, и въ досадѣ ткнулъ закрученнымъ носкомъ своего сапога, выставленный изъ-подъ бурки носъ его . . . Юсуфъ вскочилъ!

— Что тамъ? . . . Шайтанъ тебя унеси, Искендеръ-бекъ: наступилъ мнѣ на носъ, а у меня, слава Аллаху, носъ не горошина, у тебя глаза не на затылкѣ.

— Однако жъ и не на каблукахъ. Извини, братъ Юсуфъ, пожалуйста.

— Какой лѣшій училъ тебя плясать по моему носу? Въ плясуны по канату, что ли, ты собираешься, или хочешь заранѣе привыкнуть къ переходу черезъ Эль-сыратъ *? . . . Стрихну я въ адъ ты [illegible] *Валлаги, биллиа!*

— Изъ каки[illegible]въ, право, ты разгнѣвался! Вѣд[illegible]ой не изъ фарфора литой, не изъ [illegible]ривезенъ! Видишь, я топнулъ ног[illegible]цы на соловья: помѣшалъ мнѣ, [illegible]пистулька, слушать, какъ ты храпи[illegible]

— Чтобы вам[illegible] питаться весь вѣкъ однимъ запахомъ розъ; чтобы шипы ихъ были для васъ колючи какъ носокъ твоего сапога; чтобы! . . .

— Полно, полно, Юсуфъ, не корми чертей этими пряниками! Слышишь, что поетъ мулла въ Зеафурахъ*? Молитва лучше сна! А я добавлю, и лучше клятвы!

Совершивъ омовеніе и молитву, путники наши рѣшились бродиться за рѣку. Вода, отъ растопленныхъ дневнымъ жаромъ снѣговъ, за-

* Черезъ пламя *джевеннема* (ада), для перехода въ рай, лежитъ какъ лезвіе сабли острый мостъ Эль-сыратъ. — Алкоранъ.

* Зеафуры — селеніе по правую сторону Самбуга.

ночь немного стекла; но кто знаетъ горныя рѣки лѣтомъ, кто знаетъ Самбуръ въ особенности, тотъ скажетъ вамъ, что переправа черезъ эту рѣку въ разливѣ во сто разъ опаснѣе боя. Если конь вашъ споткнулся, васъ не спасетъ ничто и никто. Въ одинъ мигъ черепъ разлетится о камни, а быстрина увлечетъ въ море. Со всѣмъ тѣмъ, привычка и необходимость обращаютъ этотъ подвигъ въ самое обыкновенное дѣло, хотя ни та, ни другая не мѣшаютъ проѣзжимъ тонуть весьма нерѣдко. Предчувствуя бѣду, конь упирается, ночитъ ноздри въ пѣну, озирается во всѣ стороны, дрожитъ: но ударъ по крутымъ бедрамъ, — и онъ бросается въ воду, задними ногами скользя съ крутаго берега. Чтобы противустать быстринѣ, онъ ложится на встрѣчу ей: сѣдло погружено, волны прядаютъ черезъ луку, брызги летятъ въ глаза, часто камни, ударившись одинъ о другой, крутятся мимо . . . Кажется, конь клонится, падаетъ, рушитъ; и точно, будто не трогается съ мѣста, — такъ стремительно несется рѣка, такъ блещетъ и кружится передъ глазами ртутная влага! . . . Горе тому, у кого не силенъ конь; вдвое горе, у кого сдастъ голова или сердце въ роковую минуту поворота по-серединѣ рѣки. Обыкновенно, сперва съѣзжаютъ внизъ

по теченію, и потомъ, описавъ острый уголъ, ѣдутъ противъ быстрины на въѣздъ. Да сохранитъ же васъ Богъ вспоминать тогда правила кавалерійской ѣзды, чтобы, посадивъ лошадь на заднія ноги, вдругъ повернуть ее пируэтомъ! Масса воды, ударившись въ широкую площадь [illegible] ѣнно собьетъ лошадь, не имѣ[illegible] Напротивъ, заставьте коня [illegible]ъ и отдайте потомъ все его т[illegible]нія, — оно само поворотится на[illegible] уже твердо стоя на каменномъ [illegible] пойдетъ въ разрѣзъ валовъ*. Г[illegible]отомъ вмѣсто маяка для тѣхъ, кого судьба приведетъ на Кавказъ . . . Я потерялъ одного товарища моего дѣтства, оттого что онъ не умѣлъ управить конемъ въ ничтожной рѣченкѣ: онъ былъ размолотъ!

Оба бека, благодаря снаровкѣ и привычности коней, счастливо совершили переѣздъ черезъ оба рукава Самбура. Юсуфъ, который во все время это не вымолвилъ слова, — потому что у него занялся духъ, — едва выскочилъ на берегъ, снова принялся браниться и

* Почти всѣ Черкесскія лошади ворочаются на переднихъ ногахъ, а задъ заносятъ. Это для насъ Европейцевъ очень непріятно; но туземцы гонятся не за красой, а за пользою.

клясться; онъ откашливался проклятіями, какъ-будто бы онѣ отъ этого непольнаго воздержанія набились у него въ горлѣ.

— Выпей чортъ эту рѣку! Утоплю я въ ней свинью! . . .

— Пускай водятся въ ней одни бѣсенята вмѣсто рыбы! . . .

— Слыханное ли дѣло, надулась дотого, что вода подъ самое сердце хватаетъ? Изсохни же такъ, чтобы лягушкѣ нѣчемъ было вымыть лапокъ передъ намазомъ. Захлебнись твое дно грязью! оборотись оно большою дорогою собакамъ!...

Да то ли еще говорилъ Гаджи-Юсуфъ! Такъ ли онъ величалъ бѣдняку Самбуръ по всѣмъ восходящимъ и нисходящимъ поколѣніямъ! Щедръ былъ онъ на это, нѣчего сказать; да и разнообразенъ, куда разнообразенъ: что не брань, то обнонка. Только всѣ эти обнонки обшивалъ онъ старинною бахрамою—*анасыны* и прочая *авзуа*, и прочая, изъ которыхъ во время владычества Татаръ, мы кой-что, для домашняго обихода, передѣлали на Русскіе нравы. Говорю — во время владычества Татаръ, потому что ранѣе ни въ однѣхъ лѣтописяхъ *таковыхъ* не встрѣчается, слѣдовательно въ Русскомъ языкѣ *оныхъ* дотолѣ и несуществовало: это ясно какъ червонецъ.

— Ну, къ кому же заѣдемъ покормить яч-

меномъ коней и пообѣдать сами*? сказалъ Искендеръ-бекъ: у меня въ Зеафурахъ нѣтъ ни души знакомой.

— Да и незнакомой души не найдешь въ цѣлой этой деревнѣ. Сожгу я бороды этихъ двуногихъ собакъ! Безъ *абарата*** здѣсь и лбомъ никто ни одной д[illegible]ить; хоть умри на улицѣ, никто не [illegible]акъ зачумленнаго

— Видно Зе[illegible]сь у нашихъ горожанъ гостеп[illegible]о-крайней-мѣрѣ у насъ есть базар[illegible]

— А вотъ пош[illegible]дѣсь, не выманимъ ли какую душонку [illegible], какъ скорпіона на свѣчку. Поглядывай по дворамъ, не увидишь ли сѣрой бородки, Искендеръ... Сѣрыя бороды добрѣй и сговорчивѣе прочихъ. Бѣлая борода — вѣрно старшина, то есть вѣрно плутъ; красная борода — безъ-сомнѣнія человѣкъ зажиточный; у него и серебрецо водится, и женка покрасивѣе; не пуститъ изъ одной ревности. А кто дожилъ до сѣрой бороды, у того конечно есть

* Мусульмане плотно завтракаютъ часовъ около семи утра, а ужинаютъ при закатѣ солнца; — вполдень никогда не ѣдятъ, и считаютъ это вреднымъ.

** *Абаратъ*, необходимая вещь для путешественниковъ по Азіи: это — предписаніе начальника округа, или хана, чтобы намъ давали ночлегъ, пищу и

домишко, и желаніе купить хенны, чтобы перекрасить себя. Эй, пріятель! *Селямъ алейкюмъ*! Не позволишь ли намъ у тебя отдохнуть часокъ, да отвѣдать хлѣба-соли?

—*Алейкюмъ селямъ!* отвѣчалъ высокій, угрюмый Татаринъ, глядя черезъ колючій заборъ. Вы по службѣ, что ли?

— Нѣтъ, по дружбѣ, добрый человѣкъ!

— Абаратъ есть?

— *Фитатъ* есть*, и больше ничего. Ну, шевелись, товарищъ, отворяй-ка вороты!

— Милости просимъ! *Хошъ ялльлы!* У меня часто *керванъ-сараибляры*** почлегуютъ, и ни конь ни человѣкъ на Аграмма не пожалуется.

Запоръ упалъ. Странники въѣхали на дворъ, попустили подпругъ конямъ, насыпали имъ на бурку ячменю. Надо вамъ сказать, что Дагестанскіе поселяне живутъ очень опрятно; домы почти всегда въ два яруса; построены гдѣ изъ нежженнаго кирпича, гдѣ изъ плетеной мазанки, но выбѣлены снаружи и внутри. У одной стѣны — каминъ, выходящій угломъ; кругомъ комнаты въ ростъ человѣка — лѣп-

* Самое чистое серебро.

** *Керванъ-сараиби*, хозяинъ каравана. *Ляръ*, окончаніе множественнаго числа въ Татарскомъ языкѣ.

ной карнизъ, уставленный посудою; на полу, если не *палясы**, то очень чистыя циновки, *сасиль*. Оконъ почти никогда нѣтъ, потому что всѣ работы и бесѣды происходятъ на открытомъ воздухѣ, даже зимой. Мусульманинъ заботится не о томъ, чтобы видѣть, но чтобы не быть видимымъ: это — основное правило не только его архитектуры, но и всей жизни. Аграимъ просн[illegible] верхнія комнаты. Поставивъ орує[illegible]редней, они вошли въ хозяйску[illegible] очень удивились, не встрѣтя пре[illegible]ъ примѣтъ самки, что посерединѣ [illegible]ли женскія туманы. Вопросы в[illegible]іатцевъ — самая щекотливая стру[illegible]осы о женщинахъ они просто счи[illegible]ничностью, о женѣ — обидою. [illegible]уфа очень чесался языкъ по-крайней-мѣрѣ потрунить надъ завѣтною мебелью, но онъ боялся навести хулу на свою городскую учтивость.

— Не попотчуешь ли насъ пловомъ, хозяинъ? спросилъ онъ.

— Самъ пророкъ не ѣдалъ такого плова, какой готовила у меня жена! Аллахъ, Аллахъ! бывало, всѣ гости пальцы обкусаютъ: такъ весь въ жиру и купается! А ужъ бѣлой-то

* Родъ ковровъ безъ ворсы.

какой, разсмачатой! да съ изюмомъ, съ шафраномъ!

— Это, кажется, *одербендъ-наме**, повѣсть, шепнулъ Искендеръ-бекъ товарищу.

— Это *Дербендъ-бары***, прибавилъ Юсуфъ, *укусивши чурекъ съ кендыремъ*, сыромъ изъ овечьяго молока, какъ предисловіе обѣда. Кажется, этотъ смурый грѣшникъ хочетъ угостить насъ только женными туманами!

— А почему нѣтъ! возразилъ Искендеръ: хозяйка не пожалѣла на нихъ масла. — А что, если бъ твои домашнія***, пріятель, сложились въ одну душу, *бирь джанъ олубъ*, да состряпали намъ хотя хынкалу*? обратилъ онъ рѣчь къ хозяину.

— Хынкалъ? Гдѣ жъ у меня хынкалъ! Кази-Мулла съѣлъ барановъ, земля проглотила посѣвъ. Домашнія! Вай, вай! кто жъ у меня теперь домашнія, кромѣ этого кота? Умерла

---

* *Дербендъ-наме*, повѣствованіе о Дербендѣ, смѣсь нелѣпыхъ басенъ съ историческими истинами; полупоема, полу-сказка, очень старинная и весьма уважаемая.

** Городская стѣна Дербенда. А славная огромностью своею стѣна, идущая черезъ горы, зовется *Дагъ-бары*, горная стѣна.

*** Замѣтьте, онъ не говоритъ — твои жены, но — твои домашнія, *эвлякиларъ*.

**** Родъ супу съ чеснокомъ и съ лапшою.

ая молоденькая, пригоженькая Уми . . . Съ ей закопалъ я свои послѣднія пятьдесятъ серебряныхъ рублей въ могилу! Плачу не наплачусь до-сыта надъ ея туманами!

И онъ заревѣлъ.

— Чудесный памятникъ! шепнулъ Юсуфъ.

— Придется и намъ поплакать, молвилъ Исендеръ.

— Дай намъ хоть кислаго молока, хозяинъ.

— Кислаго молока, *джаныма?* То-то, было, моя Уми превкусно его готовила . . . да на это ли одно была она мастерица! . . . теперь . . .

— Теперь тебѣ стоитъ поглядѣть въ пресное, такъ мигомъ сверстеся, вскричалъ Юсуфъ, почти выталкивая Аграпма за дверь: поди принеси какого-нибудь, ты увидишь, что я говорю правду. Продамъ я твою мать за двѣ уковицы, кислая харя, *анасыны сикимъ!* меня въ желудкѣ пѣтухи поютъ, а онъ разглагольствуетъ сказки: самъ онъ хоть грязь ѣстъ, насъ даже дымомъ не потчиваетъ, *итъ оглы*, ынъ собаки! Эй, хозяинъ! кой чортъ ты любуешься на наши ружья, да съ проѣзжими ловко Шемаханская плясунья шепчешься? Мы такъ голодны, что съѣли бы кита, на которомъ свѣтъ стоитъ: подавай намъ чего-нибудь поскорѣй!

— *Бу саватта, бу саватта*, сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ тотъ, и принесъ наконецъ чашку молока, да пучекъ луку.

Нѣчего было дѣлать, пришлось довольствоваться и этимъ. Хозяинъ между-тѣмъ оплакивалъ свою Уми, Юсуфъ ѣлъ и бранился, Искендеръ смѣялся и ѣлъ. Пообѣдавши вратцѣ, Юсуфъ метнулъ полтинникъ въ чалую бороду Аграмма, далъ пинка туманамъ, такъ, что съ этого монумента полетѣли заплатки и они вышли, при угрозахъ хозяина, что онъ будетъ жаловаться на наглецовъ за безчестье, нанесенное шальварамъ его жены. Скоро Зейфуры остались далеко за ними; они ударились вправо на горы.

— Посмотри назадъ, робко сказалъ Юсуфъ Искендеру: тотъ самый бездѣльникъ, что разговаривалъ съ хозяиномъ, слѣдитъ насъ, замѣчаетъ куда мы поѣдемъ.

Въ самомъ дѣлѣ какой-то Лезгинъ стоялъ какъ на холмѣ, вложивъ ногу въ стремя и вцѣпившись на сѣдло своего коня: два мгновенія спустя послѣ, его уже не было, словно онъ утонулъ въ землѣ.

— Тебѣ каждый пастухъ кажется разбойникомъ, возразилъ Искендеръ-бекъ, улыбаясь.

— Да развѣ здѣшніе пастухи честные люди? Ихе! мало ты знаешь здѣшніе обычаи!

Кюринцы — всегдашніе половинщики разбойниковъ изъ Кази-Кумыкъ и вольныхъ Табасаранцевъ, а Посамбурье — всегдашняя для горцевъ дорога. Горцы ограбятъ караванъ или проѣзжаго, а пастухи долинъ ихъ кормятъ, скрываютъ добычу; безъ стадъ они не могли бы недѣли прозабаниться тутъ. Вся шайка Мулла-Нура собрана изъ горцевъ, какъ разсказываютъ.

— Ну, что твой Мулла-Нуръ, что твои горцы! Развѣ не такіе же люди, какъ всѣ мы?

— Люди такіе же, да мѣста, гдѣ они грабятъ, иныя чѣмъ на долинахъ. Въ горахъ, братъ, и ослиное копыто искру дастъ *.

— *Аллахъ ишитсынъ!* Богъ да услышитъ меня! Я бы дорого далъ, чтобы стать лицемъ къ лицу съ твоими хвалеными! Посмотрѣлъ бы я, кто бъ изъ насъ кому далъ дорогу. Пускай я сосалъ позоръ, а не молоко, изъ груди матери.

— Опять ты принялся клясться, да просить у Аллаха, чего и отъ шайтана остерегаться надобно! По грѣхъ ли тебѣ это, душечка Искендеръ? Развѣ ты песъ, или гяуръ какой, или тебѣ тяжело носить душу къ тѣлѣ, а голову на плечахъ? Перекуси, чортъ, по-

* Въ горахъ часто куютъ не только ословъ, но быковъ и буйволовъ.

ломъ мой носъ, если не лучше повстрѣчать голоднаго льва, чѣмъ этого, не вслухъ будь сказано, Мулла-Нура!

— Вотъ то-то, Юсуфъ, если бъ ты поменьше хвасталъ, да поменьше трусилъ, ты бы лучше зналъ или видѣлъ дорогу: а то, взгляни-тка, въ какую трущобу завелъ ты меня? Здѣсь самъ чортъ безъ фонаря обломаетъ голову.

Въ самомъ дѣлѣ тропка, по которой они ѣхали, давно спряталась въ какую-то лисью нору. Скалы, обросшія многовѣчными деревами, пробивались сквозь лѣсную зелень все острѣе и обнаженнѣе, точно кости сквозь кожу старика. Наконецъ каменный порогъ, сажень сто въ отвѣсѣ, преградилъ имъ ходъ совершенно. Огромные дубы, вырванные бурею изъ разщелинъ, лежали, истлѣвая у подножія. Великанскіе орѣшники, склонившіяся надъ ними, одѣвали ихъ ночною тѣнью, а широкія перевязи плюща, то перекидываясь по локтистымъ сучьямъ, то падая на землю, опластали живыми кружевами подолъ этого плаща, будто сброшеннаго съ плечъ утеса. Въ одномъ только мѣстѣ, расторгнутый на двое, онъ давалъ истокъ горному водопаду, когда-то могучему, теперь едва струящемуся по скату плитныхъ обломковъ. Вода, сверкая по каменной чешуѣ, заставляла волноваться рас-

тенія, подернувшія дно ея: казалось, катится каскадомъ зелени, а тамъ вверху, гдѣ высокій уступъ задвинулъ ущелье, черезъ него низвергался лучъ потока, разлетѣвшійся въ глубинѣ въ дымъ и въ пѣну, будто газовый шарфъ, заткацный въ узоръ битью и шелками по кайнѣ сво[illegible]гра природы дала всѣ цвѣта при[illegible]ь, дѣтямъ влаги, оживляющимъ [illegible] что ручей, играя свѣтомъ солнц[illegible] какъ прозрачная радуга накрес[illegible]каменѣлой радуги. Вверху его, с[illegible]я черезъ порогъ, бѣлѣлись и вѣял[illegible]граусовое перо, и, распрыскиваясь о камни, [illegible]рали снопами павлиньихъ перьевъ. Искендеръ-бекъ долго любовался этимъ восхитительнымъ зрѣлищемъ, и не сводя съ него глазъ, зачалъ взбираться по крутому ложу. Валуны катились изъ-подъ ногъ до самаго дна, конь нерѣдко съѣзжалъ назадъ и дышалъ вразрывъ подпруги. Юсуфъ, по всегдашнему своему обычаю, клялся, что онъ ни за какія радости въ свѣтѣ не ступитъ шагу далѣе, и по всегдашнему обычаю слѣдовалъ за переднимъ. Подъѣхавши почти подъ самый водопадъ, путники наши увидѣли вправо и влѣво двѣ разсѣлины, обнимающія столпъ, съ котораго онъ кидался въ воздухъ. Расто-

мы эти обѣщали, хотя стремнистую, однако возможную стезю до самаго верху. Только, необходимо было совершать это полу-воздушное путешествіе на хвостѣ лошади. Носъ Юсуфа ни мало не пострадалъ, волочась по кремнистому ложу, и когда оба странника очутились на площадкѣ, негодованіе его разсыпалось гроздами брани.

— Разгрыли, чортъ, эту гору! Пусть всѣ кабаны Дагестана совьютъ въ ней гнѣздо свое! Пускай затрясетъ ее лихорадка землетрясеній, пускай она лопнетъ, опившись дождями, проклятая!

— Самъ виноватъ, а бранишь горы, сказалъ ему Искендеръ. Не ты ли увѣрялъ, что знаешь дорогу на Шахъ-дагъ какъ на базаръ; что скалы его тебѣ знакомы какъ пять пальцевъ.

— Развѣ я солгалъ? *Анасыны, бабасыны!* Какъ пять пальцевъ? Да кто же лазилъ на гору пяти пальцевъ*, не имѣя когтей чорта? Съ Наирузъ-бекомъ, онъ не дастъ мнѣ соврать, мы обнизали подковами всю эту гору: да тогда какъ-то она была совсѣмъ иначе, была глаже ладони; видно, эти бородавки на-

росли на нее послѣ, либо она обернулась къ солнцу спиной, погрѣть старыя кости, промороженныя сѣверомъ.

Почти всегда, какъ замѣчено геологами, южныя стороны горъ бываютъ обрывисты, потому что онѣ подв[illegible]амъ обваламъ и размывамъ тающих[illegible]ъ знои солнца? напротивъ, сѣвер[illegible] покрытые тѣнью почти весь день [illegible] богаты лѣсомъ, муравою, всякимъ [illegible]. Въ томъ же отношеніи, тольк[illegible]ею рѣзкостью находится востокъ [illegible]у. Но природа часто подсмѣивается надъ системами, и задаетъ господамъ систематикамъ такія задачи, что они со всею своей премудростью становятся втупикъ. Природа дѣйствуетъ по неизмѣннымъ законамъ, но сводъ ея законовъ напечатанъ въ цѣлой вселенной и безъ оглавленія. Можно ли намъ, обитателямъ одной точки пространства, одного мига времени, прочесть вполнѣ смыслъ творенія, разбросанный по тысячамъ міровъ? Можно ли отверсть тайны, отъ которыхъ ключи въ рукѣ Бога. Такъ и здѣсь: сѣверный обрывъ Шахъ-дага возникалъ стѣною, въ улику господъ геологовъ, и только голова его была убѣлена снѣ-

они, какъ бѣды на высокой душѣ. Странники наши увидали свою ошибку: убѣдились, что приступъ съ этой стороны невозможенъ, и принуждены были опоясать Шахъ-дагъ, попытать взойти на него съ востока. Впрочемъ, вздумать это было гораздо легче нежели исполнить. Еще растительная черта была выше ихъ, но она змѣилась уже не краемъ зеленаго покрывала, а подобно городкамъ копра изорваннаго по каменьямъ. Громады скучивались надъ громадами, точно кристаллы аметиста, видимые сквозь микроскопъ, увеличивающій до ста невѣроятій. Тамъ и сямъ, на граняхъ скалъ, просѣдали цвѣтные мхи, или изъ трещины протягивало руку чахлое деревцо, будто узникъ изъ оконца тюрьмы. Все было дико, угрюмо, грозно въ окрестности. Тишину пронзали одни клики орловъ, негодующихъ на человѣка за набѣгъ на ихъ область, — пустыню. Изрѣдка слышалась тихая жалоба какого-нибудь ключа, паденіе слезы его на безчувственный камень, непускающій бѣдняжку слиться на-полѣ съ милой рѣкою. Мекендеръ-бекъ остановился, устремилъ бродившій около взоръ на Юсуфа, и укоризненный взоръ этотъ выговорилъ: Ну что?

— Двѣ тысячи проклятій на голову этого Шахъ-дага! Насыплю я праху на его снѣж-

ное тема! Видишь, какъ онъ вражески принимаетъ гостей! Заперся въ стѣны, и всѣ лѣсенки убралъ внутрь; да еще скалитъ свои каменные зубы, старая собака! Куда теперь намъ дѣться? Въ гору? Надо лѣзть вверхъ ногами! А подъ гору — [illegible] головой! — Какъ хочешь, Искен[illegible] имолвилъ Юсуфъ, снимая саквы [illegible] посовѣтуюсь съ моей *фляжкой*: [illegible]ная вещь эта водка! *саллаха, б*[illegible]нительная! Шепнетъ тебѣ бу[illegible] - смотришь, всю бѣду отговорит[illegible] го[illegible] умъ будто звѣзда взойдетъ, а сердце въ груди розаномъ распустится.

— Ахъ, ты, немытый грѣшникъ! Мало тебѣ православныхъ грѣховъ, такъ ты какъ блудливая кошка, изъ чужихъ отвѣдываешь! Развѣ не знаешь, зачѣмъ пророкъ запретилъ вино?

— И очень знаю, жертвочка ты моя, Искендеръ-бекъ! Очень хорошо знаю: онъ запретилъ его для того чтобы подсластить; про это и Гафизъ сказалъ:

Пѣйто: самыхъ лѣтъ весна
Упоенье безъ вина!
Что завѣтно, то и слаще.
Пѣй, но лучшее, да чаще!
Будешь гяуромъ вдвойнѣ

— Прекрасныя у тебя заповѣди, Юсуфъ! *Амма* (но) съ ними, я думаю, легче искать дороги въ преисподнюю чѣмъ къ небу!

— Кто тебѣ это сказалъ, душа моя, Искендеръ? Чортъ меня возьми, если отъ вина не растутъ крылья! Такъ кажется, летомъ летишь, носомъ облака бороздишь. Погляди-ка на меня теперь, когда я хватилъ души винограда! Я, навѣрно, подросъ на ханской аршинъ! Я прежде ни одной дорожки не видалъ, а теперь передо мною ихъ цѣлая дюжина сгозитъ.

— Я у тебя ни одной и въ долгъ не возьму, Юсуфъ: я поѣду по своей дорогѣ, куда бы она меня ни вывела. Ты ступай влѣво, а я попытаю прямо подняться. Если кто изъ насъ найдетъ удобный подъемъ, тотъ долженъ воротиться сюда и кликнуть товарища или дождаться его. Далѣе получаса не отъѣзжать на поискъ. *Худа вафизъ!* До свиданья!

Гаджи-Юсуфъ такъ нахрабрилъ себя, что на этотъ разъ не сдѣлалъ ни одного возраженія, и отважно пустился одинъ въ дорогу или, правильнѣе сказать, на ловлю дороги. Искендеръ, ведя лошадь въ поводу, полѣзъ по трещинамъ почти на отвѣсный утесъ. Солнце давно перекатилось за полдень.

Прямо надъ мѣстомъ разлученія нашихъ странниковъ, на границѣ между облаковъ и снѣговъ, возникала огромная скала, какъ наковальня Перуна. Казалось, летучее копыто дикой козы не нашло бы опоры на гладкихъ бокахъ ея, и между-тѣмъ на самой ея вершинѣ, срѣзанной площадкою, нашли себѣ пріютъ кони и люди. Человѣкъ шесть Татаръ и Лезгинъ лежали около огонька, разложеннаго подъ котломъ. Столько же бѣгуновъ жевали траву, накошенную кинжалами и брошенную имъ расчетливою рукою. Въ числѣ прочихъ, но поодаль отъ прочихъ, подъ тѣнью бурки, развѣшенной на колѣ, превращенной въ живой щитъ отъ солнца, на небольшомъ коврѣ, сидѣлъ, поджавши ноги, мущина лѣтъ подъ сорокъ, пріятной наружности. Проста была его чуха съ откидными рукавами, но оружіе блистало серебромъ и чистотою, — вѣрный признакъ не городскаго избытка, но боевой власти. Онъ курилъ трубку, и съ нѣжностью смотрѣлъ на молодаго человѣка, спящаго у него на колѣнахъ. Порой онъ игралъ шелковистыми кудрями *зильфа*, падающаго на плечо юноши; порой, склонившись надъ прекраснымъ его лицемъ, котораго, какъ снѣгу Шахъ-дага, не могло осмуглить жаркое солнце, а только подернуло зарею, прислушивался къ

его дыханію, затаилъ свое, и только изъ страха разбудить не срывалъ поцѣлуемъ улыбки, полу-разцвѣтшей на устахъ. Иногда онъ грустно качалъ головою, и вздыхалъ тяжело, и потомъ взоры его какъ два сокола стремились съ подзорной башни, построенной природою передъ замкомъ Шахъ-дага; какъ два сокола играли сперва въ поднебесьѣ и потомъ, широкими кругами, низрѣвались на долину, жадныя охоты и добычи.

Это былъ Мулла-Нуръ, гроза Дагестана; разбойникъ Мулла-Нуръ со своею шайкою.

И онъ увидалъ вину Гаджи-Юсуфа, пробирающагося по каменьямъ. Тотъ казался не болѣе ящерицы, и какъ пестрая ящерица ползъ на конѣ своемъ. Мулла-Нуръ улыбнулся лукаво и, склонившись надъ ухомъ юноши, сказалъ: Проснись, Гюль-шадъ*! — Юноша открылъ очи.

— Гюль-шадъ, примолвилъ Мулла-Нуръ, хочешь ли ты, чтобы я поклонился тебѣ въ ноги?

— Хочу, произнесъ юноша съ видомъ избалованнаго дитяти: очень хочу! Для меня будетъ диковинкой видѣть тебя, гордеца, у своихъ ногъ.

---

* *Гюль-шадъ*, имя; значитъ — роза веселая.

или по-крайней мѣрѣ никогда бы не рѣшился искать опасности, чтобы выказывать себя нагоголо. Но въ томъ-то и бѣда, что никто, заглаза опасности, не считаетъ себя робкимъ, а Гаджи Юсуфъ сверхъ-того принадлежалъ къ полку тщеславныхъ, къ полку людей, которые, для того чтобы имѣть право разсказывать про битвы, про чудесныя встрѣчи, готовы прискакать на митъ въ пылъ схватки, вызваться на трудное предпріятіе, потомъ, проклиная свою неумѣстную храбрость, дрожать отъ страху, или выдумывать тысячи лжей чтобы ульнуть отъ бѣды. Гаджи-Юсуфъ самъ-другъ съ виномъ увѣрялъ себя, и почти ужъ вѣрилъ, что онъ храбрѣе самаго Рустема.

— Развѣ даромъ написано на моемъ ружьѣ: *Трепещи, врагъ, я дышу пламенемъ!* Опалю жъ я бороду первому разбойнику, или первому барсу, который вздумаетъ добраться до моего добра! Да и кой чортъ мнѣ бояться чего-нибудь? Кольчуги моей не возьмутъ ни пуля ни когти; ружье мое одно посылай въ драку, такъ убьетъ непріятеля. Гдѣ жъ эти разбойники? Запрятались, не бось, въ норы, только завидѣли меня, мерзавцы, трусишки, *аджизляръ!* Терпѣть не могу такихъ трусовъ: изрублю я дорогу и вѣру такихъ трусовъ!.....

И вдругъ, при поворотѣ за уголъ скалы,

грозное: стой, долой съ коня, прострѣлило его уши; но, когда, поднявъ испуганные глаза, онъ увидѣлъ въ десяти шагахъ отъ себя блестящій стволъ, нацѣленный прямо въ грудь его, бѣдный Юсуфъ обомлѣлъ; сердце его будто упало въ муравейникъ.

— *Аттанъ тюшъ!* долой съ коня! раздалось снова: и не смѣй тронуть ружья, ни рукояти сабли! Если ты вздумаешь бѣжать или защищаться, я спущу курокъ! Снимай оружіе!

У Гаджи-Юсуфа помутилось въ глазахъ: не замѣчая, что противъ него стоялъ безъусый мальчикъ, онъ видѣлъ только роковой стволъ, одинъ стволъ, и болѣе ничего, и ему казалось, что дуло его растетъ, разѣваетъ огромную пасть, реветъ огнемъ; онъ чувствовалъ уже весь свинецъ заряда въ своей головѣ, и повалился на землю съ кликами пощады, съ просьбою не бить, не стрѣлять его:

— Не только оружіе, душу мою отдамъ тебѣ, эффенди-разбойникъ, *зарамиляръ-бегъ*, глава разбойниковъ, здѣшнихъ горъ. Ты добрый человѣкъ, а я смирный человѣкъ: не губи меня, душечка, жертвочка ты моя! Возьми лучше къ себѣ въ нукеры: я буду разувать тебя, холить твоего коня!

И онъ снималъ и бросалъ въ сторону одно за другимъ всѣ свои оружія, всю одежду; вы-

ворачивалъ карманы, выщипалъ половину своихъ усовъ, запутавшихся въ кольца панцыря, а между-тѣмъ клялся какъ вѣдьма на экзаменѣ у сатаны.

— Отрѣжу я твой языкъ и выброшу его собакамъ, нестерпимый пустомѣля! сказалъ Гюль-шадъ. Молчи, или я тебя на-вѣкъ молчанью выучу!

— Не пикну, если твоей душѣ это угодно.

— Молчи, говорятъ!

— Слушаю и повинуюсь!

Наконецъ выразительная хватка Гюль-шада за пистолетъ замкнула ротъ испуганнаго Юсуфа. Ему связали руки поясомъ, притянули ихъ къ стремени и повели раба Божьяго въ гору. Черезъ четверть часа, послѣ труднаго ходу, блѣдный, перецарапанный о кремни, сталъ онъ передъ грозными очами Мулла-Нура, среди звѣрскихъ лицъ его товарищей. Куда ни обращалъ онъ глаза, вездѣ встрѣчалъ злобную усмѣшку или безпощадный, но безмолвный, приговоръ. Всѣ молчали. Гюль-шадъ положилъ къ ногамъ атамана оружіе плѣнника, и атаманъ три раза ударилъ челомъ о землю передъ Гюль-шадомъ, назвалъ его удальцомъ, поцѣловалъ въ лобъ. Потомъ обратилъ онъ слово къ Юсуфу:

— Знаешь ли, кто обезоружилъ тебя, Ю-

ъ-бекъ? Юсуфъ вздрогнулъ отъ этого
оса, будто кто провелъ тернугомъ по его
у.

— Храбрый изъ храбрыхъ, *меньшъ бінюгумъ*,
й повелитель, отвѣчалъ онъ трепеща: силь-
й изъ сильнѣйшихъ! Что могъ сдѣлать про-
ъ него я, когда левъ противъ него щенокъ,
Псфендіяръ — мальчишка!

Всѣ захохотали кругомъ.

— Знай же этого богатыря, противъ кото-
го храбростью Псфендіяръ — мальчишка, а
ою левъ — щенокъ! сказалъ Мулла-Нуръ, и
лъ шапку съ головы Гюль-шада.

Волной хлынули изъ подъ нея черныя волосы
роскошно разсыпались по плечамъ. Какъ
ковъ цвѣтъ покраснѣла красавица, — тогда
ь нельзя было сомнѣваться въ противномъ
и упала на грудь Мулла-Нура.....

— Это моя жена! промолвилъ онъ.

Залпъ буйнаго смѣха оглушилъ Юсуфа, его
ки сторѣли бы въ уголь отъ стыда, если
страхъ не заморозилъ гораздо прежде въ
ъ всей крови. Однако же онъ ободрил-
немного: онъ спѣшилъ посѣять въ мигъ
цей веселости словцо за свое избавленіе.

— Помилуй, властитель мой, жалобно зарю-
ъ онъ, не сгубя меня, не продавай въ го-
: за меня дадутъ тебѣ славный выкупъ!

Брови Мулла-Нура сошлись какъ двѣ тучи: быть грому.

—Знаешь ли кому предложилъ ты выкупъ, заячья шкурка? Достойный сынъ Дербенда, ты вообразилъ уже, что всякую душу можно спечь на черноцѣ и съѣсть, поклянись нашимъ Аліемъ! Разувѣрься въ этомъ. Я, благодаря Аллаху, не *шаи* *, и моей воли не обуздать ни серебряною ни золотою уздою. Выкупъ? за тебя выкупъ? Неужели жъ ты смѣлъ думать, что я какъ Дербендскій лавочникъ стану продавать гниль за свѣжину, и черно-совѣстно требовать за тебя Персидскаго золота, когда ты не стоишь свинцовой дробинки, *бырь сеема ,деемезсынь?* Ахъ, ты, безхвостая собака! Да и зачѣмъ я продамъ тебя въ горы? Сказки тамъ не считаются работою, а заставь тебя хоть носомъ лукъ копать, ты и того не съумѣешь. Зачѣмъ я возвращу тебя домой? Чтобы ты женился и наплодилъ цѣлое поколѣніе трусовъ? Да сохранитъ отъ такой мысли Аллахъ! Въ Дербендѣ и безъ тебя зайцевъ много. Ну, Юсуфъ! ты видишь, что я тебя знаю, и зна-

* Почти всѣ горцы и часть горожанъ Дагестанскихъ держатся секты Омаровой, то есть, *сунни;* Дербендцы и Бакинцы, напротивъ, секты Аліевой, то есть, *шіи* или, какъ здѣсь говорятъ *шаи*, и взаимно ненавидятъ другъ друга.

нь теперь, что льстить я не люблю. Скажи
нѣ, что ты думаешь обо мнѣ саможъ? Я
улла Нуръ!

Какъ зарываетъ ноздри въ песокъ верблюдъ,
чуяв гибельный налетъ самума, такъ палъ
ицъ Гаджи-Юсуфъ отъ повѣва этого имени;
лъ расплющенный страхомъ тоньше Турец-
го шаура *.

— *Аллахъ, Аллахъ!* мнѣ [illegible] который за
настіе бы почелъ умыться [illegible] ихъ ногъ
ложить судъ на твою голо[illegible] *и Гусейнъ*
ши-да! пусть удержатъ ме[illegible] о Гусейнъ
Али! Что я знаю? Я ни[illegible] знаю! Я
лаю только, чтобъ твоя [illegible] гда была
нѣ шапкою!

—Послушай, Юсуфъ, гро[illegible] лъ Мулла-
ръ, давно я вѣдаю, что т[illegible] ой охот-
къ перенимать и повторять Фарсійскія по-
ности. Но я простой человѣкъ: гдѣ мнѣ
нимать твой *изарашъ*, твой высокій слогъ!
съ всякихъ обиняковъ скажи мнѣ, что обо
нѣ думаешь?

— Что я думаю! Пусть шайтанъ разгрызетъ
къ орѣхъ мою голову — ничего я не думаю,
никогда и не думалъ? *баллаза, биллева*
думалъ! Смѣлъ ли я поднять на тебя свою

* Монета въ тридцать паръ, около тридцати на-
ихъ копѣекъ; изъ весьма дурнаго серебра.

мысль! Что я за звѣрь? Прахъ, ничто, *нуль-зать*!....

— Юсуфъ, я не шучу! Я выжму изъ твоего мозга то, что хочу слышать, или вырву мозгъ изъ черепа! Ну!...

— Не сердись, высокостепенный, звѣздами питающійся эффенди Мулла-Нуръ! Не жги меня въ пепелъ своимъ гнѣвомъ! Твои повеленія родили жемчужины въ глупой моей головѣ, но все таки эти жемчужины — стеклярусъ въ сравненіи съ твоими достоинствами. Я думаю, умъ твой — ружье съ золотою насѣчкою, заряженное премудростью доверху, стрѣляющее правдой и никогда не минующее цѣли. Я думаю, сердце твое — кувшинъ съ розовымъ масломъ, льетъ черезъ край щедроты. Я думаю, рука твоя всегда отворена сыпать добро для чужаго, готова помогать всякому. Я думаю, языкъ твой — стебель, на которомъ распускаются цвѣтки справедливости, великодушія, безкорыстія, милости.... Я ужъ вижу между нихъ одинъ полный росою словъ: Ступай себѣ домой, добрый человѣкъ Гаджи-Юсуфъ, да поминай добромъ Мулла-Нура! Хорошо я сказалъ?

— Нѣчего сказать, хорошъ ты разскащикъ, Юсуфъ, только плохой угадчикъ. А чтобы доказать, что ты лгалъ сначала до конца, вотъ

приговоръ мой: за то, что ты будучи бекомъ, то есть, воиномъ по роду, позволилъ безъ выстрѣла обезоружить, связать себя слабой женщинѣ, за то, что ты до безстыдства трусилъ и унижался передъ подобнымъ себѣ человѣкомъ....

— Смерть развѣ человѣкъ? хныкая замѣтилъ Юсуфъ.

— Дай мнѣ к[illegible] тамъ не далекъ и твой конецъ. Кто [illegible] но боится смерти, тотъ недостоинъ ж[illegible] умрешь! Завтра ты увидишь посл[illegible]ѣтъ свой, а если вздумаешь говор[illegible] же мигъ кинжалъ пересѣчетъ теб[illegible] поламъ въ самомъ горлѣ. Отведи[illegible] его [illegible]ещеру и свяжите хорошенько; пускай тамъ клянется и молится на просторѣ до роковаго утра!

Мулла-Нуръ махнулъ, и бѣдняга уволокли какъ мѣшокъ съ просомъ.

— Онъ умретъ со страху прежде смерти, сказала Гюль-шадъ мужу: не пугай его такъ жестоко, душа моя!

— Ничего! отвѣчалъ Мулла-Нуръ улыбаясь: это будетъ ему урокомъ, что робость не спасенье. Трусъ умираетъ сто разъ, храбрый однажды, и то не скоро. Ну, ребята, я на часокъ оставлю васъ: по всей дорогѣ не видать ни одного верблюда, ни какого проѣжа-

го. Впрочемъ, если что встрѣтится, моя Гюль-шадъ поведетъ васъ, и горе тому, кто на одинъ волосъ уклонится отъ ея приказа. Прощай, Гюль-шадъ; мнѣ предстоитъ встрѣча немножко важнѣе твоей. Давно желалъ я помѣрять плечо съ Искендеръ-бекомъ, и, спасибо Мешеди-Багиру, я его выслѣдилъ. Если не ворочусь къ восходу мѣсяца, ищите моего тѣла по слѣду. Ранѣе, какой бы крикъ, какую бы стрѣльбу ни заслышали вы, ни одинъ не тронься съ мѣста! И не роптать на то: я ѣду не на добычу, а на охоту.

Онъ забросилъ за спину винтовку, и былъ таковъ.

Искендеръ-бекъ между-тѣмъ взобрался на каменный поясъ, по которому, хотя съ большою опасностью, можно было ѣхать. Направо подъ нимъ синѣла пропасть; налѣво вставали скалы надъ скалами, тамъ нидѣ нагрызенныя молніями. Въ иныхъ разсѣлинахъ еще лежалъ снѣгъ, недосягаемый лучамъ солнца, и дробныя струйки какъ стеклянная бахрама вились черезъ плиты, на которыхъ онъ медленно таялъ. И не было возврата дерзкому путнику: узкій какъ остріе меча прилѣпъ не представлялъ мѣста для поворота коня; нево-

лею: должно было ѣхать впередъ, и онъ ѣхалъ, ѣхалъ, ѣхалъ..... онъ уперся наконецъ въ край треснувшаго утеса. Въ трещинѣ этой, не болѣе шаговъ десяти шириною, упавшіе съ вершинъ лавины образовали гибельный мостъ, подъ которымъ не видимъ рѣвѣлъ и гулялъ потокъ, глубоко внизу. Намигъ сжалось сердце юноши; но [illegible]кенѣ опять согрѣла его. Онъ сы[illegible]одрился, замѣтивъ одинокіе слѣды [illegible] рыхломъ снѣгѣ, и быстрою рысью [illegible]ь гортань ущелія, зная, что одинъ [illegible]ювки могъ раздавить случайный с[illegible]о которому скользилъ онъ, если не раздвл[illegible]ть точекъ опоры скоростью. Страшно хрустѣлъ и трещалъ подъ копытами снѣгъ. Неразъ осѣдалъ онъ за нимъ цѣлыми глыбами, оставляя на закраинѣ утеса бѣлую ленту. Конь потѣлъ отъ ужаса и вотъ, вотъ, кажется, пробилъ наскоро пластъ, вотъ рухнетъ. Но Искендеръ надохнулъ отрадно и за угломъ, какъ заря разсвѣтала яркая полоса, обѣтъ выѣзда, и вдругъ какъ-будто упавшій на лучѣ всадникъ, сталъ передъ нимъ неожиданно. Озаренный въ тылъ заходящимъ солнцемъ, онъ чернѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ какъ вылитый изъ чугуна памятникъ; онъ былъ огроменъ и неподвиженъ какъ памятникъ. —Стой! загремѣло на встрѣчу Искендеръ-бе-

ка. Стой и брось оружіе или ты погибъ: я Мулла-Нуръ!

Изумленный сверхъестественнымъ видѣніемъ, Искендеръ сдержалъ было своего коня, но, услышавъ заманчивое имя противника, онъ удвоилъ бѣгъ.

— Береги свое, Мулла-Нуръ, закричалъ онъ, взводя курокъ: и прочь съ дороги!

— Пускай же судьба рѣшитъ, кому проѣхать этою дорогою, возразилъ Мулла-Нуръ, поднимая пистолетъ въ уровень съ грудью Искендера, остановившагося въ десяти шагахъ. Стрѣляй!

— Стрѣляй ты! сказалъ Искендеръ. Я не прячусь за коня.

Они съ минуту стояли другъ противъ друга съ нацѣленнымъ оружіемъ, выжидая перваго выстрѣла, — это обыкновенная формула разбойничьихъ привѣтствій Дагестана; потомъ оба опустили стволы.

— Ты *решиль*, удалецъ, Искендеръ-бекъ! молвилъ Мулла-Нуръ. Я не хочу разлучать тебя съ оружіемъ. Отдай мнѣ коня и ступай куда хочешь!

— Возьми оружіе, возмешь и коня: но покуда есть зарядъ въ дулѣ, а душа въ тѣлѣ, рука позора не тронетъ ни этого замка ни этой узды!

Мулла-Нуръ улыбнулся.

— Не надо мнѣ твоего ружья, твоего коня — сказалъ онъ: надобна твоя покорность. Не изъ добычи, изъ прихоти своей разбойничаетъ Мулла-Нуръ: и бѣда тому, кто станетъ поперегъ его прихоти. Я слышалъ про тебя не-разъ Искендеръ-бекъ, и теперь самъ увѣрился, что ты *ген* [illegible] я не даромъ искалъ встрѣчи съ тобо[illegible] разойдемся, не сложивъ рукъ или [illegible] *Ахырымдыгы сюзь дінімъ*, вотъ мое [illegible] словом: поклонись мнѣ, скажи — бу[illegible]ръ, — и дорога твоя!

— Вотъ мой [illegible] отвѣтъ, наглый хвастунъ! кликнулъ [illegible]ръ, прицѣливаясь, и спустилъ курокъ.

Далеко брызнули искры изъ дула, но къ удивленію Искендера, выстрѣла не послѣдовало..... Только огненный фонтанъ кипѣлъ долго. Онъ съ гнѣвомъ бросилъ ружье за лѣвую руку, и выстрѣлилъ изъ пистолета: слабо раздался ударъ, пуля упала къ ногамъ Мулла-Нура, а Мулла-Нуръ, сложа руки глядѣлъ на бѣшенство Искендера и, будто надежный на очарованіе, насмѣшливо улыбался.

— Не спасутъ тебя ни чары, ни латы, вскричалъ Искендеръ, и тутъ уже сверкнули сабли обоихъ противниковъ, и тутъ уже ярость вспыхнула въ обоихъ сердцахъ, и они оба ринули

жоней на роковую схватку, — грудь съ грудью сгрянулись бѣгуны, — сабля свистнула надъ головой Мулла-Нура, — ударъ палъ какъ Божій гнѣвъ.

Но съ глухимъ трескомъ разсѣлась подъ копытами сразившихся лавина: она не смогла выдержать тяжести двухъ всадниковъ. Конь Искендеръ-бека всталъ на дыбы въ самый тотъ мигъ, когда сабля, описавъ полкруга, падала на Мулла Нура и не достигла его; онъ обрушился. Искендеръ-бекъ опрокинулся назадъ, и только этимъ былъ задержанъ въ паденіи. Но оторванная отъ ущелія глыба садилась, уступала и трескаясь, клонилась въ бездну. Притоптанный своимъ конемъ въ снѣгу, Искендеръ судорожно выбивался, съ ужасомъ прислушивался къ гулу паденія несчастнаго Мулла-Нура, къ шороху катящихся льдинокъ, сорванныхъ съ утеса, къ зловѣщему лопанію глыбы, на которой самъ онъ висѣлъ надъ гибелью. Наконецъ все стихло кругомъ. Только бездна глухо рычала, точно тигръ, когда онъ пожралъ свою жертву и щелкаетъ языкомъ, зарясь на новую, и лижетъ еще окровавленную морду. Жалость проникла въ сердце Искендера: онъ ползкомъ добрался до края провала, и взглянулъ внизъ: у него захватило духъ и померкло въ глазахъ отъ ужаса.

Лета съ конемъ въ глубину по-крайней-мѣрѣ полувершы, Мулла-Нуръ пробилъ два снѣжные помоста, въ далекѣ другъ отъ друга образовавшіеся отъ падающихъ лавинъ. Эти проломы широко разѣвали пасти свои; но далѣе въ самой глуби невозможно было ничего разглядѣть: все сливалось въ мутный дымъ, въ синеватый мракъ, сквозь который, временемъ, мерцало что-то, будто г[illegible]-нибудь чудовища. И со дна вета[illegible]й-то страшный ропотъ, будто хрип[illegible]ющаго..... Искендеръ отвратилъ о[illegible]рожно подползъ къ коню своему [illegible]ніе спасти, или по-крайней-мѣрѣ ув[illegible] судьбѣ Мулла-Нура, не замѣло [illegible] Онъ скоро выѣхалъ изъ гибельнаго [illegible] проскакалъ по каменному поясу, и [illegible] внизъ, отыскивая истокъ ручья, т[illegible]по дну тѣснины, въ которую обрушился Мулла-Нуръ. Ему не трудно было найти его: гора въ этомъ мѣстѣ раскололась почти до корня, и бѣлая полоса снѣгу, залѣпившаго трещину, издали отбивалась на бурожъ полѣ утесовъ. Искендеръ сошелъ съ коня, и пѣшкомъ, ползкомъ почти, рѣшился войти подъ сводъ, изъ котораго вырывался быстрый, но мелководный, потокъ. Чѣмъ далѣе, — сводъ этотъ возвышался, и наконецъ сомкнулся высоко надъ голо-

вою, такъ, что смѣлый бекъ могъ вольно итти подъ нимъ. Сводъ этотъ, отъ паровъ мерзнущей воды, подернулся леденою корою; ледяныя сосульки гребешками низались по плитняку. Тамъ царствовалъ мракъ и холодъ могилы. Тамъ гробовой саванъ снѣгу задушилъ, или грозилъ задушить все живое; и самый Ручей, притаившись на донышкѣ, спѣшилъ вырваться на вольный свѣтъ, покуда мертвенность не сковала его вовсе. Морозъ страха пробѣжалъ по всему тѣлу Искендера и сосредоточился на сердцѣ, когда онъ оглядѣлся, когда оцѣнилъ всю опасность пути. Но великодушіе перемогло чувство самосохраненія: онъ бѣгомъ пустился по дну потока кверху, и скоро, путеводимый просвѣтомъ, достигъ до того мѣста, гдѣ долженъ былъ упасть Мулла-Нуръ сквозь два пробитые имъ помоста изъ снѣгу. Первое, что поразило взоры юноши, была размозженная голова коня, избитаго наденіемъ, издохшаго подъ грузомъ лавинъ. Одна рука и лице Мулла-Нура выказывались изъ подъ снѣгу; остальное было погребено въ немъ. Смертная блѣдность лежала на лицѣ нашаго, глаза были закрыты, уста не зыблемы дыханіемъ. Съ неизъяснимою тоскою, съ торопливостью отчаянія, принялся Искендеръ отрывать его, тереть полою виски и серд-

це. Казалось, ни одного члена не было изломано, ни одной раны по тѣлу, только одежда такъ и сякъ была изорвана острыми каменьями. И наконецъ грудь Мулла-Нура отвѣтила вздохомъ на призванія жизни! Онъ открылъ тусклыя очи, онъ хотѣлъ говорить, но звуки замира[illegible], несвязанные въ слово. Искендер[illegible]комъ вынесъ его изъ ледяной пас[illegible] на чистомъ воздухѣ совершенно [illegible]Мулла-Нуръ. Со слезами на глаза[illegible]ъ руку великодушному врагу сво[illegible]ъ Бога тебѣ первому благодарность, [illegible]залъ онъ: тебѣ *одному* вѣчная признь моя! Не за свою жизнь благодарю я тебя, Искендеръ-бекъ, а за твою, которою ты жертвовалъ для моего спасенія. Люди обидѣли меня: я платилъ имъ съ лихвою. Спасибо тебѣ, я помирюсь хоть съ однимъ человѣкомъ. Много злыхъ качествъ дала мнѣ судьба, еще болѣе взвалили ихъ на меня враги мои; но и самые враги не скажутъ — Мулла-Нуръ неблагодаренъ. Послушай, Искендеръ-бекъ: бѣда ходить по всѣмъ головамъ безъ разбора; если она ступитъ и на твою, — мое сердце, моя рука, къ твоимъ услугамъ; а это сердце, эта рука, не дрогнутъ ни отъ чего въ свѣтѣ. Пусть Аллахъ будетъ по мнѣ свидѣтелемъ: я продамъ за зо-

лото, отдамъ желѣзу, свою голову, чтобы выкупить и выручить тебя изъ бѣды! Я сказалъ, я докажу это.

И оба медленно стали всходить на гору: Мулла-Нуръ хотя чувствовалъ себя разбитымъ, однако не согласился сѣсть на коня Искендерова. Онъ указалъ ему незамѣтную тропинку, которая скоро привела путниковъ къ утесу, служившему подворной башнею разбойниковъ. Закатъ уже осыпалъ послѣдними искрами грани Шахъ-дага, когда они достигли до площадки.

— Вотъ мой старшій братъ, сказалъ Мулла-Нуръ своимъ товарищамъ, любопытно столпившимся около пришельца. Ему почетъ, ему всѣ услуги ваши, при всякой встрѣчѣ. Кто поможетъ ему въ пустомъ или въ завѣтномъ дѣлѣ, тому я долженъ до смерти; кто сдѣлаетъ ему вредъ, тому я мститель какъ за кровь . . . того не схоронитъ отъ моего гнѣва ни могильная доска, ни волна морская! Вью клятву*, и пусть она сожжетъ ядомъ мою грудь если неисполню этого!

---

* Татары говорятъ, вмѣсто — присягаю, вью клятву, *анъ ъ игеримъ*. Извѣстно, что это выраженіе относится къ старинному, языческому обряду племенъ Монгольской плоской возвышенности, у которыхъ присягающіе выпускали другъ у друга нѣсколько капель крови и пили ее; при этомъ они еще надѣвали себѣ

И Мулла-Нуръ предложилъ гостю скромный ужинъ, за которымъ лилась веселость вмѣсто вина. Гюльшадъ скромно стояла всторонѣ, и хотя Искендеръ-бекъ узналъ уже, что она жена хозяина, однако жъ и не подумалъ просить ее сѣсть вмѣстѣ на коверъ, поужинать; въ каждомъ краю свои обычаи. Между-тѣмъ молодой мѣсяцъ всплылъ золотою рыбкою надъ голубымъ океаномъ неба, и плескалъ блѣднымъ свѣтомъ своимъ въ лице заснувшей красавицы земли, полуодѣтой сотканіемъ тѣней и тумановъ. О, какая тихая, прелестная ночь растекалась тогда по Дагистану! Тихая какъ чистая совѣсть; прелестная, какъ самая молодость, томящаяся въ таинственномъ огнѣ своихъ желаній, въ радужныхъ парахъ мечты своей! На востокѣ, передъ очами Искендера, море подобно хрустальной стѣнѣ возникало гранью небосклона съ золотой трещиною посерединѣ. Внизу, будто по дну моря видимаго сквозь прозрачную влагу, растилалась Кубинская долина и побережья Самбура, чуть чуть потопленныя зыбью тумановъ. Влѣвѣ тянулись, толпились, мерцали, чернѣли, зуб-

---

на голову, какъ утверждаетъ одинъ Персидскій писатель, юбку старой бабы, и произносили: Пусть сдѣлаюсь презрѣннѣе этой исподницы, ежели не сдержу моего обѣщанія!

чатые, волнистые, верхи Кара-сырта и Кюрпинскихъ, Табасаранскихъ, Кара-Кайтахскихъ горъ. Они были безмолвны и чудны, какъ сонныя грѣзы, облегшія ложе дива — Шагъ-дага, погруженнаго въ очарованный сонъ на снѣговыхъ подушкахъ своихъ. И тихо разливался ароматъ луговъ по охладѣвшимъ слоямъ горнаго воздуха, и усладою журчалъ невдалекѣ горный ключъ, летя падучею, но не гаснущей, звѣздою съ утеса; и все въ небѣ и на землѣ было очарованіе, повторенное зеркаломъ души, не только взора, слышное не только тимпану уха, но и сердца; очарованіе въ воздухѣ, въ камнѣ, въ тишинѣ ночи, въ сладкозвучной пѣснѣ природы. О, какое бы юное, любящее сердце не распустилось нѣгою какъ ночной цвѣтокъ подъ свѣжимъ дыханіемъ южной ночи, и не отдало ей своего благоуханія въ замѣну капель росы? За дружные совѣты Мулла-Нура Искендеръ отдарилъ полною откровенностью. Съ юношескимъ самовѣріемъ онъ разсказывалъ о любви своей, о своихъ надеждахъ и замыслахъ. О, если бъ я могъ птичкою перелетѣть черезъ мѣсяцъ впередъ, я бы привезъ мою Кичкеню на эту гору, я бы показалъ ей все, на что глядѣть мнѣ совѣстно одному, — такъ оно хорошо; я бы наслаждался ея восхищеніемъ, и, когда бъ у

пея изъ устъ вырвалось восклицаніе — Прекрасно! я бы сжалъ ее на груди и прошепталъ — Ты еще прекраснѣе! Посмотри, Мулла-Нуръ, какъ мило земля, озаренная мѣсяцемъ, засыпаетъ въ тысячѣ улыбокъ; но я вѣрю, милѣй человѣку засыпать подъ тысячею поцѣлуевъ. Счастливецъ ты: воленъ какъ вѣтеръ, какъ орелъ не знаешь путь, какъ ему тебѣ подругой орлица. Не дивлюсь я, а завидую судьбѣ твоей.

Въ краю, гдѣ война есть не что иное, какъ разбой, а торговля — воровство, разбойникъ въ общемъ мнѣніи гораздо почтеннѣе купца, потому что добыча перваго куплена удальствомъ, трудами и опасностями, а добыча втораго одной ловкостью въ обманѣ и въ обмѣнѣ. Рыцарство не умерло на Востокѣ, но восточный паладинъ, наѣздникъ, *читъ*, выѣзжаетъ погулять не для избавленія красавицъ отъ чародѣевъ, а для похищенія ихъ себѣ; не для возмездія притѣснителямъ, а для грабежа встрѣчнаго и поперечнаго. Очень часто кидается онъ въ опасность, очертя голову, безъ всякой надежды на выгоды, — изъ одной неодолимой охоты побуйствовать, истратить на комъ-нибудь избытокъ жизненной дѣятельности, — чтобы принести домой осколокъ отбитаго оружія или рану на тѣлѣ и потомъ

весело охать подъ мужомъ поздравительныхъ цѣсень сосѣдей. Разбойникъ самое занимательное лице Азіатскихъ сказокъ и поэмъ, неизбѣжное лице занятныхъ анекдотовъ, и, вообще, весь бытъ его такъ плотно вкрепленъ въ характеръ народа, его слава такъ заманчива, а неприступность горъ и покровительство жителей, даже хановъ, даетъ столько способовъ удачно и безнаказанно быть имъ, что разбои въ подвластномъ нашъ Закавказьѣ, не смотря на всѣ старанія правительства, очень нерѣдки. Непокорные горцы хищничаютъ, кралдываясь подъ личиною мирныхъ; мирные дѣлаютъ то же подъ именемъ непокорныхъ, — и развѣ сотый виновникъ попадаетъ въ руки правосудія. Не дивитесь же, мѣрия Азію Европейскимъ аршиномъ, что Мекендеръ-бекъ отъ глубины чувства позавидовалъ разбойнической жизни Мулла-Нура.

Но грустно качалъ головою Мулла-Нуръ, слушая неопытнаго юношу. — У всякаго есть своя звѣзда, возразилъ онъ: не завидуй мнѣ, не ходи по моему слѣду; опасно жить съ людьми, но и безъ нихъ скучно. Дружба ихъ — безумящій или усыпительный терьякъ*, зато и правда къ нимъ горьче полыни. Не охотой,

* Опіумъ, приготовленный шарниами съ душистою

а судьбой, выброшенъ я изъ ихъ круга, Ненендеръ! насъ дѣлить струя крови, и не въ моей силѣ перешагнуть за нее назадъ. Прекрасенъ вольный свѣтъ! но развѣ нельзя наслаждаться имъ не быть изгнанникомъ? Раздолье въ глуши человѣку, но пустыня всегда пустыня: ни какія думы не населять ея, ни какія чародѣйства не оборотятъ камней въ товарищей. Было время, я ненавидѣлъ людей; было время, я презиралъ ихъ: теперь устала душа отъ того и другаго. На одинъ годъ станетъ забавы для гордаго внушать своимъ именемъ страхъ и недовѣрчивость; но страхъ игрушка, подобная всѣмъ другимъ игрушкамъ: она скоро опостылѣетъ. Потомъ наступаетъ злая охота унижать людей, насмѣхаться надъ всѣмъ, чѣмъ они хвастаютъ, обнажая на-дѣлѣ ихъ гнусности, топча подъ ноги все, чѣмъ дорожатъ они болѣе души... Жалкая потѣха! Она забавляетъ на мигъ, а даетъ желчи на мѣсяцъ, потому что какъ ни дуренъ человѣкъ, а все-таки онъ братъ намъ. На концы концевъ, отрадно ли, подобясь коршуну, въ каждомъ живомъ существѣ видѣть только добычу, оставлять въ каждомъ встрѣчномъ новаго врага? при молитвѣ думать о проклятіяхъ, посылаемыхъ заочно на мою голову;

смолою. Употребленіе его не обще, но велико между Азіатцами.

засыпать и ждать измѣны самыхъ близкихъ; пугать собою, не довѣрять никому? . . . И посмотря кругомъ, Искендеръ: неизмѣримо широки угорья Дагистана, богаты они дарами своими; но въ цѣломъ свѣтѣ, не только здѣсь, нѣтъ деревца, которое бы покрыло меня своей тѣнью и сказало — сни спокойно, здѣсь не тронетъ тебя вражеская пуля, здѣсь тебя не выслѣдятъ какъ дикаго звѣря. Многолюдны ваши города, богачъ и бѣдникъ тѣснятся тамъ, но каждый имѣетъ свой уголъ, каждый укрытъ отъ непогодъ зимнихъ; а у меня бурка — единственная кровля, а мнѣ городъ не даетъ ни для дома покоя въ стѣнахъ своихъ, ни даже горсти земли на кладбищѣ закрыть погаснувшіе очи. Да, Искендеръ, да! печаль, какъ ханская жена, умѣетъ ходить по бархатнымъ коврамъ и, какъ серна, прядать на утесы. Ты видишь: я и въ пустынѣ не ушелъ отъ нея!

— Ты многое претерпѣлъ, Мулла-Нуръ? спросилъ Искендеръ-бекъ съ живымъ участіемъ.

— Не говори, не поминай объ этомъ! Когда поѣдешь мимо треснувшей скалы, не допытывайся, разбита ли она молніею или разорвана морозомъ, но проѣзжай скорѣй мимо: она можетъ рухнуть на твою голову. Въ са-

ду садятъ цвѣты, а не зарываютъ умершихъ: не хочу отравлять твоей юности повѣстями о моемъ прошломъ. Что было, — было: оно не стлѣетъ и не измѣнится. Что будетъ, — не минуетъ насъ: его не отведешь рукою, не отмолишь слезами. Добрый сонъ тебѣ и дай Аллахъ, чтобы никогда не приснилось никому во снѣ, что случилось со мной на яву! Завтра я укажу тебѣ самую краткую дорогу къ снѣгамъ Шагъ-дага на совершеніе твоего подвига. Прощай!

И онъ завернулся въ бурку. Прочіе давно спали.

Искендеръ долго думалъ о происшествіяхъ дня, о судьбѣ Мулла-Нура, и когда заснулъ, странныя мечты неразъ пробуждали его: то, ему казалось, выстрѣлъ взрываетъ грудь, то конь сорвался въ бездну, — и онъ летитъ бездыханенъ по острымъ кремнямъ сквозь мракъ и холодъ, — и нѣтъ конца паденью! Грѣзы наши отголосокъ настоящей жизни и прежняго хаоса. Крѣпкій сонъ — казовой конецъ смерти.

VII.

Тевеллярдань ель нимы, дерилярдань сельль нимы;
Баш летуев койміньъ; гюзь юхуя вермінбь.

Онъ мчался, какъ вѣтеръ, по хребтамъ, какъ водопадъ по ущеліямъ,
Не приклоняя головы на подушку, не продавая очей сну.

Изъ повѣсти.

Одна за одной облетали съ неба звѣздочки, какъ поблеклыя блестки съ темноголубой чадры ночи. Просвѣтлѣло небо какъ взоръ дѣвственницы, и вотъ закипѣлъ восточный край моря подобно заздравному кубку; солнце брызнуло лучами на горы, проснулись всѣ около Мулла-Нура, и отдавъ молитвою *селямъ* новому сыну вѣчности, весело принялись холить коней, чистить оружіе, готовить завтракъ.

— Товарищъ твой провелъ худую ночь, сказалъ смѣючись Мулла-Нуръ гостю своему. И

знаешь ли гдѣ? Въ пятидесяти шагахъ отсюда. Ты еще вчерась просилъ меня послать за нимъ въ поискъ, но я пустилъ это мимо ушей, не хотѣлъ безпокоить тебя вѣстью, какое наказаніе готовится хвастливому Юсуфу. Возьми его съ собой, и дѣлай что хочешь... А между-прочимъ, эй, молодцы, снесите-ка поѣсть нашему плѣннику! Я знаю, что для него, какъ для янычара, котелъ святыня*. Накормите, и скажите, что Мулла-Нуръ не хочетъ голоднымъ отправлять его въ безконечное путешествіе, пусть онъ ѣстъ плотнѣе, чтобы могъ дождаться второй трубы ангела Страшнаго суда**.

Тутъ Мулла-Нуръ разсказалъ Искендеру, какъ жена его перепугала Юсуфа, и какъ, въ возмездіе его лести и трусости, онъ послалъ его связаннаго ждать до утра казни. Искендеръ-бекъ хохоталъ до слезъ. Когда новые друзья позавтракали, Мулла-Нуръ прижалъ руку гостя къ сердцу и потомъ къ челу. Ты у меня здѣсь, и здѣсь, сказалъ онъ: я не от-

---

* Въ каждой *одѣ* (ротѣ) янычаръ, котелъ замѣнялъ знамя. Ода, потерявшая въ бою котелъ, разбивалась по другимъ. Обращеніе котловъ вверхъ-дномъ всегда бывало у нихъ знакомъ мятежа.

** Между первымъ и вторымъ звукомъ трубы ангела смерти, протечетъ сорокъ лѣтъ. — Алкоранъ.

веду отъ тебя глаза, не отниму руки. Теперь ты знаешь дорогу къ верху и къ подошвѣ горы: спѣши быть полезнымъ для своихъ земляковъ! Я ѣду въ другую сторону и на иное дѣло: кто поборетъ судьбу! Она бросаетъ одного въ свѣтъ абазомъ, другаго пулею: моего свинца не перечеканить въ монету. Прощай другъ, помни Мулла Нура!

Вереницей дикихъ голубей, обгоняя другъ друга, понеслась шайка разбойниковъ къ Тенгизскому ущелью. Скала опустѣла. Искендеръ-бекъ, сѣлъ въ поводу коня до пещерки, въ которой напередъ указали ему Юсуфа, лежащаго ницъ съ завязанными руками и глазами.

— Встань и приготовься умереть! произнесъ Искендеръ густымъ басомъ: ему захотѣлось продлить комедію, начатую Мулла-Нуромъ. Гаджи Юсуфъ, трепетный какъ тополевый листъ, поднялся сперва на четвереньки, а потомъ на колѣни: ничего въ мірѣ нельзя было выдумать уморительнѣе его тогдашней образины. Вся краска его лица взобралась на кончикъ носа, какъ будто спасаясь въ самомъ неприступномъ мѣстѣ. Огромные усы, висящіе, словно крылья огромнаго носа, были растрепаны и перепачканы глиною; бритая, но не выбритая, борода, просѣдая въ отчаянномъ безпорядкѣ по впалымъ щекамъ, еще

болѣе обличала ихъ блѣдность. И весь онъ былъ разстегнутъ и распоясанъ, будто на карантинный осмотръ. И онъ умильно протягивалъ къ небу, у жилей связанныя лапки свои; и такъ жалобно упрашивалъ пожиловать себя, что надо было опоясаться тройнымъ поясомъ: простой бы лопнулъ отъ смѣха.

— Ангелъ Авраамъ! восклицалъ онъ; пощади мою голову; она еще не созрѣла для смерти. И чѣмъ я обидѣлъ тебя? въ чемъ я виноватъ передъ тобою?

— Не моя воля, приказъ Мулла-Нура казнить тебя. Онъ говоритъ: этотъ недовѣрокъ Гаджи-Юсуфъ какъ свирѣпый тигръ дрался съ моимъ другомъ, Кази-Магамма*, и я долженъ отмстить кровь многихъ товарищей, зарѣзанныхъ имъ во время вылазокъ изъ Дербенда!

— Кто? я дрался съ воинами Кази-Муллы? Я? Остраплю гробы отцовъ и дѣдовъ того, кто наговорилъ на меня такія небылицы! Я зарѣзалъ многихъ Левгинъ на вылазкѣ, я? Аллахъ, Аллахъ! чего не выдумаютъ клеветники! Нѣтъ, *ужаннымъ*, *курбаннымъ*, не такой я человѣкъ, чтобы сталъ воевать противъ правовѣрныхъ. Бывало, во время осады, юзъ-баши

* Такъ зовутъ горцы славнаго мятежника Даги-

кличетъ — На стѣну, на стѣну! а я шмыгъ на базаръ. Мнѣ очередь въ караулъ*, а я себѣ хранлю всю ночь напролетъ во славу пророка. Изъ ружья, правду сказать, согрѣшилъ раза три, да и то когда непріятели были вересть за пять; а сабли не вынималъ, *валла-вель-азимъ, биллявиль-керимъ*, не вынималъ! Отвѣдай самъ, можно ли ее вынуть: она еще при отцѣ моемъ срослась съ ножнами, и я соглашусь охотно, чтобъ ею отрубили мнѣ голову . . . долголѣтенъ я буду на земли! Да за зачто сталъ бы я драться съ Кази-Муллою? Прекрасный онъ былъ человѣкъ; святой онъ былъ человѣкъ. Не руби онъ головъ за трубки да за чарки, я бы самъ присталъ къ нему!

— Еще говоритъ Мулла-Нуръ: Онъ такой отчаянный *шаги*, что съ нашимъ братомъ сунитомъ изъ одного ковша воды пить не станетъ! А Мулла-Нуръ поклялся истреблять всѣхъ, которые въ молитвахъ своихъ поминаютъ Али, въ упрекъ Омару!

— Ощиплю я бороду этому Али, ему да и двѣнадцати халифамъ, которыхъ муллы наши

* Въ утѣшеніе господъ посылаемыхъ въ караулъ безъ очереди, я честь имѣю доложить, что въ словѣ *караулъ* нѣтъ ничего христіанскаго. Оно Татарское по родословной книгѣ, и записано въ статьѣ о выходцахъ изъ орды.

зорутъ шиитами, угодниками Аллаха. Что они мнѣ? Пхе! вздоръ; пыль, *пусть-заль!* Какой я шаги? Съ какого конца я шаги. Молюсь я только тогда, какъ нѣкуда дѣваться; затыкаю уши, развѣ для того чтобъ не слышать имени Аліи*, а въ усъ себѣ никогда не дую: чортъ меня унеси, не дую! Да и рукъ не опускаю по швахъ, а, будто поправляя кушакъ, то и дѣло складываю ихъ по вашему по-суннитски. Воды не пью; не хочу льгать ни съ кѣмъ не пью; у меня природная болѣзнь—водобоязнь. Зато поднеси мнѣ водки не только вашъ братъ горецъ, а просто солдатскій поросенокъ, — посмотрѣлъ бы ты, кто кого перепьетъ! Спроси объ этомъ у нашего Фергать-бека: онъ у насъ почетный человѣкъ, достовѣрный человѣкъ, да и питухъ такой, что между Русскими поискать ему равнаго, — а вѣрно сознается, что я его при всякой попойкѣ спать укладываю. *Валлахъ, биллахъ*, я не шаги! Я сунни: снутри и снаружи. Развѣ люди — эти шаги! Пхе! Утоплю я въ Армянскомъ *бурдю-*

---

* Надо сказать, шииты, шаги, имѣютъ кучу вздорныхъ обрядовъ при молитвахъ. Здѣшніе сунниты ихъ отвергаютъ. Между-прочимъ шииты вначалѣ моленія вкладываютъ большіе пальцы въ уши, и дуютъ на стороны. Руки они кладутъ на колѣни; напротивъ, здѣшніе сунниты складываютъ ихъ подъ грудью.

[illegible], въ мѣхѣ съ виномъ, души этихъ недовѣрчивыхъ шаги!

— А главная вина, за что велѣлъ убить тебя Мулла-Нуръ, — твоя дружба съ Искендеръ-бекомъ, его заклятымъ врагомъ. Еще вздумалъ этотъ Гаджи-Юсуфъ, говоритъ онъ, провожать на Шагъ-дагъ, въ мое владѣніе, безъ спросу, для какого-то шагійскаго колдовства, этого мальчишку Искендера! Обрадовался невидальщинѣ: по всему свѣту трубить, что онъ товарищъ самому чистому, самому благонравному, самому достойному юношѣ изъ всего Дербенда! Плачь, Юсуфъ! голова твоего пріятеля слетѣла уже прежде твоей.

— Слетѣла? Туда и дорога. . . Голова была самая лишняя вещь у этого трусишки. А кому спасибо за то, что онъ попался въ руки Муллы-Нура? Развѣ не мнѣ, скажи: развѣ не мнѣ? Я нарочно привелъ его въ западню! Другъ? Откуда это извѣстіе? Нашли вы мнѣ прекраснаго дружка, нѣчего сказать! Продамъ я его за пол-пряника, да еще пряникъ дамъ придачи! И кто это, признайтесь пожалуйста, выдумалъ, будто Искендеръ — самый благонравный у насъ юноша? Прикусить бы калеными щипцами языкъ у такого враля. Искендеръ — такой гуляка, что Аллахъ упаси! Кто первый поздравляетъ новое вино въ Армянской

слободнѣ? . . . . Искендеръ-бекъ! Кто у Русскихъ офицеровъ ѣстъ да похваливаетъ богопротивную свинину? Опять Искендеръ-бекъ! Кто выплевываетъ Лезгинку на чьей хочешь бурнѣ, не говорю ужъ на коврѣ; кто спитъ въ саду на бубнѣ вмѣсто изголовья? Все таки Искендеръ-бекъ! У насъ развѣ лѣнивый не цѣлуетъ Искендера, а вы зовете его чистымъ юношею! Сожгу я бороду его матери!

— Ахъ, ты, ягупъ, собачья голова! мало тебѣ чернить Искендера, такъ ты принялся и за мать его? Да ужъ хоть безъ обмолвокъ бы бранилъ ты, кого хочешь безъ совѣсти разбранить: а то нѣтъ въ твоихъ росказняхъ ни складу ни ладу. Ну, развѣ могла быть у Искендеровой матери борода?

— Ей Богу, была бъ длиннѣе Фетхъ-Али-Шаховой *, если бъ она ея не брила. Сколько бритвъ перезубрила у меня покойница, это извѣстно только моему брусу, больше никому: я не люблю хвастать добрыми дѣлами. Нѣтъ, не срамите, не вините вы меня дружбою къ Искендеру; отрекаюсь я отъ него, отъ его рода и племени. Какъ можетъ онъ быть добрымъ человѣкомъ, когда отецъ его былъ грабитель, мать глупа, а дядя сапожникъ!

* Борода Фетхъ-Али-Шаха, недавно умершаго, славилась по всей Персіи; она доставала у него до пояса.

— Усталъ я слушать тебя, безстыдный ираль. Протягивай голову: кинжалъ готовъ!

— Ахъ, пощади меня, раба твоего, твою вѣрную собаку! По-крайней-мѣрѣ дай мнѣ посмотрѣть на смерть свою.

— Смотри на свой позоръ! произнесъ Искендеръ и сдернулъ съ глазъ повязку.

Весельчакъ былъ этотъ Юсуфъ, а умирать не любилъ: можете же вообразить его изумленіе, когда, вмѣсто палача, онъ увидѣлъ передъ собой смѣющееся лице Искендеръ-бека; когда, вмѣсто свиста кинжала, онъ услыхалъ только упреки его.

— Что ты смотришь на меня, будто на моемъ лбу хочешь прочесть сотое имя Аллаха*, ты, кабанъ начиненный небылицами, бурдюкъ лжи, грязный перекрестокъ грѣховъ, базарная лавка всѣхъ глупостей? Повтори-ка, смѣй повторить, проклятый отступникъ вѣры, мнѣ въ глаза, что отецъ мой былъ грабитель, дядя шилъ сапоги, а самъ я пляшу на буркѣ и на бубнѣ сплю!

---

* Девяносто девять прозвищъ Аллаха передалъ Магометъ правовѣрнымъ, но сотаго невозможно узнать человѣку въ этой жизни: оно извѣстно только духамъ небожителямъ. Исканіе этого сотаго имени — философскій камень для мусульманъ.

Что жъ вы думаете: Юсуфъ сгорѣлъ со стыда, смутился, замѣшался? Худо же вы знаете Татаръ вообще и Гаджи-Юсуфа въ особенности! Напротивъ, онъ хохоталъ, обнимая Искендера.

— Ай-да я! говорилъ онъ: успѣлъ таки разсердить моего Искендера: умѣлъ отплатить насмѣшкой за насмѣшку. Что, брать, обжегся? Впередъ не ѣшь чужой грязи; не наскакивай на терновый кустъ. Ставилъ силокъ на сокола, да и поймалъ ворону! Нашелъ простака надувать своими затѣями! Да я узналъ тебя по голосу съ перваго слова: я различу твой голосъ, если бъ ты даже вздумалъ лаять или мяукать промежъ тысячи кошекъ и собакъ!

— Ахъ, ты, ртуть бѣгучая! въ тебя и въ ступѣ пестомъ не попадешь. Ну, пускай ты узналъ меня, пускай я повѣрю, что ты успѣлъ меня одурачить: да съ чего же ты, беззаконный трусъ, отдалъ свое оружіе женѣ Мулла-Нура? какъ допустилъ раздѣть себя безсильной женщинѣ?

— Не хочешь ли ты, чтобъ я застегивался на всѣ пуговки передъ красавицами? Чье же дѣло раздѣвать молодца какъ не женское?..... А, что, развѣ не правду я говорю? Мудрено очень, что я растаялъ, завидѣвши такую милочку; что я отдалъ ей все, начиная съ чухи

до сердца!..... Посмотрѣлъ бы я, что бы ты сдѣлалъ, встрѣтясь съ ней, *віозъ-бы-віозъ оланьда*, глазъ на глазъ? Вѣдь ходитъ она — галуны мѣряетъ, говоритъ — червонцами даритъ. Два глаза и носикъ ея точно буквы *джимъ*, *алифъ* и *нунъ*, рядкомъ поставленныя съ двумя точками внутри * Ротикъ такъ малъ какъ скважина жемчужины, а поясъ могъ бы служить мнѣ вмѣсто перстня.

— Особенно если бъ руки твои были одного размѣра съ твоимъ носомъ! Ну, долыгай, Юсуфъ, поскорѣе; мнѣ право пѣкогда..... Такъ ты изъ любви далъ связать себѣ руки?

— Душа ты моя, Искендеръ, что жъ мнѣ дѣлать, что у меня такое мягкое сердце! Не то ремнемъ, волоскомъ привяжи она меня, такъ я пошелъ бы за ней на край свѣта. Да какъ присталъ къ ней мужской нарядъ! У самаго падишаха, я чай, нѣтъ такихъ нукеровъ!

— Ну, ну, надѣвай, добро, свое оружіе! Мулла-Нуръ велѣлъ его выбросить, чтобъ оно не

---

* Есть куплетъ на старинномъ Турецкомъ языкѣ, въ которомъ эта мысль развита съ поэтическими подробностями. Азіатцы находятъ ее злодѣйски остроумною. Для уразумѣнія этой Восточной красоты, вотъ начертаніе трехъ-буквеннаго лица Гюль-шады: Ж. Я увѣренъ, что ни одинъ Европейскій умъ не подозрѣвалъ столько прелестей въ лаконическомъ *живете*.

заразило трусостью оружія его товарищей. Я увѣренъ, что ты покрайней-мѣрѣ при мнѣ не станешь разсказывать про свой почлегъ въ этой пещеркѣ. Въ утѣшеніе тебѣ однако жъ скажу, что встрѣча съ нами была приготовлена впередъ. Насъ предалъ Зеафурецъ, у котораго мы завтракали; онъ извѣстилъ Мулла-Нура и налилъ воды въ ружья наши. Мулла-Нуръ схватился было со мною, да оборвался въ ущеліе.

— А что, уѣхалъ онъ?

— Теперь ужъ далеко.

— Оборвался? А вѣдь чортъ не сломилъ ему шеи! Зачѣмъ не провалился онъ сквозь землю! Наплюю я когда-нибудь въ дуло этого разбойника, заставлю ходить ипоходью. Не будь у меня мокры заряды, я бы и вчерась далъ ему знать, изъ какихъ буквъ слово *харабъ*, гибель, складывается.

— Если ты будешь его бить по-вчерашнему, похвальными рѣчами, такъ онъ скорѣе умретъ отъ смѣху, а ты съ испугу, чѣмъ отъ твоихъ ударовъ.

— Съ испугу? Я умру съ испугу! Да есть ли что въ цѣломъ свѣтѣ, чего бы испугался я? *Валлахъ биллахъ таллахъ*, я развѣ самого себя испугаюсь!

И между-тѣмъ оба бека взбирались по ука-

занной Мулла-Нуромъ тропинкѣ. Ни какой глазъ не отличилъ бы ея снизу, ни какое воображеніе не создало бы возможности взобраться на столь крутую скалу, но опытъ оказывалъ противное: колѣнчатые, незамѣтные уступцы выводили резвя до самаго вѣнца.

Такъ многое считаютъ неприступнымъ, недостижимымъ; но, когда необходимость или крѣпкая воля увлекаетъ насъ — мы находимъ, что невозможное есть только трудное, только опасное. — Хочу — половина: могу.

Достигши вблизь снѣговъ Шах-Дага, Искендеръ-бекъ отдалъ держать своего коня Гаджи-Юсуфу, а самъ съ мѣднымъ кувшиномъ, *барчакъ* полѣзъ на кругь. Солнечные лучи, протаявъ верхній слой снѣга, образовали почти ледяную кору. На ладонь ниже подъ рыхлымъ снѣгомъ лежала такая же кора; глубже — еще, и еще, въ подобномъ порядкѣ, такъ, что промывающійся подъ ногами путника слоистый пастъ, очень затруднялъ подъемъ. Ослѣпительное отраженіе солнца, пылавшаго по всей красѣ, кружило голову Искендера. Передъ очами его, по снѣгу, вспыхивали алые пятна, и тысячи радугъ пересѣкались на каждомъ шагу. Къ счастію, хребетъ Шагъ-дага не сахарной головой, а крутымъ порогомъ, проникаетъ въ область холода, и снѣжная черта

его, во время лѣта, не глубоко вьется отъ вершины. Задыхаясь отъ усталости, палъ наконецъ Искендеръ на снѣгъ, не топтанный отъ вѣка ни кѣмъ, кромѣ ангеловъ; но онъ палъ на самомъ темени.

Слишкомъ чистъ, нестерпимо чистъ для человѣка воздухъ неба; ослѣпительно ярокъ лучъ солнца. Сыну земли необходимы испаренья земли для дыханія. Ему нужно раздробить или переломить свѣтъ, чтобы онъ могъ наслаждаться имъ. Онъ ничего не можетъ пить изъ родника, даже самой истины; родникъ поражаетъ его холодомъ или пламенемъ невыносимымъ. Такъ и бей Искендеръ изнемогъ на вершинѣ Шагъ-дага: грудь его расторгалась отъ рѣдкости воздуха, очи залиты были волнами свѣта. Но если небо замкнуто было для взоровъ его лучезарнымъ замкомъ солнца, земля раскрывалась внизу тѣмъ прекраснѣе. Зрѣніе, зажаженное въ сѣть оптики, не знало куда обратиться и что покинуть. Прямо передъ нимъ, на сѣверъ, гряда за грядой вставали хребты, идущіе отъ моря до Аваріи, дающіе ложа рѣкамъ Самбуру, Гюльгери, Дарбасу и другимъ меньшимъ *. Они смыкались между

* *Чай* на Турецкомъ языкѣ значитъ — рѣка, и потому смѣшно писать рѣка Арпа-Чай, рѣка Гюльгери-

собою множествомъ вѣтвей, и, пробивъ параллельною морю каменною волной Кара-Кайтахъ, полиналась хребтомъ Салатафа въ синюю даль. Блѣдѣ, яблони, изумрудные холмы ханства Кюринскаго роскошно купали въ воздухѣ кудри своихъ плодоныхъ лѣсовъ, то набрасывая на онѣненные скалами волны флотъ деревень, то почти поглащая его въ глубину зелени. Далѣе между хребтовъ, тамъ и сямъ убѣленныхъ снѣгами, черною полосой тянулись ущелія ханства Казикумыкъ, осажденные враждебными крутизнами вольныхъ обществъ Алты-пара, Докусъ-пара, Ахти, Сирґили, Акуши, Табасарани, и наконецъ замурованныя въ облачномъ отдаленіи скалистымъ берегомъ Кой-су, подъ прямымъ угломъ, кидающимся съ запада на сѣверъ. А тамъ горы султановъ Ели-су, рядомъ съ горами Джарскими, крѣпостью свирѣпыхъ Глуходаровъ. А тамъ-Шекинская и Шамахинская области, тонущія во мракѣ горъ Карабагскихъ. И все это смѣшеніе свѣта и тѣней, зелени и бурыны камня, переливающихся дивными узорами и кой-гдѣ затканныхъ золотой ниткою водъ, волновалось передъ очами, какъ покрывало накинутое рукою Аллаха

Чай. Это такой же плеоназмъ какъ — понтонный мостъ, и тому подобное.

на тайны земли. На востокѣ, будто стальной, поворошенный щитъ, окованный горизонтомъ, сверкало море подъ огневой насѣчкою лучей. И все было тихо, безмолвно кругомъ; съ высоты снѣговъ не было видно никого, ничего не слышно: туда не долеталъ обонятельный лепетъ жизни! И вотъ міръ заснулъ въ груди Искендеровой, — міръ, который носитъ человѣкъ съ собой неотлучно, и въ пустыню дикую, и въ святыню молитвы. Привлеченный на темя этой горы своекорыстнымъ желаніемъ овладѣть любимою женщиною, онъ почувствовалъ, проникнутый благостью небеснаго воздуха, какъ недостойны были народнаго довѣрія его замыслы. Несчастія бѣдняками отъ засухи обступили, стѣснили въ немъ сердце. Сомнѣніе, которое мелькало въ немъ порой къ щедротѣ Божеской, перешло въ сомнѣніе къ самому себѣ. Въ чистомъ сосудѣ недобаетъ зажигать Аллаху куреніе молитвы за братій, а я? . . . . . Онъ палъ на колѣни, и съ примирительными слезами раскаянія молился за себя, съ слезами умиленія за Дагистанъ. Наконецъ, безотчетное, темное, чувство вѣры умастило его душу. Онъ набралъ снѣгу въ кувшинъ, обвязалъ его чистымъ полотномъ, и съ набожною осторожностью сталъ спускаться долу. Обратная дорога была гораздо труднѣе восхода:

стопы скользили по насту, крутизна увлекала. Но даже скатываясь нѣсколько разъ, Искендеръ сохранилъ въ своихъ объятіяхъ не коснувшійся почвы сосудъ надежды, долженствующій увлажить жадныя поля. Такъ покрайней-мѣрѣ думалось суевѣрнымъ Дербендцамъ, такъ вѣрилъ самъ Искендеръ. Соединившись съ Юсуфомъ, онъ не отвѣчалъ шутками на шутки его и дурачества: онъ уже былъ исполненъ важныхъ думъ, и благоговѣніе къ своему подвигу, проницая наружу, давало его осанкѣ какое-то гордое благородство. Гаджи-Юсуфъ не могъ надивиться такой перемѣнѣ.

— Ужъ не наѣлся ли онъ тамъ солнца, говорилъ проказникъ бей самъ съ собою, что боится выпустить его изъ-за зубовъ вмѣстѣ съ рѣчами! Или не сыгралъ ли въ шахматы съ ангелами, что такъ загордился! Да посѣю я въ его бороду соль, пусть только она выростетъ! Какое мнѣ дѣло, что онъ сталъ угрюмъ какъ голодный кади въ постъ: какая въ этомъ убыль мнѣ? Вѣдь если онъ и приморозилъ себѣ языкъ, такъ ушей вѣрно не отморозилъ. Я все таки буду говорить: посмотрѣлъ бы я какъ онъ запретитъ мнѣ говорить, а себѣ слушать!

Въ Юсуфѣ тоже, видно, произошло что-то необыкновенное: онъ сдержалъ свое слово.

Какъ ни спѣшили наши всадники, но была глубокая ночь, когда они домчались до запертыхъ воротъ Дербенда. Сильно билось сердце Пекендера: если бъ насадить его на бревно тарана, оно бы само пробило стѣну. Страхъ, сомнѣніе, надежда, то вздували, то стискивали его. Повѣсивъ роковой кувшинъ на дерево, Пекендеръ съ тоскою смотрѣлъ то на черную стѣну, грозно и таинственно сомкнутую надо всѣмъ, что ему мило, то на мрачное небо: онъ отъ всѣхъ предметовъ пыталъ отвѣта — будетъ ли, не будетъ ли удачи? Онъ съ отрадою увидалъ наконецъ, что легкіе облачка неслись по небу, и подобно стаду дикихъ коней прядали черезъ огонь мѣсяца.

— Видишь ли? сказалъ онъ, толкнувъ засыпающаго Юсуфа: взгляни на его рога!

— Чего глядѣть, бормоталъ тотъ въ просонкахъ: рѣзать его да жарить, возьми мой шомполъ, и стряпай скорѣе *шашлыкъ*.

— Я говорю тебѣ про мѣсяцъ, Юсуфъ!

— А я думалъ, про барана!..... Страхъ ѣсть хочется. Мѣсяцъ? Какой, чортъ, мѣсяцъ! Я, кажется, круглый годъ не проглотилъ зернышка.

— У тебя только ѣда на умѣ, долгоносый анстъ: а не бойсь не порадуешься со мною что по небу ходятъ облака!

— А ты, каменное сердце, небойсь, не погрустишь со мною, что по брюху у меня ходить муравьи! Облака? Вишь, нашелъ невидаль! кушай себѣ ихъ на здоровье, ты вѣдь съ неба воротился. Я бы гораздо больше былъ радъ, если бъ по небу летали жареные фазаны. Не мѣшай мнѣ, пожалуйста, хоть во снѣ обѣдъ увидать!

— Постой, постой, Гаджи-Юсуфъ. Не чувствуешь ли ты въ землѣ сырости?

— Я только чувствую засуху въ желудкѣ. Такую засуху, что тамъ, чай, паукъ сѣти раскинулъ. *Юхунъ яхшы олсунъ!* да будетъ сладокъ твой сонъ!

И онъ вѣвнулъ; и онъ заснулъ.

Ранымъ-рано вѣсть о счастливомъ прибытіи купчина съ священною водою изъ Шахъ-дагскаго снѣгу, электрическою искрою промчалась по сердцамъ въ Дербендѣ. Все что могло, не только говорить, лепетать, замурмѣло. Все что могло ползать, если не ходить, задвигалось. На дворѣ мечети ужасная была давка, суматоха неописанная, ожиданіе хода томило всѣхъ. И вотъ, послѣ моленія въ мечети, всѣ муллы и почетные жители города, съ знаменами, исписанными текстомъ Корана, потянулись, въ головѣ безчисленной толпы народа, къ морю. Искендеръ скромно несъ

кувшинъ; зато Гаджи-Юсуфъ, выбритый заново, въ новой чухѣ, расправляя свои усы за ухо, и закидывая за плеча рукава, къ великому соблазну людей степенныхъ, выступалъ преважно съ нимъ рядомъ и хозяйничалъ будто на своихъ похоронахъ. То семенилъ онъ впереди шествія, то роняла толпы мальчишекъ, то забравшись въ середину зѣвакъ разглагольствовалъ про чудеса, встрѣченныя имъ на Шагъ-дагѣ. Одинъ говорилъ — онъ такъ близко былъ къ небу, что слышалъ какъ чихаютъ хуріи. Другихъ увѣрялъ, что привезъ съ собой уши Мулла-Нура. Пуще всего, по его словамъ, претерпѣли они отъ медвѣдей и змѣй. Шкуру съ самаго большаго убитаго имъ въ рукопашномъ бою, хотѣлъ онъ привезти домой, да разбойникъ конь никакъ не посмѣлъ запрячься его тащить. А изъ змѣй на Шагъ-дагѣ въ одномъ мѣстѣ сплелась рогожка, такъ что они принуждены были мостить изъ камней мостъ черезъ эту змѣиную полосу. Онъ перестаетъ врать только за недостаткомъ слушателей, потому что всѣ бросились смотрѣть, какъ будутъ выливать воду въ море.

Съ самаго утра дулъ горный вѣтеръ: небо подернуто было туманною пеленою, но дождевыхъ облаковъ не видѣлось ни гдѣ. Когда послѣ

долгой, слезной молитвы, главный мулла готовился опрокинуть роковой сосудъ въ волны Каспія, Искендеръ-бекъ съ примѣтнымъ волненіемъ сказалъ Миръ-Гаджи-Фетхали: — Ага, вспомни свое обѣщаніе! — Вспомни свое условіе, отвѣчалъ тотъ съ насмѣшливою улыбкою. Судьба твоя не въ кувшинѣ этомъ, а въ дождевой тучѣ. Ты угоденъ мнѣ, если угоденъ Аллаху!

И, говорятъ, прыснуло море о камни, когда благословенная вода пролилась въ его лоно. Прыснуло, и зашумѣло глухо. И черныя тучи покатились съ горъ Табасаранскихъ какъ будто въ раздумьѣ налегли на край Дербендскаго угорія; но вдругъ широко взмахнувъ крылами, быстро помчались врозь по небу, словно спугнутыя съ утеса выстрѣломъ бури. Грянулъ далекій громъ, горное эхо проснулось изъ мертваго сна, окрестность загудѣла подъ вихремъ. Листья весело отряхали съ себя пыль; мусульманки со смѣхомъ выказывали свои личики на совѣсть вѣтра, срывающаго долой ихъ покрывала; всѣ руки, всѣ очи, поднялись на встрѣчу дождя, столь искренно молимаго, столь давно ожидаемаго и дождь проливной зашумѣлъ, напоя обычными струями исчахнувшую землю, освѣжая раскаленный зноемъ воздухъ. Не возможно описать, ни оживописать

родостной толпы въ тотъ торжественный миг. Шапки летѣли въ воздухъ и воду! Восклицаніямъ и молитвамъ не было конца! Всѣ обнимали, всѣ поздравляли другъ друга; всѣхъ однако жъ болѣе былъ радъ Искендеръ-бекъ: ему упала съ дождемъ премиленькая невѣста.

Предоставляю судить господамъ философамъ и естествоиспытателямъ, явилась ли въ этомъ призванномъ дождѣ счастливая игра случая, или колдовство. Я просто разсказываю дѣло, которому былъ очевидцемъ.

VIII.

Гечме намердъ тюрпистиданъ: кой апарсынъ гай аны!
Ятма тюлкю далдасында: кой джирсынъ асланъ аны!

Не ходи черезъ мостъ лукавца: пусть лучше быстрина унесетъ;
Не ложись въ тѣнь лисицы*: пусть лучше левъ растерзаетъ!

Стихъ-пословица.

Что за юность безъ любви, что за любовь безъ юности? Ярко свѣтитъ свѣча въ чистомъ воздухѣ: а какой воздухъ чище весенняго? И не грѣть огню безъ воздуха, не прожить юному сердцу безъ страсти, гдѣ бы то ни было. Правда, высоки стѣны дворовъ мусульманскихъ, крѣпки затворы: но вѣтеръ проницаетъ и туда. Глубоко лежатъ сердца ихъ красавицъ, замкнутыя за тридесять предразсудковъ, закованныя въ тысячу приличій, но любовь какъ воздухъ

* То есть, не ищи покровительства хитреца.

находить и къ нимъ дорогу. Кичкине ужъ любила, не имѣя самой себѣ въ томъ признаться. Искендеръ-бекъ сталъ любимою ея мечтой въ день, пріятнѣйшимъ сновидѣніемъ ночи. Вышивая золотомъ сафьянный наперстникъ или подсокольную перчатку для своего незнаемаго будущаго, она думала: что, если бъ это было для Искендера — *кара-гюз-бара*, черноглазаго! Какова жъ была ея радость, когда суровый дядя съ досадою, но рѣшительно, объявилъ ей, что она невѣста Искендеръ-бека! Вспыхнули ея щеки, затрепеталось ея сердце словно голубь, пущенный на волю. И такъ, сбылись ея тайныя желанія! ея безъимянныя надежды облеклись въ законное имя! Теперь ужъ она гордо можетъ принимать цвѣты и поздравленія отъ своихъ подружекъ, и, сидя съ ними за шитьемъ приданаго, хохотать и толковать о своемъ будущемъ мужѣ сколько душѣ угодно. Теперь ужъ никто не запретитъ ей примѣрять хоть сто разъ въ день свадебное платье и повторять обычныя продѣлки перваго свиданія, золотить воображеніемъ то, что знакомо ей въ быту супружескомъ, и множить на милліоны наслажденій все что не извѣстно. Ну, право, если есть счастливцы на землѣ, такъ это женихи и невѣсты. Что пос-

довой мѣсяцъ, какъ и всѣ его братцы, родится съ рожками и пророчески обмывается въ непогодѣ. Притомъ, или нынѣшнія пчелы разучились дѣлать медъ, или вкусъ нашъ испорченъ сахаромъ, только я знаю многихъ новобрачныхъ, которые увѣряютъ, что медовое варенье, даже розовое, приторно. Иное дѣло — пора между помолвкой и свадьбою: это приходъ голоднаго въ столовую! пышный обѣдъ развивается передъ нимъ, уже не въ далекѣ, а на хвать руки. Вкусъ его наощренъ аппетитомъ, взоръ и обоняніе ласкаютъ и манятъ плоды, перевитые цвѣтами, блюда, жарко дымящіе благоуханнымъ паромъ. Слухъ обольщаетъ привѣтнымъ бряцаніемъ рюмки о рюмку, или паденіемъ серебряной вилки на фарфоръ. Каждое мгновеніе множитъ его нетерпѣливость, зато близитъ къ вѣрному наслажденію. Онъ грызетъ пустоту, онъ глотаетъ воздухъ, зато чародѣй воображеніе обращаетъ ему каждаго пѣтуха въ золотаго фазана, предсказываетъ шамбертенъ подъ каждою длинною пробкою, увѣряетъ, что онъ можетъ съѣсть полміра и запить его полокеаномъ. И какъ милыми, какъ остроумными, кажутся люди женихамъ передъ свадьбою и гастрономамъ въ виду обѣда. Не скажу, чтобъ они казались также милыми и остроумными людямъ, но все-

ая пресчастливое состояніе жениха, и, если
ъ обѣихъ нашихъ столицахъ увидите вы кучу
невѣстъ и жениховъ вѣчнаго цѣха, это явный
ризнакъ утонченности нравовъ: они вытяги-
ают въ канитель эстетическое наслажденіе
между похоронкой и размолвкой; они каплей
о каплѣ пьютъ амброзію, которой полный глo-
окъ отяготилъ бы всякой благовоспитанный
елудокъ. Но, передъ всѣми частными и все-
нѣтными женихами, тебѣ пальма, достослав-
ный Л.! Только ты вполнѣ постигъ сладость
редбрачнаго состоянія, которому посвятилъ
ри четверти жизни. Скажи, какая красавица
ъ Петербургѣ не была твоей невѣстою? ука-
и хоть одну звѣзду бульвара, которая бы не
читала тебя женихомъ? Мнѣ сказывали за ди-
о, будто и тебя попуталъ Гименей. Тебѣ же
уже, если — *да!* Ты самъ узнаешь зѣвоту,
оторую безданно доселѣ внушалъ.

Мусульманину вовсе не слѣдовало бы чере-
уръ радоваться женитьбѣ, потому что онъ,
о закону, можетъ играть вдругъ четыре, не
ключая въ то число утѣшительной перспекти-
ы замѣщенія послѣ развода; потому что онъ
аждый уголъ своего дома украсить можетъ
ивою статуйкою, купивъ ее точно такъ же,
акъ покупаемъ мы у посѣчаго алебастровыхъ
іанъ и Психей. Но Искендеръ-бекъ вѣро-

ятно зналъ, а быть можетъ предчувствовалъ, что рѣдкій мусульманинъ дочитываетъ и первый томъ четырехъ-томнаго романа брака, и потому спѣшилъ насладиться всѣми радостями первинки. Онъ не слышалъ подъ собою земли, бѣгая по лавкамъ; онъ измучилъ свою тетку закупками; и, въ награду себѣ за невозможность пройтись даже близко дома своей невѣсты, — этого требовалъ строгій обычай, — не переставалъ о ней думать наединѣ. На этомъ новомъ коврикѣ будетъ она сидѣть за работою, на балконѣ у рѣшетчатой двери! Въ этой узорной чашѣ станетъ зерно по зерну выбирать рисо для моего плова! Передъ этимъ зеркаломъ моя Кичкене въ первый разъ увидитъ свое милое личико вмѣстѣ съ лицемъ мужчины; изъ этого посеребреннаго рукомойника освѣжитъ свои пылающія щечки; подъ этимъ атласнымъ одѣяломъ..... Но, впрочемъ, для такихъ мечтаній вовсе не нужно обручальнаго кольца: вы можете, не платя свадебныхъ прогоновъ, съѣздить въ эту завѣтную сторону и на собственномъ воображеніи, воля ваша, — я не отдаю въ извозъ своего. А между-тѣмъ спальня женатаго — презанимательная вещь, покрайней-мѣрѣ для холостыхъ.

Но на вешнемъ льду строилъ Искендеръ замокъ своего счастія: въ то время, когда онъ

дѣтьми своими былъ уже изрубленъ въ ку
шо всѣмъ правиламъ военнаго искуства и
всѣмъ правамъ Восточной политики. Ост
ное семейство его бѣжало, а голова его отс
вилась, какъ трофей, за сѣдломъ гонца
Мекку передъ свѣтлые очи торжествующ
халифа Езида. Но этимъ еще не конча
спектакль. Черезъ двѣ недѣли обыкновен
на которой-нибудь изъ площадей, предста
ютъ въ подробности судьбу бѣгствующихъ
сейидовъ и приношеніе головы Гусейна
редъ тронъ злобнаго халифа. Для устрой
этого праздника, со всѣми затѣями, пріѣх
изъ Тебриза мулла Садекъ остался въ Д
бендѣ цѣлый мѣсяцъ, склонясь на неот
ную просьбу почетныхъ гражданъ, и
болѣе на неоразимый звонъ серебра. М
ла Садекъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока п
по глядѣлъ степенно и ходилъ съ разста
кою будто семидесятилѣтній старикъ;
разговоръ и молчаніе равно вышиты был
именами Аллаха и Алія, *вели - Аллахъ*, свя
Божія; четки перебиралъ онъ даже во сн
вообще отъ него сіяло святостью и пахло
зовымъ масломъ на двадцатъ шаговъ въ о
жности. Впрочемъ Садекъ, разработывая
ву небесную, не забывалъ и округлять
земныя дѣлишки. Дружбу водилъ онъ съ

многими, а деньги бралъ онъ отъ всѣхъ: истинно былъ добродѣтельный человѣкъ, — не обидитъ отказомъ благосклоннаго дателя, да кромѣ частныхъ подарковъ, еще согласился (благородная душа!) принять по окончаніи Хатыла, за весь потъ ума и тѣла, одну сотнягу серебряныхъ рублей, изъ расходовъ мечети. Не довольствуясь этимъ, онъ хотѣлъ прочнѣе устроить свое житье-бытье какимъ-нибудь брачнымъ родствомъ; и, поразмѣдавъ стороной, куда бы выгоднѣе забросить крючокъ наживленный краснымъ словомъ, рѣшилъ обратиться къ Миръ-Гаджи-Фетхали, за племянницей котораго, какъ единственной наслѣдницей, прочилъ онъ изрядное имѣнье.

Вкравшись въ довѣренность Фетхали похвалами его уму и познаніямъ, его учености и краснорѣчію, бранью Русскихъ за то, что они не умѣютъ отличать такія высокія достоинства и что, по ихъ милости, потомки истинныхъ имамовъ стали равны съ простолюдинами, и что даже, *о Аллахъ!* Аліемъ проклятые сунни сидятъ съ ними рядомъ, а если служатъ Россіи, странѣ раздора и невѣрія, то нерѣдко распоряжаются мирами какъ обыкновенными людьми

— *Ай вай!* восклицалъ онъ, пришли послѣдніе годы, Судъ судовъ зрѣетъ надъ головою! Скоро, скоро, встрепенется рыба *Хут*

на которой стоитъ свѣтъ, и сбросить съ е
долой это гнѣздо змѣиное, этотъ котелъ г
ховный! Правовѣрные гордятся крестами,
темлякъ для нихъ сталъ почетнѣе бороды
Не знаю, право, что сталось бы съ колесс
Дербенда *, если бъ ты, Миръ-Гаджи-Фе
ли, не служилъ ему осью вѣры и мудро
Почтенный ты человѣкъ! Святой ты челов
истинный Гуссейнъ! Не садишься въ дни
съ немытыми Армянами и съ невѣрующ
свиноѣдами, *донгусъ ешъ кнфиръ*; не
чешь чернить своей души ни чернилами,
порохомъ, на ихъ службѣ. Твоя *тавія*, не
тика, сливки благоразумія! Только одного
могъ я уложить въ свою голову, одному не
рить не хотѣлъ, свидѣтели *вазретъ Алів*,
тые потомки Алія: глупая чернь, *кара ла*
толкуетъ, будто ты выдаешь свою племяни
за какого-то безбородаго бечонка? *Наузу*
лмяхъ! убѣжище мое у Бога! сказалъ я сам

* Кстати объ имени Дербенда. *Дербендъ* есть
но Персидское, часто встрѣчаемое въ географіи Ве
ка, и значитъ — застава, крѣпость замыкающая
ліе или узкій проходъ. Оно сложено изъ двухъ
сидскихъ словъ, *дерь*, дверь, и *бендъ*, связка, замы
скоба. Подъ именемъ *Демиръ-капы*, Желѣзныхъ
ротъ, его никогда Закавказцы не знали. Арабы
называли Кавказскій Дербендъ — *Баба эль-абуабъ*,
рота изъ воротъ, главныя ворота, главная застав

себѣ на ухо: этого не можетъ быть; такой благочестивый человѣкъ, какъ Миръ-Гаджи—Фетхали, не броситъ въ лужу перлу Пророка—не отдастъ простому человѣку дочери братаснаго, не смѣшаетъ съ грязью крови сеида. *Вель хан,ду мѣлляхъ, ев ля ылляе ылля аллэ!* Сбыточное ли дѣло, что въ такой *кельбы Али*, такой несъ Аліи*, допустилъ съѣсть безхвостому котенку райскую птичку? Не же Аллахъ ему отдалъ подъ призоръ! *Хейръ!* нѣтъ! Это *хошъ тамлыхъ*, это шутка; *бырь фикиръ-дыр*, какая-то выдумка; она родилась въ пустомъ арбузѣ и разнесена вертучимъ вѣтромъ по базару. Даромъ бросаютъ такую пыль въ бороду Фетхали. Не вѣрю я тому, чего быть не можетъ!

— А между-тѣмъ это правда, сказалъ Фетхали, съ такимъ лицемъ, — будто его застали въ чужомъ виноградникѣ.

И онъ разсказалъ муллѣ Садеку, какимъ образомъ и почему принужденъ былъ дать на этотъ бракъ свое согласіе. Притомъ же, замѣчалъ онъ, въ Дербендѣ нѣтъ пары его пле-

* Впрочемъ, *кельбы Али*, въ просторѣчіи *Кельбалай*, есть мусульманское собственное имя. Одинъ Ширванскій ханъ, генералъ-маіоръ нашей службы, его носитъ, и оно вовсе не доказываетъ, какъ думаютъ многіе, особенной преданности къ Аліи.

мянницѣ изъ числа немногихъ мировъ. Всѣ они такое старье, или такая голь, что если за иного выдать, такъ свадьбу придется играть на перекресткѣ, а новобрачнымъ спать на своихъ башмакахъ, прогуливаясь.

Мулла Садекъ два раза погладилъ свою бороду, два раза пропустилъ девяносто девять зеренъ своихъ четокъ между пальцевъ, и сказалъ:

— Все исходитъ отъ Аллаха, все къ нему возвратится. Развѣ нѣтъ достойныхъ Гуссейна въ странѣ *Ирана*, въ Персіи, въ благословенномъ краю наслѣдниковъ Сефи? Солнце два раза въ день восходитъ и западаетъ въ *вилаетъ* (владѣніи) *шэгинша.а*, государя государей: такъ оно неужели не свѣтитъ въ глаза ни одному жениху твоей племянницы? *Вели пейгамбаръ! ваазы пейгамбаръ!* о святой пророкъ! о завѣтъ пророческій! Если ты хочешь женить свѣтлый мѣсяцъ на звѣздѣ утренней, я пришлю сюда моего двоюроднаго брата по матери, Миръ-Фейзуллаха-Тебриза, — указательный перстъ учености, изумрудъ красоты: борода его считается третьею послѣ Шаховой; богатъ онъ такъ, что индѣекъ кормитъ жемчугомъ, и со всѣмъ тѣмъ скроменъ какъ наголовье. Кладъ, а не человѣкъ, *валлаги, биллаги!* Когда онъ въ нашемъ городѣ идетъ по

базару, даже тѣ, у которыхъ глаза выколоты, кричатъ ему — *Гъозимъ уста* *, а купцы бьютъ челомъ кто пряникомъ, кто изюмомъ, кто горстью табаку; ни одинъ не сунется без *пешкеша*, подарочка. Если твоя племянница у него выйдетъ, такъ ей даже въ банѣ всѣ *лапужъ* и *белужъ*, всѣ ханши и бекши, станутъ давать почетное мѣсто, — а Тебризъ не вашему глиняному Дербенду чета!

Это предложеніе польстило и гордости Фетхали, потому что онъ зналъ какимъ уваженіемъ пользуются въ Персіи жиры, и ненависти его къ Искендеру. Однако жъ въ нехъ еще были искры совѣсти. Онъ возразилъ муллѣ Садеку препятствіями, со стороны матери Кичкени, и со стороны строгаго коменданта, который вѣроятно не позволитъ переселенія изъ Русской области. Притомъ, »что скажутъ горожане?« *Па діаляръ* — важная вещь и на Востокѣ. Le qu'en dira-t-on держитъ въ узде Парижанина и Петербургца, обитателя Пекина и Шамахи. Это почти совѣсть людей безсовѣстныхъ.

---

* Въ Персіи множество нищихъ съ выколотыми глазами, жертвъ каждой политической смуты. *Гъозимъ уста* собственно значитъ — на мой глазъ, но это междометіе должно принимать въ смыслѣ — клянусь я своими глазами въ твоихъ повелѣніяхъ.

— Что скажутъ? съ насмѣшкою отвѣчалъ Садекъ. Скажутъ, что ты умный человѣкъ. Простительно дѣлать ошибки, но исправлять ихъ похвально. И что, въ самомъ дѣлѣ, за услугу оказалъ тебѣ Искендеръ? Будто бы до него Аллахъ дождя не выдумалъ? Онъ тебя поймалъ въ западню: оставь же лучше въ западнѣ свой хвостъ, какъ лисица, и уйди отъ него, чѣмъ цѣлый вѣкъ кланяться немилому человѣку. Да я научу тебя какъ, съ помощію Пророка, выбраться изъ обѣщанія, не запятнавъ своей чести. Откажи Искендеру, и разславь по городу, что твоя сестра — при смерти, и дала обѣщаніе, если выздоровѣетъ, выдать свою дочь исиначе какъ за потомка Пророка, за имама. Этому въ Дербендѣ не одинъ примѣръ. Сестра твоя не выходитъ изъ дому; да и дома почти нѣма какъ рыба: такъ на нее, для пользы внуковъ Алія, можно все взваливать; а слушать ея бредней — будетъ позоръ на твою голову. Развѣ не знаешь, какъ плотно поколотилъ *Эйлюбъ, алгейчи'ев селлмъ*, Іовъ (миръ съ нимъ!), свою жену за то, что она совѣтовала ему поклониться шайтану? А развѣ мать Кичкене — твоя жена? Развѣ ты купилъ ее? Что она тебѣ? Только сестра; а это четвертью меньше нежели ничто. Плюнь ты на ея волю!

— А комендантъ? со вздохомъ сказалъ Фехали.

— А комендантъ что за похѣха? Разнѣ невѣсты — запрещенный товаръ къ вывозу? Да пускай себѣ и запрещенный: можно надуть коменданта, попросить билетъ въ Переію для свиданія съ родственниками, да и пошелъ, покатилъ себѣ. Обхапуть гяура все равно что приложить кусочикъ къ сердцу Али: три грѣха съ души долой. Тебѣ же болѣе славы, если ты на чортѣ привезешь даръ *Каабѣ*, Мекскому храму, за неимѣніемъ бѣлаго верблюда.

Два лукавца ударили по рукамъ.

На утро Искендеру отослана была половина кабыла, то есть окупа за невѣсту, обращаемаго обыкновенно на приданое. Искендеръ-бекъ чуть не оторвалъ себѣ ушей, чтобы увѣриться, не обманываютъ ли они его! Нѣтъ; вѣсть эта была слишкомъ несомнительна. Возвращенный мѣшокъ съ рублями лежалъ передъ нимъ неотвергаемымъ доказательствомъ; тетка его Аджа-Ханумъ бранилась такъ искренно, что словъ ея нельзя было принять за шутку. Сначала, оглушенный неожиданнымъ отказомъ, онъ сидѣлъ блѣдный, безмолвный, съ неподвижными очами, какъ тѣло только-что охладѣлое въ трупъ. Но скоро юная кровь зашлась негодованіемъ

и оно вырвалось наружу буйнымъ потокомъ угрозъ и проклятій. Быть столь близкимъ къ счастію, подносить уже къ устамъ завѣтную чашу, и вдругъ, вмѣсто желаннаго, драгоцѣннаго питья, выпить горькую обиду, облиться несмываемымъ позоромъ! О, это заставило бы вспыхнуть самое ледяное сердце, закипѣть самую ползучую кровь! Никогда любовница не кажется намъ такъ прелестною, такъ любимою, какъ похищенная измѣной или судьбой. Тогда любовь нарастаетъ на весь ужасъ разлуки, а бѣшенство за разлуку раскипается всѣмъ пламенемъ страсти. Искендеръ-бекъ неистовствовалъ: разбилъ въ дребезги хрустальный кальянъ свой, выбросилъ за окно зеркало, изорвалъ въ клочки свою круглую подушку, вытолкалъ въ шею нукера, который явился-было съ неумѣстными услугами. Онъ упалъ отъ изнеможенія, но злость не потухла вмѣстѣ съ силами: онъ грызъ подушку и плакалъ. Наконецъ разсудокъ взялъ верхъ, но, если гнѣвъ, если безнадежная любовь покинули голову, они тѣмъ не менѣе терзали его сердце. Два дня и три ночи, обманутый въ самыхъ законныхъ своихъ надеждахъ, юноша не могъ спать, не хотѣлъ ѣсть. Но потомъ Азіатская природа передвоила всѣ бурныя чувства въ тихій, медленный ядъ желанія мести.

Онъ перебиралъ и отвергалъ всѣ средства отмстить вѣроломному Фетхали, не подвергая себя опасности отъ Русскаго правительства. О, если бъ это было при ханахъ, — ударъ ему кинжаломъ въ бокъ, и все кончено! И Кичкене стала бы его собственностью послѣ мѣсячнаго бѣгства! Теперь иное! . . . теперь надо! . . . Искендеръ углубился въ размышленіе, какъ это надо? А передъ нимъ давно уже стоялъ Гаджи-Юсуфъ. Право, за вычетомъ хвастовства и трусости, этотъ Гаджи-Юсуфъ былъ предоброе созданіе. Горесть товарища тронула его: если бъ умѣлъ, онъ бы заплакалъ, глядя на безмолвную задумчивость Искендера. Онъ тихо коснулся плеча хозяина, и хотя разодѣтъ былъ какъ свѣже-привозный *кашенеъ*, франтъ изъ Тебриза, однако сказалъ свой *селямъ* самымъ степеннымъ голосомъ.

— *Иа хаберъ?* что новаго? спросилъ очнувшійся Искендеръ.

— Пришло три корабля съ хлѣбомъ: народъ веселится.

— Если бъ пришли три корабля съ мышьякомъ на отраву всѣмъ Дербендцамъ, я бы радовался однимъ болѣе чѣмъ теперь они всѣ вмѣстѣ.

— Помилуй, Искендеръ, за что такая опала! Не хочешь ли ты подражать Эгри-Абу-

талебу*, который еще въ люлькѣ на кого-то разсердился, и до-сихъ-поръ косится на цѣлый свѣтъ? Пришло, — пройдетъ!

— Ты слышалъ, Юсуфъ? Вѣрно ужъ слышалъ? Ну, разсказывай, что про меня шепчутъ въ Дербендѣ?

— Ничего не шепчутъ: на всѣхъ базарахъ и перекресткахъ только въ бубны бьютъ, что тебѣ отказала мать Кичкени.

— Мать? Мерзавецъ этотъ Фетхали! . . . Убью его и уйду, скроюсь въ горы!

— А что развѣ тебѣ Кара-дагъ, дядя**. Видно ты еще не лакомился просяными чуреками, душечка Искендеръ. Велика хитрость убить да уйти, и потомъ по конецъ жизни облизываться на дымъ роднаго города! *Анасыны, бабасыны!* . . . Гораздо лучше побить порядкомъ этого Фетхали, — и *вайда* въ Баку! Тамъ если тебя осѣдлала такая охота жениться, ты можешь на пробу купить себѣ жену на два, на три мѣсяца. Прекрасное это заведеніе — *метеви****, для удобства путешественниковъ,

---

* *Эгри* косой.

** *Кара-дагъ* — Черные горы.

*** *Метеви*, *мутиʼи*, временной бракъ, позволенный у шіитовъ, но не вездѣ употребительный. Впрочемъ, и сунниты сѣвернаго Дагистана допускаютъ его изъ корысти, даже съ Русскими. Онъ облеченъ всею

чортъ меня покарай, прелюбезное! Я самъ женился на четыре мѣсяца; да, слава Аллаху, бѣжалъ до срока отъ моей красавицы. Радъ, что ноги унесъ! Бывало, сплю, и боюсь — откусить она мнѣ носъ изъ нѣжности. Такъ-то, Искендеръ-бекъ! Отвѣдай самъ, правду ли я говорю, и, воротясь, — объ закладъ побьюсь, — ты за спасибо *пешкешъ* привезешь Фетхали, что онъ не отдалъ тебѣ племянницы.

Искендеръ-бекъ былъ угрюмъ и безмолвенъ.

— Душечка, цвѣтокъ ты, Искендеръ-бекъ! ты ничего не слышишь, будто уши по воду послалъ; а печаленъ такъ, словно сердце твое забили въ *фелаку*, лещотку, и отдубасили по пятамъ. Экая невидаль — невѣста! Брось только горсть червонцевъ на улицу, да закричи — *Гель, гель, гель!* набѣжатъ свахи словно куры. Надоѣдятъ тебѣ жены, вспомни меня, надоѣдятъ!

Искендеръ не внималъ ничему.

— Да и объ чемъ ты такъ грустишь, Искендеръ? Что за звѣзда твоя невѣста! Что за красавица такая! Глаза у ней одинъ боль-

---

законностью, но только низшій классъ народа занимается такою торговлею.

ше другаго, а сама такъ смугла, что ты разо-
рашься на одни бѣлила; да кому жъ кажет-
ся немножко кривобока. Видѣлъ, братъ, я ее
разъ!

Искендеръ-бекъ схватилъ Юсуфа за во-
ротъ.

— Ты ее видѣлъ? Гдѣ ты видѣлъ ее? Какъ
ты дерзнулъ поднять на нее свои пьяные гла-
за? Говори жъ, бездѣльникъ, когда и какъ
ты ѣлъ ее своими глазами?

— Ради Аллаха, пусти Искендеръ-бекъ...
Развѣ не видишь ты, что я шучу! Ты знаешь,
что я глаза пошу всегда въ карманѣ, а карма-
ны мои всѣ въ дырахъ. Гдѣ мнѣ видѣть ее!
Да и на кой чортъ стану я заглядывать на
эти двуногія жемчужины! Пропадай онѣ, пра-
во: я не нахарь такихъ нивъ! Я умильнѣе
поглажу на свиной бурдюкъ съ Кизлярскимъ
вихрежъ, нежели на женщину. Эй, не женись,
душечка Искендеръ-бекъ! Бѣда тебѣ—женить-
ся: ты такой ревнивецъ, что Аллахъ упаси!
Въ сосѣдствѣ съ Русскими молодцами тебѣ
придется стоять всю ночь на караулѣ, и цѣ-
лой день какъ рахтарщику осматривать и щу-
пать, кто входитъ и что вносятъ въ твой домъ.
Ну, ужъ что за люди, эти Русскіе. Только
поставить ихъ постоемъ, смотришь глядишь,
они ужъ пріятели съ нашими молодушками!

Подкатится яблокомъ, разсыплется бисеромъ, а тамъ . . . Знаешь ли ты муллу-Касима, того сухонараго звѣрка, про котораго говорятъ, что съ него снята была кожа для таинственной книги *джефръ**. Ну, мой ага, этотъ мулла-Касимъ, старый ревнивецъ, купилъ себѣ бѣлу подъ бѣлою чадрою, и не спускалъ съ нея глазъ. Что жъ вышло? Онъ по три раза въ недѣлю отворялъ ворота одной подружкѣ хорошенькой жены своей, и сидитъ, бывало, у воротъ, чтобъ не дать женѣ на кроподахъ выглянуть на улицу: а эта подружка и былъ Русскій офицеръ въ женскомъ платьѣ!

Оба пріятеля схватились за бока отъ смѣху.

— Мущина? Подъ чадрою? Это прелесть! это единственно! Спасибо тебѣ, Юсуфъ; разъутѣшилъ ты меня этимъ разсказомъ.

И бей Искендеръ чуть не задушилъ гостя въ объятіяхъ.

— Ну да прощай, душа моя! Мнѣ теперь хлопотъ цѣлое стадо. Я сегодня ночью представлять буду *Фиренеи — эльчи-сы*, Франкскаго посла, при дворѣ Ешида: такъ надо заранѣе

---

* Начертанная іероглифами, будто-бы Алиемъ, обо всемъ, что было и будетъ до конца свѣта. Понѣрье шіитовъ.

умудриться, какъ мнѣ влѣзть въ узкіе шальвары! Пусть выкроитъ шайтанъ себѣ подметки изъ кожи этихъ гауровъ за адскую выдумку тѣсныхъ жундировъ и панталонъ: въ нихъ такъ же ловко двигаться какъ въ желѣзныхъ тискахъ. Не даромъ, право, носятъ они на шеѣ удавки: заналю я гробы ихъ отцевъ, да самъ и огонь залью! Не попадайся мнѣ теперь ни одинъ Русскій пѣтухъ: разомъ ощиплю весь хвостъ на султанъ для треугольнаго папаха! Я ужъ задалъ жгучей травы* комендантскому павлину; перестанетъ онъ хвастать своимъ вѣеромъ. Да и Русской водкѣ достанется: какой я буду *кяфиръ*, если не выпяну стакана четыре? *Яхши олсунъ*, Искендеръ-бекъ, *яхши олсунъ!* Увидишь, я такимъ выйду на Хатыль полнымъ Франкомъ, что солдаты будутъ говорить мнѣ: Здравія желаю, ваше благородіе!

— Совѣтую только перемѣнить тебѣ имя Юсуфа, на *Аллахъ-верды*** !

---

* *Истаутъ*, такъ зовутъ Татары перецъ.

** *Аллахъ-верды*, Богъ далъ, обыкновенное восклицаніе того, кто пьетъ; кто подноситъ, говоритъ — *Сизинъ кейфиниса*, на здоровье вамъ, или просто — *яхши олсунъ*, да будетъ благо. Искендеръ смѣется надъ пьянствомъ Юсуфа: впрочемъ Аллахъ-верды (Богданъ) — обыкновенное собственное имя.

— И, разумѣется *Аллахъ верды* прекрасное слово. »Богъ далъ« пино, такъ чортъ не отыметъ. Охъ служба, служба! горька она и въ направовѣрномъ платьѣ, а въ кургузомъ и того втрое. А еще говорятъ, будто я мало служу. Неблагодарные! . . .

Юсуфъ удалился, разговаривая самъ съ собою про безуміе Искендера. — Рѣхнулся бѣдняга, безъ-сомнѣнія, рѣхнулся. То онъ несносенъ какъ пустая бутылка, то хохочетъ будто Исфаганскаго *навильчи*, сказочника, слушаетъ, то бранитъ меня словно капитанъ, то обнимаетъ ни за что ни про что. Жаль! И, молодецки закинувъ рукава за плечо, онъ пошелъ переваливаясь по улицѣ и напѣвая стихи въ честь Гусейнова побоища при Кербелѣ.

Неджа канъ аламмассынъ, дашъ бугюнъ!
Кесеилибмы етмишъ-еки бишъ бугюнъ!

Какъ сегодня не прослезиться тебѣ, камень, кровью?
Сегодня отрублено семьдесять двѣ головы!

Зато Искендеръ вовсе не думалъ объ отрубленныхъ головахъ; ему Юсуфъ приставилъ новую своимъ разсказомъ. Яркая мысль, пробраться къ своей милой подъ чадрою, озарила его сердце. Я шелъ законною дорогою, говорилъ онъ себѣ, и она привела меня къ

пропасти. Теперь я во что бы ни стало, дойду до своего окольными тропинками. Теперь всѣ связи мои разорваны, и не мною. Пусть же узнаетъ Фетхали, что значитъ разбудить бареа и потомъ дразнить его. Безславіемъ, похищеніемъ, всѣмъ готовъ теперь я добывать вырванную у меня Кичкеню. Да! я одѣнусь женщиною, но докажу, что я не мальчикъ: сегодняшній ночной праздникъ сблизитъ меня съ безцѣнною, — пускай дорога къ ней помощена остріями кинжаловъ! Неслыханную между мусульманами дерзость сдѣлаю я: но развѣ не такова моя обида, моя любовь? Такъ разсуждая или, вѣрнѣй, безразсудствуя, Искендеръ обшивалъ самъ свои шалвары кружевнымъ позументомъ, какъ носятъ мусульманки; примѣрялъ купленное для будущей невѣсты покрывало, учился подбирать его по подолу и около рта, ходить смиренно, говорить тоненькимъ голосомъ. Къ сумеркамъ, онъ могъ бы представлять на Хатылѣ сестру Гуссейна вѣрно лучше своихъ собратій. Сурьма по бровямъ и темнота ночи скроютъ остальное, думалъ онъ: однако боясь болтливости своего пукера въ такомъ дѣлѣ, гдѣ бросалъ на ставку свою голову, онъ услалъ его пасти коней на траву. Съ трепетомъ сердца ждалъ онъ ночи; но день не хотѣлъ умирать, какъ богатый

дядя. Наконецъ-то, наконецъ, заревой барабанъ сказалъ его сердцу отрадную вѣсточку. Пламенники, напитанные нефтью, замелькали по улицамъ. и вотъ слились въ одномъ мѣстѣ въ багровый дымъ зарева . . . . Скоро прійдетъ время.

Пустяки говорятъ, будто мы только въ первый разъ любимъ крѣпко и пламенно. Одно вѣрно, что мы только въ первый разъ любимъ сладостно; потому что тогда все въ любви намъ ново, потому что мы вѣримъ тогда неизмѣнности любви и взаимному для ней геройству. Проходятъ лѣта, и незваный гость опять стучится въ сердце: онъ подаетъ очки свои, которые разлагаютъ всѣ мечты, показываютъ всѣ цвѣты, всѣхъ бабочекъ, въ настоящемъ ихъ видѣ, и говорятъ: Это линючая краска, безполезное насѣкомое. Чортъ возьми твой микроскопъ, опытность! Я хочу розъ, а ты подаешь мнѣ скляночку съ духами. Скажи мнѣ, счастливѣе ли я сталъ, узнавъ, изъ чего составлена слеза и какой нервъ движетъ улыбку? Счастливѣе ли, умѣряя сильныя чувства, чтобъ не нажить аневризма? Счастливѣе ли, что, завидя въ комъ-нибудь, даже въ самомъ себѣ, вспышку прекраснаго чувства, я говорю: Знаю чѣмъ это кончится! Холодъ и пустыня, тѣмъ ужаснѣйшіе, что опять даютъ

угадчивость уму, а не избавляютъ отъ страстей, отъ чувства.

Искендеръ плавалъ въ безвѣстномъ для него океанѣ любви, искалъ новаго свѣта счастія, который, новому Колумбу, живописался на воображеніи полнымъ сокровищъ и восхитительнымъ новизною. Но если бъ вы спросили его, какія онъ имѣетъ къ успѣху залоги, и для чего выбралъ эту дорогу, для чего хочетъ онъ видѣться съ Кичкенею? Онъ бы не умѣлъ дать отчета и самому себѣ. Счеты изобрѣтены конечно не влюбленными. Все, что онъ бы могъ отвѣчать вамъ, состояло въ словахъ — Я такъ рѣшилъ! я на это рѣшился! Съ Богомъ!

Начернивъ огромную бровь, которая по послѣдней модѣ должна была соединять какъ жость оба уха, и налѣпивъ на щеки двѣ золотыя звѣздочки, Искендеръ заткнулъ за поясъ, стягивающій атласный *пуш* (родъ безмета) пистолетъ, обвилъ голову маленькимъ тюрбаномъ, закутался весь до ногъ въ бѣлую чадру съ каймою, и робко пошелъ къ нижнему магалу. Спрятавшись подлѣ дома Кичкени въ ворота, онъ выждалъ, покуда она вышла съ двумя подругами, и, не теряя ее изъ виду, чтобъ послѣ не утратить вовсе межъ тысячи покрывалъ, отправился по пятамъ ея до самаго мѣста представленія. Площадь, улицы,

кипѣли пѣшими и конными зрителями; кровли домовъ покрыты были купами и рядами женщинъ, живописно рисующихся въ бѣлыхъ и цвѣтныхъ чадрахъ. Драма еще не начиналась. На возвышеніи, приготовленномъ для Давида, говорилъ прологъ мулла Садекъ, а два другихъ стояли на ступеняхъ, крытыхъ ковромъ, махальными чувствительности, и при каждомъ трогательномъ описаніи громко кричали народу: Что же вы не плачете? Плачьте! Въ отвѣтъ на это раздавалось обыкновенно вверху и внизу оглушающее хныканье; потомъ потокъ краснорѣчія снова пробивался сквозь жужжанье. Почти въ лихорадочномъ жару взбѣжалъ Искендеръ за Кичкенею, по крутой лѣстницѣ чужаго дома, безпрестанно прикасаясь къ женщинамъ, на плоскую кровлю. На ней уже было до сотни мусульманокъ, сидящихъ, стоящихъ, бѣгающихъ взадъ и впередъ и, болѣе или менѣе, озаренныхъ блескомъ множества мангаловъ, поднятыхъ на шесты. Женщины встрѣчались, цѣловались, болтали безъ умолку, смѣялись безъ удержки. Всѣ онѣ одѣты были въ лучшія платья, увѣшаны золотыми звѣздами и монистами; и все это не забывали онѣ выказывать при встрѣчѣ съ знакомыми, широко распахивая чадры.

Тотъ, кто не знаетъ Азіатокъ, не знаетъ и

половины Азіатца, хотя бы онъ жилъ съ нимъ сто десять лѣтъ за наинбрата. Вмѣстѣ съ туфлями, мусульманинъ надѣваетъ непроницаемую личину, и внѣ гарема не покажетъ родному брату своему ни дна души, ни дна кошелька; притомъ же, страсть хвалить нравы и обычаи своего народа, свойственная всѣмъ народамъ младенчествующимъ, обладаетъ имъ вполнѣ. Послушать каждаго изъ нихъ, такъ вы подумаете, что это цѣлое поколѣніе праведниковъ, что у нихъ всѣ мужья и жены ходятъ между строчекъ Корана и никогда не помыслятъ вильнуть въ сторону. Только въ семьѣ смѣетъ мусульманинъ быть самимъ собою, потому что жена и дѣти для него вещи, которымъ не обязанъ онъ ни малѣйшимъ отчетомъ. Въ отместку ему, жена бываетъ собою всегда кромѣ его присутствія. Покорная, предупредительная, почти безотвѣтная раба мужу, который для нея — свѣтъ, публика, власть, все, она вознаграждаетъ себя, за домашнее принужденіе, на гуляньѣ въ садахъ, въ банѣ со своими сосѣдками. Вы скажете, что подруги ей домашніе, а домашніе чужіе. Онѣ откровенны между собою, ибо между ними нѣтъ иной ревности, кромѣ за наряды. Отъ этого выходитъ двойственный міръ, совсѣмъ отличный отъ Европейскаго; міръ болѣе недоступный для

ужчинъ чѣмъ для женщинъ, потому что муж
ередъ женой разоблачается вполнѣ, она не
едъ нимъ — вполовину. Теперь вообразите, что
ы какимъ-нибудь счастливымъ случаемъ вира-
нись въ довѣренность мусульманки или подслу-
шали ея болтовню съ подругою, заглянули въ га-
емъхане à vue d'oiseau и вы конечно узнаете
ольше, нежели мусульманинъ захочетъ вамъ
казать, больше, нежели можетъ сказать. Вооб-
разите и то, какъ загадочно изумленъ былъ
ичего незнающій юноша Искендеръ, брошен-
ый въ середину женскихъ нескромностей, въ
середину женщинъ, большею частію прехоро-
шенькихъ, онъ, который съ роду не говорилъ ни
ъ одной, кромѣ старухъ; онъ, который если
видѣлъ ихъ личики, такъ это въ почтитель-
омъ отдаленіи, и то на мигъ. Онъ пожиралъ
ихъ глазами, напрягалъ слухъ и умъ, чтобы
ловить и понять долетающія до него отрыв-
атыя фразы. Напрасно! Онѣ оставались для
его, какъ останутся вѣроятно для многихъ
оихъ читателей, загадками.

— Ахъ, душечка, молодица моя! *эй джанъ, жюванъ!* какая у тебя прелестная *баги*, голов-
ое украшеніе. А мой скупецъ былъ въ Зиниляхъ, да въ гостинецъ привезъ только шел-
овый треногъ: правда, затканный золотомъ,
а что мнѣ въ этомъ пользы? Его не надѣ-

ешь ни въ мечеть ни въ баню. — Нѣтъ, мой ужъ, хоть и прихотливъ, а ничего для меня не жалѣетъ; грѣхъ на это жаловаться. Надавилъ мнѣ кучу вещей за то, что я до жаровъ не спорю за лѣтній обычай. — Слышала ли ты, Фатме-Ханумъ, что мой старый чортъ въ Бакѣ взялъ другую жену? Я въ слезы; а онъ мнѣ: Развѣ мнѣ тамъ безъ плову жить! Мужъ только до семи горъ обязанъ женѣ вѣрностью. *Шахъ-Сейнъ, Вай-Сейнъ!* да развѣ, когда онъ переѣдетъ за семь, отъ меня до него будетъ только шесть? Отплачу я ему за это! Беретъ другую жену, а самъ даже *джума ахшамы*, кануна недѣли, не справляетъ: такой безаконникъ! — Навѣрное ли? — Какъ, моя жертвочка, не навѣрное! Въ Русской землѣ вышелъ указъ, чтобы всѣ женщины носили туманы по-нашему. Я сама видѣла, что и здѣшнія начальницы перестали гнѣвить Аллаха, надѣли таки бѣленькіе шальвары..... Да и пора была! Бывало по горѣ идутъ, при вѣтрѣ..... — Чудесный дала ты мнѣ *баджибетъ*, Шекеръ-Ханумъ; тысячу разъ тебѣ за него спасибо: тѣло отъ него точно персикъ становится. — Не умѣетъ Аспетъ-Ханумъ готовить *долмы*, вовсе не умѣетъ: хоть бы на свадьбѣ такой ѣсть, не только на похоронахъ, такъ горекъ покажется. — Умерла? Сама ви-

новата! Умѣла съ чужимъ любовь водить, умѣй концы хоронить; а то, мужъ только со двора, она въ гости, да еще съ фонарекъ. — Такъ онъ до-смерти ее закололъ? — Насквозь, *джаныны*! Тутъ же и душу Азраилу отдала. — Надоѣли мнѣ мои ребятишки, *баджи* (сестрица); хоть бы подросли поскорѣе, а то такіе крикуны, что голову разломитъ! — Охъ, сестра, отъ маленькихъ дѣтей болитъ голова, отъ большихъ сердце! Присталъ мнѣ мой Мешгеди: купи да купи ему жену; а вѣдь жена не свистулька..... дорогъ сталъ этотъ товаръ: откуда я возьму денегъ! — *Ай вай* какой стыдъ! съ Армяниномъ, съ переводчикомъ. Развѣ мусульманъ или Русскихъ ей недостало?..... Любой Армянинъ съ придачей двухъ кусковъ *зерръ-бабта*, и четверти грѣха не стоитъ! — Прелесть мастеръ, *гозъ ичнаи тешеръ*, душечка! И прелестенькій! Онъ называетъ его Тегеранскимъ; наподобіе буквы *джиныны*; да кажется такими узорами переберу я всю азбуку. Преученый человѣкъ мужъ мой! — Охъ, не поминай, сестрица! Вотъ точь-въ-точь такой затѣйникъ былъ покойный мужъ мой; бывало, какъ начнетъ учить мою малютку, такъ она шепчетъ, шепчетъ..... Аллахъ вѣку ему не продлилъ, а то бы читать ее выучилъ.....

Восклицанія — *баш.га,ты, баш.га,ты,* началось,

шалось, прервали всѣ росказни. Всѣ кинулись смотрѣть на драму. Езидъ, въ красномъ кафтанѣ, въ зеленой чалмѣ, сидѣлъ уже на тронѣ; по лѣвую его руку не много ниже, Богъ-вѣсть по какому преданію, сидѣлъ Европейскій посолъ, въ фантастическомъ мундирѣ Русскаго покроя, въ треугольной шляпѣ съ огромнымъ султаномъ, при Европейской саблѣ и въ шпорахъ. Приближенные Езиду и шейхи Арабскихъ племенъ въ бѣлыхъ чалмахъ обнимали тронъ полумѣсяцемъ. Европейскаго посланника игралъ Гаджи-Юсуфъ, но онъ, затянутый въ непривычномъ нарядѣ, безпрестанно путаясь въ портупеѣ и шпорахъ, безпрестанно поправляя шляпу, которая прогуливалась по бритой его головѣ, былъ такъ уморителенъ, что навѣрно не заманилъ никого быть Европейцемъ. Огромный носъ его и еще того огромнѣйшій султанъ изъ пѣтушьихъ и павлиньихъ перьевъ дали поводъ къ жаркому спору между женщинами.

— *Шахъ-Гуссейнъ? вай Гуссейнъ!* сестрицы, посмотрите-ка что за звѣрь сидитъ по лѣвую руку проклятаго Езида? закричала одна хатынь (госпожа).

— Это левъ, преосерiозно отвѣчала ей сосѣдка. При мучителяхъ Османскихъ халифахъ всегда дежурилъ какой-нибудь лютый звѣрь:

чуть не поправится кто нибудь, сейчасъ того отдавали на завтракъ.

— Левъ-то левъ, возразила другая, только онъ тотъ самый, что плакалъ надъ гробомъ Гуссейна, а не въ службѣ у Езида; плутяги *сауши*, десятскіе, недосмотрѣли, что онъ жалѣетъ нашего имама, да и взяли подъ караулъ. Слышите ли, Езидъ говоритъ ему: пріими мою вѣру; а онъ только сморщается: это значитъ — не хочетъ.

— Какой левъ? насмѣшливо произнесла другая: это птица!

— Какъ не птица, возразила та: развѣ у птицъ хвостъ на головѣ? Это грива; такъ, грива и есть.

— Совсѣмъ не грива, а хохолъ попугая: должно быть, этотъ попугай былъ у Езида *мирзою*, секретаремъ: видишь какъ халифъ ласкаетъ его, а тотъ воркуетъ не по-человѣчески!

— Племянница ты попугая, душа моя!

— Львиная ты мордочка, сестра моя!

Споръ сдѣлался общимъ. Одни говорили — птица, другія утверждали — звѣрь. Однако жъ сторона, возставшая за попугая, перемогла: женщины всѣхъ странъ отмѣнно любятъ попугаевъ. Надобно сказать, что красный носъ Гаджи-Юсуфа всего болѣе способствовалъ

этому мнѣнію; только и въ немъ возникли расколы. Иныя думали, что носъ у этой птицы природный, иныя спорили, что онъ накладной. Все это доказывало, что каждая изъ почтенныхъ мусульманокъ, тамъ сидѣвшихъ, могла бы выдержать профессорскій экзаменъ въ невѣжествѣ исторіи естественной и сверхъестественной, о которой шло дѣло; а дѣло шло своимъ чередомъ. Бѣдный Юсуфъ, никакъ не воображая, что подлинность его носа и его человѣчества подвержена такому сомнѣнію, говорилъ привѣтственную рѣчь Езиду. — Государь мой, повелитель Франгистана (таковъ былъ смыслъ ея), заслышавъ о твоихъ побѣдахъ, прислалъ меня просить о дружбѣ и союзѣ съ тобою. Езидъ отвѣчалъ: — что, покуда, ему нѣтъ досуга управиться со свинопѣдами; что онъ даруетъ имъ миръ и время покаяться, но если они не примутъ *шеккизъ китабъ*, несомнѣнной книги, закономъ, такъ онъ объявитъ имъ *джигадъ*, войну за вѣру, и начнетъ систему обрѣзанія съ головъ. Въ это время радостная вѣсть о разбитіи, воеводой халифа, враждебнаго ему Гуссейна, приходитъ вмѣстѣ съ трофеями. Пуки стрѣлъ, сабель, кольчугъ, мѣшки съ добычею, разсыпаны къ ногамъ Езида; подносятъ на блюдѣ голову Гуссейна. — Вотъ участь всѣхъ, кто мнѣ противится! гордо говоритъ

посланнику халифъ и, сброшенная его ногой голова, катится по ступенямъ: — а этотъ человѣкъ былъ родственникъ Магомета, хотѣлъ быть халифомъ; многіе звали его пророкомъ, заступникомъ молитвъ, имамомъ: и что теперь онъ? Прахъ! Фиренкъ-Эльчи осмѣливается спросить, неужели у нихъ мода такъ обходиться съ пророками. — Со лжепророками, гнѣвно отвѣчаетъ Езидъ. — Въ такомъ случаѣ легко можно убѣдиться, ложный былъ онъ или настоящій, продолжаетъ Франкъ; голова Гуссейна! примолвилъ онъ, обращаясь къ головѣ, уже взоткнутой на копье: если ты истинно пользовалась откровеніемъ Бога мусульманъ, и если вѣра, тобой проповѣданная, не обманъ, скажи мнѣ символъ ея, и я, христіанинъ, клянусь обратиться въ мусульманство! И голова отверзаетъ мертвыя уста; молитва *Ла иляге иль Аллаху, эшгеду, энна Мухамме,да ресулю'ллахъ*, какъ труба, раздается въ воздухѣ. Пораженный, убѣжденный чудомъ, Европеецъ падаетъ ницъ, восклицая: — *Мусульманамъ, шаіямъ!* Я мусульманинъ, я шіитъ! — Ты глупецъ, говорилъ ему Езидъ, раздраженный примѣромъ дерзости для своихъ послѣдователей: ты стоишь казни: отрубить ему голову!

Гаджи-Юсуфъ, которому такъ же ловко было сидѣть на стулѣ какъ на копьѣ, особенно

съ грузомъ винныхъ паровъ въ головѣ, не дожидаясь удара, покатился на полъ. Эта потеря равновѣсія, приписанная ужасу, произвела необыкновенный эффектъ. Павшаго Франка утащили, подмѣнили куклою, и срубленная голова его запѣла стихи въ честь Гуссейна.

Подъ шумокъ, между-тѣмъ, Искендеръ подсѣлъ рядомъ къ Кичкенѣ: духъ у него занимался отъ радости, сердце обливалось невыразимо сладкимъ пламенемъ. Онъ былъ подлѣ ней, касался ея, чувствовалъ жаръ ея щекъ, дрожать ея дыханія: и онъ былъ мусульманинъ, и ему только-что минуло двадцать лѣтъ! Онъ не могъ выдержать искушенія, когда Кичкене, привставъ, чтобы лучше взглянуть внизъ, оперлась рукой на его колѣно.

— Кичкене, произнесъ онъ тихо, встань: мнѣ нужно сказать тебѣ два слова, — и онъ крѣпко сжалъ ея руку, подымаясь.

Мысли задумчивой Кичкене были полны Искендеромъ: его искала она въ потокѣ лицъ, озаренныхъ факелами, его взоръ надѣялась встрѣтить между тысячами взоровъ. Не Ешидъ привлекъ ее на представленіе, не Ешидъ занималъ теперь. Увѣренность поглядѣть хоть еще разъ на жениха, которымъ ее поманили, и котораго отняли потомъ безъ причины, поглотила все ея вниманіе: каково жъ было ея из-

умленіе, ея страхъ, когда голосъ, котораго эхо было сердечное воспоминаніе, прозвучалъ ей на ухо! Крикъ замеръ у ней на устахъ, она не имѣла силы ни жестокости сопротивляться. Пекендеръ-бекъ увлекъ ее на самый темный уголъ кровли: зрительницы такъ заняты были Езидомъ и Эльчи, что ихъ вниманія не чего было страшиться.

— Я люблю тебя, Кичкене, сказалъ онъ испуганной красавицѣ: горячо люблю! Ты видишь, на что я рѣшился, для того только чтобы поглядѣть на тебя, сблизиться съ тобою: можешь угадать, на что рѣшусь, если ты скажешь — Пекендеръ-бекъ, я тебя не люблю! ..... *Да или нѣтъ*, милая?

Глаза его пылали, жгли; правая рука сжимала пистолетъ. Бѣдная дѣвушка трепетала, робко озираясь. Казалось она бы рада была, если бъ кто ее выручилъ; казалось, она проклала бы того, кто помѣшалъ бы ей слушать эти страшныя и вмѣстѣ чарующія слова. Пекендеръ! наконецъ произнесла она, послышавъ рѣзкій взводъ курка: я твоя жертва; только не сгуби себя, не обезчести меня..... Позволь мнѣ уйти!..... Я бы рада обнять тебя, какъ поясъ сабли..... но ты знаешь какой человѣкъ мой дядя! Звонкій поцѣлуй

но прерываясь. Краткій мигъ данъ любви на Востокѣ, но она какъ сновидѣніе умѣетъ умѣщать въ него тысячи оттѣнковъ, тысячи происшествій, всю долговременную борьбу Европейской страсти. О, не говори мнѣ про утреннюю зорю, *азизымъ*! Какъ можешь ты любить свою завистницу?..... Такъ ты соглашаешься, не правда ли? Ты соглашаешься, безцѣнная *кымать зисъ*! Мы увидимся завтра ночью! Никто не слыхалъ, что сказала Кичкене, но на лицѣ Искендера отразилось — завтра. Минуты подруги разстались.

Не знаю, какъ провела ночь послѣ такой поучительной встрѣчи милая Кичкене; но Искендеръ-бекъ заснулъ сладко и скоро: есть грѣхи, послѣ которыхъ спится лучше нежели послѣ добраго дѣла. Если бъ вы увидали тогда его прелестное лице, покоящееся подъ улыбкою нѣги, вы бы сказали, что сами видите гирлянду мечтаній, обвивающую беззаботное чело юноши.

IX.

М. Т.

ЭПИГРАФЪ ИЗЪ АЛКОРАНА *.

На послѣ-завтра отъ окончанія праздненства тризны по Гуссейнѣ, въ крѣпости Нарынъ-Калѣ у комендантскаго дома былъ большой съѣздъ бековъ, по случаю какого-то царскаго дня. Шукеры и уздени ** въ блестящемъ вооруже-

* На нѣкоторыхъ главахъ Корана, вмѣсто обычнаго заголовка, *бисмеле*, Магометъ ставитъ какія-нибудь двѣ буквы Арабской азбуки. Смыслъ ихъ, говорилъ онъ, извѣстенъ одному Аллаху, со словъ котораго Джебраилъ писалъ эту книгу.

** Уздень, üzden, слово Татарское, сложенное изъ двухъ üz и den, *самъ* и *отъ* то есть, отъ себя (зависящій), *самъ собою* (живущій). Оно извѣстно только въ Лезгистанѣ, и напрасно приписано Русскимъ Черке-

ніи водили и держали коней подъ попонами, расшитыми шелкомъ съ бахрамою изъ кистей. Живописныя купы Табасаранскихъ, Кара-Кайтахскихъ и Дербендскихъ владѣльцевъ разговаривали между собою у фонтана, или на площадкахъ лѣстницъ, безпрестанно пересѣкающихся какъ на театральной декораціи. Обсаженная тополями, караульня вѣнчала эту картину своими бѣлыми аркадами и сверкающими иглами штыковъ.

Зала была полна почетныхъ гостей и гражданъ. У дверей, комендантскій переводчикъ что-то разсказывалъ съ жаромъ: его слушали и разспрашивали со вниманіемъ. Вездѣ шептались; старики пожимали плечами; видно было, что произошло недавно что-то необыкновенное.

— Да, продолжалъ *дильмачъ*: разбойники разломали потихоньку простѣнокъ и влѣзли въ спальню Сулейманъ-бека; онъ проснулся тог-

---

самъ. Это родъ нашихъ инородцевъ. Они обязаны ханамъ только службою во время войны да разъѣздами въ гонцы: другой подати не платятъ. Живутъ иногда особыми селеніями; чаще разсѣяны между рабами хановъ, *кулами*; происходятъ первоначально отъ воиновъ покорителей туземцевъ; умножены вольно-отпущенными. Чѣмъ глубже въ горы, тѣмъ они воинственнѣе, независимѣе и многочисленнѣе.

да только, когда одинъ изъ нихъ сталъ снимать оружіе надъ его постелью. Разумѣется, онъ выхватилъ изъ подъ-подушки пистолетъ и выстрѣлилъ на угадъ, но видно далъ промахъ. Въ это время двое другихъ, которые успѣли въ сосѣдней комнатѣ связать жену его, и въ сѣняхъ работника, подоспѣли на помощь двумъ возившимся около Сулеймана: темнота мѣшала видѣть другъ друга, и потому онъ успѣлъ нанести нѣсколько ранъ наступавшимъ, прежде чѣмъ былъ самъ раненъ. Наконецъ многіе удары по головѣ кинжаломъ оглушили его; онъ упалъ замертво. Между-тѣмъ выстрѣлъ и крикъ растревожили сосѣдей, и покуда они зажгли фонари, сбѣжались и разломали ворота, разбойники разбили сундуки, очистили ихъ, и ушли, убѣжали, такъ что слѣду нѣтъ.

— И неужели ни одного не могли поймать или отыскать по примѣтамъ? спросилъ кто-то изъ пріѣзжихъ.

— Поймали вблизи одного ихъ товарища: онъ видно поставленъ былъ на караулѣ. У него около тѣла обвита была веревка, конечно, для того чтобъ спустить молодцевъ черезъ городскую стѣну. За поясомъ нашли заряженный пистолетъ и кинжалъ. Ну, да кинжалъ, прав-

да, онъ имѣлъ право всегда носить по званію бека!

— Бекъ? Не можетъ быть, чтобы какой-нибудь бекъ захотѣлъ участвовать въ разбоѣ! вскричали многіе.

— А почему бы и не такъ, возразилъ мирза, насмѣшливо посматривая на нѣкоторыхъ. Есть беки, которые вздыхаютъ по ханскомъ правленіи. Молодежь любитъ погулять, не то чтобы изъ добычи, а для удальства.

— Да-съ, пойманный вчера съ поличнымъ былъ бекъ изъ лучшей фамиліи. Вы удивитесь, когда я скажу, кто онъ! Онъ Искендеръ-бекъ-Кальфаси-оглы! Комендантъ разсматриваетъ теперь донесеніе калабека и дежурнаго по карауламъ, а Искендера вы сейчасъ увидите: его велѣно привести съ гаубтвахты.

Всѣ, кому было это новостью, вскрикнули отъ удивленія и сожалѣнія. Какъ! тотъ юноша, котораго поведеніе признано было въ одинъ голосъ цѣлымъ городомъ за примѣрное, попался участникомъ въ уголовномъ преступленіи, въ воровствѣ и ночномъ разбоѣ?.....

Впрочемъ, нашлись люди добрые, которые говорили, что имъ это ни сколько не удивительно; что Искендеръ-бекъ былъ всегда скрытенъ, что пороки не ждутъ возраста, что они входятъ несѣянные, не лѣленные. Людей

противуположныхъ сущностью и наружностью нравамъ и понятіямъ Европейскихъ. То, что у насъ считается преступленіемъ, у нихъ нерѣдко похвально; что у насъ терпимо, у нихъ раждаетъ кровавую месть; и на равнинѣ — такъ; въ горахъ — совсѣмъ иначе. Притомъ же, по необходимости допущенное, тройственное судопроизводство, то есть, Русское, ханское и третейское, по старинымъ обычаямъ, *шаріатъ*, затрудняетъ равно слѣдствіе и рѣшеніе. Тутъ мало быть законовѣдомъ и безпристрастнымъ: тутъ надо быть сердцевѣдомъ этого народа. Горцы вообще прямодушнѣе, зато непокорнѣе; горожане — плашмя передъ властью, зато вы не найдете въ свѣтѣ людей умѣющихъ лучше ее обѣжать или провести. Лукавцы и кляузники, они съ удивительною смѣтливостью угадываютъ и разработываютъ въ свою пользу слабости тѣхъ, кто ими правитъ. Не находя въ этомъ комендантѣ ниціи для своихъ козней, и того менѣе имъ пощады, они сначала крѣпко не полюбили его, поперечили ему, клеветали на него потихоньку. Тотъ все шелъ, и наконецъ увлекъ ихъ прямой дорогой. Онъ явился въ залу въ полномъ мундирѣ.

Положивъ правыя руки на сердце, и потомъ при поклонѣ сжимая ею свое правое колѣно,

ради [illegible] и [illegible] жужжали [illegible]
начальнику, желанья счастія всему дому Падишаха. Комендантъ кланялся всѣхъ, говорилъ немногимъ о дѣлахъ: иного журилъ за невысылку подводъ или обвиненныхъ, другихъ благодарилъ за успѣшное порученіе; не подалъ руку двухъ или трехъ владѣльцамъ, отличнымъ своею преданностью Россіи; пригласилъ нѣкоторыхъ къ обѣду.

— Благодарю васъ, *аскеры*, наконецъ сказалъ онъ собранію, что вы навѣстили меня въ праздникъ, радостный для всѣхъ подданныхъ Русскаго Императора: сегодня мы празднуемъ память рожденія одного изъ Царскихъ сыновей. У насъ — одинъ Богъ, одинъ Падишахъ, и мы каждый по-своему помолимся Богу, чтобы онъ сохранилъ здоровье нашего Падишаха для общаго нашего счастія. Господа окружные беки! вы слышали, я думаю, о грабежѣ, случившемся здѣсь прошлою ночью. Я имѣю всѣ доказательства, что онъ совершенъ не жителями Дербенда, а прихожими горцами. Прошу васъ поэтому употребить всѣ средства, открыть и представить ко мнѣ виновныхъ; съ моей стороны будутъ посланы довѣренные беки развѣдать объ участникахъ и укрывателяхъ. Здѣсь уже дѣлаются обыски и допросы. Ну, что, сказалъ онъ обращаясь къ мирзѣ:

увѣщевалъ ли мулла Искендера признаться, и что говоритъ онъ самъ?

— Мирза отвѣчалъ, что Искендеръ стоитъ въ своей невинности по грабежу. Что жъ касается до прочаго, онъ признаетъ себя неправымъ, хотя безъ всякихъ преступныхъ намѣреній. Веревку взялъ онъ, по его словамъ, чтобы спуститься съ городской стѣны въ поле погулять; ему стало душно внутри города: а кто жъ пойдетъ за городъ безъ оружія ночью, когда и днемъ всякій вооружается?

— Неумѣстныя прогулки! замѣтилъ комендантъ. Тутъ что-то кроется, хотя я никакъ не могу согласить съ этимъ грабежемъ всегдашняго добраго поведенія Искендеръ-бека. Введите его сюда.

Искендеръ-бекъ, по общему обычаю, вошелъ въ шапкѣ, но безъ туфлей, почтительно поклонился коменданту, гордо собранію, и скромно сталъ на указанное мѣсто.

Комендантъ вперилъ проницательныя очи въ обвиненнаго; юноша покраснѣлъ отъ мысли, что его подозрѣваютъ, но взглядъ его былъ ясенъ и не робокъ.

— Никогда не ожидалъ я, произнесъ наконецъ комендантъ, видѣть тебя передъ собою, Искендеръ-бекъ, какъ преступника!

— Не преступленіе, а судьба привела меня передъ судъ, отвѣчалъ тронутый Искендеръ.

— Знаешь ли важность вины, въ которой обвиненъ ты?

— Я узналъ только здѣсь, въ чемъ меня обвиняютъ. Сознаюсь въ своей вѣтренности; чувствую, все обвиняетъ меня: но я не причастенъ къ этому дѣлу, видитъ Богъ!

— Люди должны уступать явнымъ доказательствамъ, и потому, покуда сомнѣнія на тебя не разсѣются, ты долженъ быть арестованъ. Впрочемъ, если найдешь изъ почетныхъ гостей моихъ законнаго поручителя, я избавлю тебя отъ заключенія.

Комендантъ зналъ, что въ бѣду падаютъ, какъ въ пропасть, вдругъ, но въ преступленіе сходятъ по ступенямъ, и не хотѣлъ ожесточить суровостью неволи, можетъ-быть, невиннаго молодаго человѣка, тѣмъ менѣе, что онъ имѣлъ всѣ средства надзора за его сношеніями. Искендеръ-бекъ окинулъ глазами собраніе, какъ бы спрашивая взоромъ, кто за меня будетъ порукой? Но бѣда какъ зараза удаляла отъ него всѣхъ. Всѣ потупляли очи, поглаживали бороду и молчали.

— Что жъ! никто? сказалъ комендантъ.

— *Сизинъ ахтіарынъ!* отвѣчали всѣ кланяясь: ваша воля!

— Я ручаюсь! произнесъ Гаджи-Юсуфъ, протолкавшись изъ за долгобородыхъ впередъ.

Комендантъ улыбнулся: разумѣется, гости чуть чуть не засмѣялись. Онъ нахмурился: и у всѣхъ вытянулись лица до пояса.

— Для меня странно, господа почетные граждане Дербенда, что вы, безпокоя меня просьбами выпускать на поруки нашихъ отъявленныхъ мошенниковъ, и нерадъ ручаясь за такихъ людей, которые, пренебрегъ порукой, бѣжали въ горы, не хотите успокоить молодаго бека, котораго недѣлю назадъ признали за самаго достойнаго; котораго я по вашимъ же свидѣтельствамъ представилъ къ наградѣ, въ числѣ пропущенныхъ, отличившихся во время осады города Кази-Муллою. Отъ суда не скроется его преступленіе, если онъ виновенъ, и оно приметъ полную мѣру наказанія; но, покуда онъ не судимъ, не осужденъ, онъ вашъ товарищъ и его примѣрная прежняя жизнь стоитъ какого-нибудь вниманія. Впрочемъ, порука дѣло добровольное. Искендеръ-бекъ, отправляйся домой: я самъ за тебя порукой.

Комендантъ раскланялся, чтобъ ѣхать на церковный нарядъ.

Слезы, сладкія слезы благодарности брызнули изъ очей растроганнаго юноши. Никогда не ожидалъ онъ отъ Русскаго, отъ начальни-

ка, такого великодушія, и тѣмъ сильнѣе оно на него подѣйствовало. Онъ готовъ былъ пасть на колѣна передъ комендантомъ, поцѣловать его руку какъ у отца, разсказать тайну любви своей, которую изъ него не исторгла бы пытка; тайну, которая и теперь вела его въ вѣчную ссылку, съ тяжкимъ именемъ преступника.

Между-тѣмъ Татарская знать отхлынула изъ залы коменданта. Самые заклятые честолюбцы, не успѣвъ своими частыми поклонами выработать у начальника пары словъ, оставались назади и, переждая другъ друга, чтобъ выйти послѣдними, готовы были выдержать по нѣскольку пинковъ отъ мирзы, только бы успѣть остаться минутку за дверями, — потомъ важно надѣть у порога туфли и, съ значительно гордымъ видомъ, расталкивая завистливую толпу, за тайну молвить кой-кому: — Ну, ужъ замучилъ меня комендантъ разспросами да порученіями! Есть свои, есть и общіе коньки у всѣхъ народовъ, а Татаро-Персіяне, какъ извѣстно, народъ конный по-преимуществу.

Жаркое утро золотило каменный помостъ большой Дербендской мечети, но свѣжая тѣнь келій съ востока, зыбкій шатеръ огромныхъ чинаровъ посреди, и прохладная галлерея, висящая на [illegible]

пріютъ цѣлому народу прехиленькихъ татарчатъ, распѣвающихъ передъ муллами свои уроки *. Подобно жужжанію пчелинаго роя струились въ воздухѣ голоса ихъ и, казалось, перекликались съ привѣтнымъ шумомъ фонтана, плещущаго, сверкающаго въ глубокомъ водоемѣ. Около него рѣзвилось нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ, черная воду звонкими кувшинами. У открытыхъ дверей мечети сидѣли старики, грѣя солнцемъ и разсказами о быломъ свои холодѣющія сердца. Два три посѣдѣлыхъ или случайныхъ нищихъ тѣснились подъ сводомъ воротъ. Въ углу, на брошенной буркѣ, отдыхалъ какой-то путникъ: вся жизнь, всѣ случайности мусульманской жизни, видѣлись тутъ въ лицахъ. Надежды и воспоминанія, заботы гражданства и краткій отдыхъ боевого пути, сошлись по обычаю подъ мирную сѣнь святыни, простертую равно для богача и бездомнаго, для довольнаго и несчастливца.

Невдалекѣ отъ путника розостлалъ свой коврикъ мулла-Садекъ. Святой мужъ готовился назавтра выѣхать изъ Дербенда и потому сводилъ свои счеты, выкладывалъ барыши, и, мурлыча про себя похвалы собственному умѣнью обтачивать свои дѣла, съ счастливымъ лицемъ

* Замѣчательно, что у Татаръ читать и пѣть выражается однимъ и тѣмъ же глаголомъ *охумакъ*.

макалъ тонкіе *лавашы** въ чашку кислаго молока съ чеснокомъ, лакомство Татаръ; то макалъ тростинку въ мѣдную чернилицу, заткнутую у него за поясомъ въ видѣ кинжала, и что-то записывалъ на листкѣ лощеной бумаги, напередъ заботливо отгоняя мухъ, чтобы онѣ нескромною лишнею точкою не переиначали смысла рукописи **. Умилительно было глядѣть на него, какъ онъ жевалъ съ душевнымъ наслажденіемъ свой завтракъ и потомъ еще съ большимъ восторгомъ считалъ на ладони карманныя деньги. Онъ такъ былъ погруженъ въ созерцаніе серебряныхъ созвѣздій, съ такимъ вниманіемъ разбиралъ стертыя подписи на Русскихъ четвертакахъ и Персидскихъ двуабазникахъ, что вы бы могли его почесть придворнымъ астрологомъ шаха или однимъ изъ членовъ Академіи Надписей. Онъ не слыхалъ и не видалъ что передъ нимъ минутъ пять стоитъ и канючитъ бѣдный Лезгинъ, у котораго давно уже Дербендская грязь служила вмѣсто подошвъ, а Дагистанское небо вмѣсто бурки; у котораго сквозь лохмотья видно было все тѣло, а сквозь

* *Лавашы*, въ листъ бумаги сухіе блины. Ихъ подаютъ при обѣдахъ вмѣсто закуски и сальфетокъ.

** Извѣстно, что Татарское письмо опущаетъ гласные, а точки служатъ титлами для различенія подоб-

тѣло навѣрно можно бы увидать желудокъ, если бъ нашелся человѣкъ, чтобъ его въ этомъ подозрѣвать. Бѣдняк такъ жалобно просилъ милостыни, *бирь Аллахъ угюнъ*, ради единаго для всѣхъ Бога; такъ жадно глядѣлъ на завтракъ муллы Садека, что не грѣхъ было побожиться — онъ не ѣлъ ни крошки хлѣба съ послѣдняго новолунія. Грѣхъ было не тронуться его положеніемъ, но черствое сердце сребролюбца не размягчитъ состраданіе, и совѣсть напрасно изломаетъ надъ нимъ зубы. Мулла Садекъ поднялъ глаза на нищаго, надвинулъ на брови папахъ и принялся считать *эхадъ*, *ашуратъ*, *міатъ*, *альфатъ*, единицы, десятки, сотни, тысячи. . . .

— Я три дня не ѣлъ, мой ага, мой эфенди, мой *пиръ**! говорилъ несчастный, протягивая руку.

— *Эхадъ*, *ашуратъ*, *міатъ*, повторялъ мулла Садекъ.

— Одинъ грошъ спасетъ меня отъ голодной смерти хоть на день, а тебѣ отворитъ ворота райскія на вѣкъ.

— *Ашуратъ*, *міятъ*, *альфатъ*, твердилъ Садекъ.

— Ты мулла: вспомни, чему учитъ всѣхъ насъ

* Пиръ, человѣкъ угодный Богу дѣлами или страданіями. У Суннитовъ.

Курбан-и-алишанъ, изъ высокостепеннаго Корана: не первый ли долгъ мусульманина —милостыня.

Мулла Садекъ потерялъ счетъ и терпѣніе.

— Убирайся ты къ чорту, суннитскій недовѣрокъ! вскричалъ онъ съ сердцемъ. Развѣ для такихъ какъ вы мошенниковъ выдумалъ Аллахъ милостыню? Для васъ есть трава въ полѣ и палки въ городѣ: вотъ все! Есть сила, такъ вы разбойничаете; нѣтъ силы, выманиваете у правовѣрныхъ *шаги* родныя денежки, да послѣ надъ ними смѣетесь. Нѣтъ тебѣ отъ меня ни куска чурека, ни гроша; самъ я дорожный человѣкъ, да и послѣднее отнялъ у меня проклятый землякъ вашъ, Мулла-Нуръ, когда я ѣхалъ сюда: облупилъ, словно каштанъ, разбойникъ.

Путникъ, безмолвно до-сихъ-поръ лежавшій въ углу, приподнялся на руку, разгладилъ свое угрюмое лице и учтиво спросилъ раздраженнаго разсказомъ муллу:

— Но ужели Мулла-Нуръ былъ такъ безжалостливъ и безсовѣстенъ, что пустилъ такого почтеннаго, святаго человѣка, какъ онъ, нищимъ? Я слыхалъ, прибавилъ онъ, будто Мулла-Нуръ грабитъ очень учтиво, очень полюбовно, и рѣдко беретъ съ головы болѣе двухъ рублей серебромъ.

— Двухъ рублей! Льлаго и льлалы его такой жидъ, что не вздумается выпуть у насъ послѣдніе два глаза! Да низвергнетъ его Шамъ Али въ *джеханнемъ*, и сварить въ томъ золотѣ, которое у меня онъ отнялъ! Даже два мой верблюжій плащъ позарился, волчья душа!

— *Сунетъ верчекъ!* обрѣзанная правда! сказали человѣкъ пять Дербендцевъ. Мулла-Садекъ пріѣхалъ къ намъ, будто изъ Поснаго потопа выплылъ: мы складывались, чтобы одѣть, снарядить, вознаградить его. Да будетъ проклятъ этотъ разбойникъ Мулла-Нуръ!

Путникъ всталъ на ноги, улыбаясь: слышно было какъ бряцали его стальныя поручи о кольчугу; онъ досталъ изъ кармана чернопесцъ, и показывая бѣдному Лезгину, сказалъ: Проклятіи Мулла-Нура, и онъ твой!

Лезгинъ быстро протянулъ-было за нимъ руку, но потомъ остановился въ раздумьѣ.

— Мулла-Нуръ помогъ деньгами въ нуждѣ моему брату, и многихъ земляковъ моихъ выручалъ изъ бѣды. Я не знаю его въ лицо, но по сердцу знаю: возьми назадъ свое золото; я не продаю проклятій.

Странникъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на изнемогающаго отъ голоду бѣдняка, съ укоромъ на богатаго муллу. Богачъ бросилъ про-

богатыми за орошеніе полей съ мареною, они имѣютъ менѣе ихъ воды на полосу. Упрямцы эти никакъ не могли вдолбить себѣ въ голову, что по законамъ Азіатской гидростатики неотмѣнно разливается вдвое больше воды на полосу того, у кого вдвое болѣе земли. Ужъ онъ, уставши кричать, сбирался было писать выкладку этой задачи на пятахъ непонятливыхъ слушателей, когда таинственный путникъ соскочилъ передъ нимъ съ лошади.—*Селямъ алейкюмъ*, Мугаррамъ-бекъ! произнесъ онъ. Мугаррамъ-бекъ вздрогнулъ, будто скорпіонъ кольнулъ его ниже кушака. Восклицаніе замерло на губахъ; пальцы и ротъ разинулись отъ удивленія. Положивъ руку на пистолетъ, путникъ наклонился надъ ухомъ кала-бека: —Послушай, Мугаррамъ, не тронь стараго знакомца. Я пріѣхалъ сюда не для своей, а для твоей пользы. Я сослужу тебѣ славную службу: пойдемъ только въ твои покои. Тамъ я скажу тебѣ такую тайну, за которую ты мнѣ, а весь Дербендъ тебѣ вѣчное спасибо! Впрочемъ — если ты заикнешься, или мигнешь своимъ, чтобы схватить меня, такъ знай что въ этомъ пистолетѣ пуля да шесть картечей, и—сейчасъ съ базара кремень. А когда твой желудокъ переваритъ все это, то двѣнадцать молодцевъ

отомстать за мою гибель. Ты знаешь, что я не люблю хвастать. Пойдемъ!

И весело, какъ будто онъ предложилъ кала-беку удалую гуляпку, пошелъ незнакомецъ по лѣстницѣ. За нимъ, кряхтя, можно сказать, скрыпя, потащился испуганный кала-бекъ. Что и о чемъ толковали они битые полчаса, не могъ я дознаться, даже отъ болтливаго чауша, имѣвшаго похвальную привычку подслушивать у дверей. Знаю только, что незнакомецъ преспокойно сѣлъ на коня, котораго съ почтеніемъ подвели ему. Бросилъ полтинникъ нукеру, поддержавшему ему стремя и, озираясь на всѣ стороны, выѣхалъ изъ городскихъ воротъ. Дня черезъ два разсказывали будто это былъ знаменитый Мулла-Нуръ; будто кала-бекъ послалъ догонять его дюжину нукеровъ, но что онъ показалъ имъ только подковы своего скакуна. Кажется, это сказка.

А между-тѣмъ бѣдный юноша изнывалъ въ стѣнахъ своего дома. Злобный случай привелъ его вблизь того мѣста, гдѣ совершилось злодѣяніе, и онъ, вмѣсто сладостнаго поцѣлуя свиданія на уста, получилъ тяжкій ударъ обвиненія, въ самое сердце; но онъ лучше хотѣлъ отдать поруганію собственную честь, нежели запятнать доброе имя невинной дѣвушки. Разлука томила его: но неизвѣстность терзала еще

Болѣе: медленность суда — адъ для всѣхъ жителей Азіи: они охотнѣе перенесутъ неправую казнь чѣмъ справедливую проволочку. И не думайте, что это привычка: нѣтъ, это природа Востока. Мгновенное рѣшеніе паши, кадія или *джемаата*, *меслаата**, *шеріата*, каково бы оно ни было, чего бы ни стоило, для жителя Востока всегда милѣе подробнаго, безпристрастнаго, милосердаго приговора Европейскаго суда. Азіатецъ живетъ только въ настоящемъ, потому что *сегодня* его такъ прекрасно, а *завтра* такъ невѣрно. Завтра дунетъ вѣтеръ съ юга, и навѣетъ гнилую горячку, холеру. Завтра онъ купитъ себѣ чуму въ тюкѣ хлопчатой бумаги. Завтра онъ поѣдетъ въ путь и оборвется съ утеса, будетъ изколотъ буйною рѣкою, растерзанъ тигромъ, кроющимся въ камышахъ, застрѣленъ изъ-за куста разбойникомъ, или кровоместникомъ. Перемѣните природу Востока, дайте его жизни Европейскія условія, перелейте въ нашу форму нравы его обществъ, и тогда требуйте отъ Восточныхъ терпѣливости въ ожиданіи неумытнаго суда, твердости въ неволѣ; но покуда надъ нимъ дышетъ тлѣтворный, хотя пре-

---

* Собраніе старшинъ у Кавказскихъ народовъ, совѣтъ, судъ по Корану или по преданію.

лестный климатъ, покуда онъ окруженъ опасностями на каждомъ часу и каждомъ шагу, онъ не перестанетъ быть фаталистомъ и цѣнить настоящій мигъ выше всего въ обѣихъ жизняхъ.—О! восклицалъ нетерпѣливый Искендеръ: скорѣй бы смерть или вѣчныя оковы на снѣгахъ Сибири, чѣмъ это ядовитое подозрѣніе Русскихъ, которые научили себя любить, и насмѣшки земляковъ моихъ, которыхъ ненавижу болѣе чѣмъ прежде. Лучше умереть отъ сабли, чѣмъ умирать отъ иглы! И онъ запертый замкомъ честнаго слова, прыгалъ какъ тигръ въ своей клѣткѣ, рвалъ съ досады рукава платья, плакалъ какъ дитя.

Въ сумерки, въ тотъ часъ, когда мусульманскія улицы пустѣютъ, а дома оживляются голосомъ и свѣтомъ; когда отовсюду несется звукъ чашъ и подносовъ, повсюду разливается благоуханіе плова, упитаннаго пряностями; въ сумерки, когда семейный мусульманинъ отдыхаетъ душою, а одинокій горюетъ вдвое у пустыннаго своего огонька, — Искендеръ-бекъ послышалъ, что въ окно что-то прожужжало и упало на полъ. То была привязанная къ камню записка. »Мулла-Нуръ Искендеръ-беку привѣтъ! Лучше быть невинному въ неволѣ, чѣмъ виноватому на свободѣ: вѣрь этому! Я

бѣды: Аллахъ да устроитъ остальное! Терпи, надѣйся: оправданіе не далеко!«

И въ самомъ дѣлѣ, на другой день, Искендера потребовали къ коменданту, но онъ не успѣлъ еще дойти до него, и его ужъ двадцать голосовъ поздравили съ счастливою развязкою. — *Шюкюръ Аллахъ! Аллаха шюкюръ!* раздавалось на встрѣчу и по слѣдамъ его. Разбойники пойманы: они собрались къ Бахтіару дѣлить добычу, и были захвачены всѣ вдругъ: четверо изъ нихъ Лезгины, двое горожанъ, въ томъ числѣ самъ хозяинъ. У этого бездѣльника нашли двойную стѣну, за которою заложенныя воровскія вещи нѣсколько разъ избѣгали обысковъ. Теперь воровское гнѣздо разорено, и честные люди могутъ спать спокойно. Допросы оправдали Искендеръ-бека такъ, что имя его стало бѣлѣе и слаще сахару!

Неблагодарность не была порокомъ Искендеръ-бека: онъ такъ мало занялъ у своихъ земляковъ! Тронутый, пристыженный великодушіемъ начальника, онъ открылъ глаза на достоинства Русскихъ, и убѣжденія, долго отрѣваемыя, толпой втѣснились въ его сердце. Великое дѣло вѣра! Она воскрешаетъ всѣ воспоминанія, убитыя равнодушіемъ, и облекаетъ ихъ въ юношескую красоту, въ силу не-

побѣдимую. Вѣра, мы разсмотрѣть доблести одного человѣка на цѣлый народъ, или, смотря на него сквозь призму любимой нами доблести, видимъ всѣ его поступки добродѣтелями. Одна идея тогда закрашиваетъ, поглощаетъ всѣ другія, и, сердцемъ переиспытанная въ чувство, загарается нерѣдко сокрушительною страстью. Будь это фанатизмъ, будь это пріязнь, будь это любовь, — это всегда будетъ достойно уваженія, потому что оно искренно, потому что истокъ его чистъ. Искендеръ-бекъ такъ же пылко привязался къ Русскимъ, какъ прежде не любилъ ихъ отъ глубины сердца. Онъ разсказалъ все коменданту, и похожденія своей любви, и превращенія своей ненависти; онъ просилъ одной только возможности доказать службою свою привязанность. Его пожурили за нарушеніе обычаевъ; его похвалили за доброе намѣреніе. Комендантъ заключилъ словами: — Искендеръ-бекъ, ты самъ испыталъ до чего могла довести тебя неповиновенная склонность! Ни Богъ, ни люди, не прощаютъ преступленія своихъ завѣтовъ: ты обвиненъ былъ напрасно въ одномъ дѣлѣ, но спроси у своей совѣсти — былъ ли ты правъ въ другомъ? Развѣ одна лишь кража вещей позорна? . . . Смирись же передъ судьбой

несправды, не купишь счастья; знай и то, что добрый человѣкъ ничего не дѣлаетъ въ тайнѣ: ночь и тайна—одежда разбойниковъ и обманщиковъ. Будущее счастье твое въ твоемъ сердцѣ, твоемъ усердіи. Русскіе умѣютъ отличать и награждать достойныхъ.

Искендеръ-бекъ избавился отъ неминучей бѣды, но избавленіе есть отрицательное благо; оно радуетъ на мигъ, и притомъ не приливаетъ капли счастія въ кубокъ жизни. Тяжко было юношѣ разстаться съ мечтой — сестрой его сердцу, съ мыслію обладанія, которую онъ привыкъ звать кровнымъ правомъ своимъ. Поцѣлуй, полу-данный, полу-сорванный съ устъ Кичкени, какъ роскошное эхо, тысячу разъ повторялся въ его сердцѣ, пожигалъ жаждою его уста. Онъ припоминалъ всѣ подробности послѣдней счастливой встрѣчи съ милою: душа замирала въ немъ отъ ея голоса, слышимаго зоркимъ ухомъ воображенія. Онъ съ сладкимъ трепетомъ смыкалъ очи отъ незримыхъ искръ, брошенныхъ неотступнымъ видѣніемъ; простиралъ руки, чтобы обвить ихъ около стройнаго стана красавицы, такъ сладострастно перехваченнаго извивомъ парчеваго архалуха. Онъ кидался какъ безумный съ ковра, желая зубами сорвать золотую пуговъ-

ку*, замыкающую отъ дерзскаго взора цѣлый міръ очарованія, и приходилъ въ ярость, встрѣчая воздухъ, вмѣсто своей невѣсты. — Нѣтъ! восклицалъ онъ: вздоръ писалъ ко мнѣ Мулла-Нуръ; я готовъ преступленіемъ купить себѣ Кичкеню, и увѣренъ, что съ ней буду счастливъ на голой землѣ, подъ кровлей свѣта! Волею или неволею заставлю ее бѣжать со мной въ горы. Окунуть хоть на часъ свое сердце въ блаженство, — и потомъ я готовъ съѣсть его медленно.

И милая Кичкене грустила въ одночествѣ: и она узнала счетъ въ часахъ разлуки, въ долгихъ, безрадостныхъ часахъ.—Роза прижалась къ груди моей и прошептала — взгляни на меня: я весна! Соловей пропѣлъ мнѣ свою завѣтную пѣсню: я назвала его радостью. Искендеръ-бекъ взглянулъ на меня и поцѣловалъ меня: я въ немъ узнала любовь! Но гдѣ жъ роза, гдѣ соловей, гдѣ Искендеръ мой? Куда улетѣло мое счастье?

---

* Восточныя женщины мусульманки вовсе не употребляютъ поясовъ: исключенія чрезвычайно рѣдки.

Бирилисъ екилисъ олды; екилисъ бирилисъ олды.

ШАРАДА ВЪ ЛИЦАХЪ.

Буйно клубится Тенга, спертая въ узкомъ ущеліи, но не тяжкая сила огромныхъ озеръ пробила насквозь огромный хребетъ, чтобы излиться ниже; не подъ бременемъ вѣковъ треснулъ онъ; нѣтъ, онъ раскололся до сердца ада въ раннюю пору міроздаиія, когда растопленный гранитъ кипѣлъ еще подъ самою пятою его, и кора земли, остывая, расторгалась легко отъ взрыва паровъ. Бури многихъ столѣтій не смыли со стѣнъ Тенгинскаго ущелія чернаго клейма огня. Сѣрныя и селитряныя полосы и пятна видны повсюду, гдѣ текло его бурное дыханіе. Цѣлыя скалы, брошенныя землетрясеніями съ вершинъ,

нахмуренныхъ надъ бездною, завалили низъ трещины, и стали дномъ быстраго потока. Понизъ, какъ по ступенямъ, катится онъ, гнѣвный и шумный; злобно грызетъ волнами ложе свое; какъ бѣшеный звѣрь, мечется на стѣны, хлещетъ пѣнною гривою, реветъ громомъ, и наконецъ, разбивъ грудью свою темницу, весело скачетъ по Рустамской долинѣ, мелькаетъ между деревьями лѣса, мечется въ холмахъ, не пойманный ни въ одно колесо мѣльницы. Угрюмы и дики окрестности Тенгинской щели; ужасенъ самый зѣвъ ея. Правый берегъ далеко на долину бросаетъ тѣнь своихъ отвѣсныхъ утесовъ; лѣвый, уклонясь немного всторону, вгоняетъ въ воду конную тропинку, бѣгущую сквозь клиновидную рощицу. Далѣе нѣтъ инаго пути кромѣ ложа водостема; волею и неволею путникъ долженъ съѣзжать на встрѣчу быстринѣ и, положа свое спасеніе на крѣпость ногъ коня, пробиваться выше и выше. Бока этой пропасти, надвигая свои громады надъ громадами до самыхъ облаковъ, грозятъ раздавить его; ревъ потока оглушаетъ, клячъ орловъ наводитъ зловѣщій страхъ на сердце, вѣчный сумракъ и холодъ бросаютъ трепетъ на тѣло. Бѣда неопытному всаднику, если онъ, безъ проводника, рѣшится на борьбу съ этимъ текущимъ адомъ, въ часъ дожде-

Бѣда, если судьба приведетъ его встрѣтить здѣсь разбойниковъ; а это мѣсто любимо разбойниками, потому что бѣгство и защита въ немъ невозможны, потому что крутые повороты и узкость проѣзда предаютъ въ ихъ руки каждаго проѣзжаго, по-одиначкѣ. Здѣсь-то Мулла-Нуръ съ двѣнадцатью человѣками, остановилъ три полка Карабагскихъ и Ширванскихъ всадниковъ, возвращавшихся съ богатою добычею изъ похода генерала Паскратьева во Персіи. При самомъ спускѣ въ рѣку онъ предсталъ имъ, вооруженный съ головы до ногъ, на лихомъ бѣгунѣ; бросилъ на землю бурку и сказалъ: — Привѣтствую васъ, товарищи; да будетъ высокъ вашъ порогъ, какъ высоко вздымалась ваша рука надъ врагами. Аллахъ даровалъ вамъ побѣду и добычу: *мубарекъ олсунъ*, поздравляю съ этимъ! Сдѣлайте жъ и меня участникомъ вашей радости; не требую, но прошу: дайте мнѣ, изъ чести, отъ доброты своей, каждый что захочетъ. Подумайте, братья: вы несете дары своимъ домашнимъ, вы теперь богаты, — я бѣденъ и у меня нѣтъ крова, и на минутный покой я долженъ платить золотомъ. Впрочемъ, знайте, братья, люди у меня отняли все неправдою, но правдивый Аллахъ оставилъ мнѣ храбрость, щед-

рый Аллахъ отдалъ мнѣ въ удѣлъ пропасти и голые утесы, преврѣнные вами. Я властелинъ ихъ, и никто безъ моей воли не перейдетъ черезъ мои заповѣдныя тѣснины. Васъ много, вы храбры, однако, если вздумаете пробиться силою, много потеряете крови, еще больше времени, прежде чѣмъ я и удальцы мои ляжемъ трупомъ: за меня будетъ драться каждый камень, каждый орелъ этого ущелія, я самъ, до послѣдняго зерна пороху, до остальной капли крови. Рѣшайтесь: вамъ много терять; мнѣ нѣчего. Я называюсь Свѣтъ (*Нуръ*), но жизнь моя хуже тмы.

Ропотъ пробѣжалъ по толпѣ Карабагскихъ всадниковъ; многіе негодовали. — Мы стоимъ Мулла-Нура подковами, говорили они: посмотрите сколько насъ, и сколько ихъ. Впередъ, впередъ на разбойниковъ! — Но никто не хотѣлъ быть первымъ; отвага уступила мѣсто разчету. Согласились не на дань, а на даръ. —Мы добровольно удѣляемъ тебѣ, сколько кому вздумается, — говорили всадники, и, морщась, бросали на бурку Мулла-Нура мелкія монетки. — Силою ты бы у насъ не взялъ гвоздя изъ конской подковы! — и по-одиночкѣ проѣзжали мимо. Мулла-Нуръ кланялся, лукаво улыбаясь. — Мудрено ли стричь Дагистанскихъ барановъ, — говорилъ онъ послѣ, когда я

снялъ волну съ Карабагскихъ волковъ! И напрасно жалуются на неурожай въ этомъ году: мои камни даютъ хорошую жатву; надо умѣть только взяться за дѣло, такъ, не только съ каждаго вьюка, съ каждаго дула можно снять по абазу.

Но въ началѣ того лѣта, въ которое развилась наша повѣсть, нигдѣ ничего не было слышно про Мулла-Нура: онъ будто въ воду канулъ. Удалился ли онъ въ Шекинскую область, бѣжалъ ли въ Персію, убитъ ли кѣмъ въ глуши горъ, — не зналъ, не вѣдалъ никто. А между-тѣмъ *керваны* тянулись за кервапами изъ Кубы въ Шамаху, по самой ближней дорогѣ черезъ Тенгинское ущеліе, не встрѣчая обычнаго взимателя пошлины. Перекатъ людей и денегъ совершался свободно; никто не былъ остановленъ Мулла-Нуромъ. И хотя извѣстная честность и умѣренность его никогда не отпугивали отъ горной дороги черезъ Кунакентъ купцевъ и путниковъ, однако жъ всѣ были очень рады кончать путешествіе безплатно и безостановочно.

Выѣхавъ изъ Кубы съ разсвѣтомъ, достопочтенный мулла-Садекъ къ полудню достигъ уже того мѣста, гдѣ рѣка Тенга вырывается на волю изъ тисковъ ущелія. Скупой до высшей степени, онъ никакъ не рѣшился нанять проводника, чтобъ не разрознить своего любез-

наго семейства червонцевъ и рублевиковъ, нажитаго въ Дербендѣ. Увѣренный въ Кубѣ всѣми на счетъ безопасности дорогъ, онъ болѣе всего надѣялся на два сѣрые предъидущіе дня, которые не могли много растопить снѣговъ, и потому русло Тенги полагалъ проѣздимымъ. Но день его выѣзда изъ Кубы былъ ясенъ и жарокъ. Іюньское солнце пекло нестерпимо, такъ, что странствующій мулла нѣсколько разъ перебрасывалъ съ плеча на плечо разгорѣвшееся свое ружье: оно жгло его набожную спину. Онъ радъ былъ, добравшись въ тѣнь лѣска и утесовъ прибрежныхъ, но очень не радъ увидя вздутую рѣку. Тенга кипѣла, бушевала, росла. Какъ ни велико было его желаніе поспѣть къ празднику Курбанъ-байрама (Жертвоприношенія) въ Шамаху, гдѣ надѣялся получить порядочную плату за свои проповѣди, потому что свѣтъ новомѣсячья имѣетъ магическое свойство разплавлять сердца мусульманъ въ щедрость, — только, страхъ погибели заглушалъ въ муллѣ Садекѣ зудъ корыстолюбія. Кровь охолодѣла въ немъ, когда онъ взглянулъ на громады, висящія надъ его головою, на влагу ревущую подъ ногами. — Чортъ возьми! подумалъ онъ: если бъ эта рѣка текла жидкимъ серебромъ по яхонтамъ, я бы и тогда не рѣшился кинуться въ нее безъ товарища. Ну,

не настоящій ли я былъ оселъ, что не нанялъ въ Рустахъ проводниковъ? Пожалѣлъ червонца, когда мнѣ каждый часъ дороже двухъ! И онъ съ тоскою обвелъ взорами окрестность: она была пуста и безмолвна. Одно эхо, осужденное на вѣчную каторгу пѣнія, вторило грозному шуму мятежныхъ водъ. Однако жъ, приглядываясь пристальнѣе, онъ замѣтилъ въ лѣсу пасущуюся лошадь подъ сѣдломъ, которому баранья шкура служила вмѣсто чабрака; и не много далѣе, средняго роста, добраго съ виду, Татарина, въ простой сѣрой чухѣ, безъ всякаго оружія, кромѣ кинжала. Мука, обѣлившая бороду, шапку и платье этого человѣка, доказывала его ремесло. Мулла-Садекъ ободрился.

— Эй, пріятель! закричалъ онъ незнакомцу: ты вѣрно здѣшній, вѣрно знаешь всѣ броды этой безумной рѣки?

— Здѣшній, отвѣчалъ тотъ, работая надъ черствымъ чурекомъ. Какъ мнѣ не знать всего житья-бытья Тенги, когда она течетъ сюда сквозь мое рѣшето, и съ моего позволенія! Эта рѣчка — моя рабыня: она у меня ходитъ въ колесѣ выше ушелія; толчетъ и мелетъ безъ отдыха.

— Кстати же ты мнѣ попался, добрый человѣкъ! Да благословитъ тебя Аллахъ, если

ты сослужишь мнѣ службу, проведешь сквозь это ущеліе.

— Погоди до ночи, хладнокровно возразилъ мельникъ; вода стечетъ, конь мой насытится, я самъ отдохну отъ дальней дороги, и тогда, въ четверть часа, мы проѣдемъ по этой живой дорогѣ. Теперь опасно.

— О, ради самаго Аллаха, ради святыхъ Алія и Гусейна, ради молитвы моей, (я вѣдь мулла), проведи меня безъ замедленія, теперь же, сейчасъ, въ этотъ же мигъ!

— А, да ты *шаги!* съ презрѣніемъ произнесъ мельникъ. На мой же чортъ мнѣ твои молитвы и благословенія! Разнѣ для пророка въ *джаннемъ?* Для нашего брата сунни, призадумался я бы въ такое полноводье пускаться въ проводники, а для недовѣрка *шаги* и въ засуху не поѣду.

— Полно, полно упрямиться, душа ты моя, черепъ ты мой, *женьмъ таджисаргъмъ!* Аллахъ пролѣетъ на тебя щедроты свои за то, что ты сдѣлаешь добро муллѣ.

— Будь ты муллой хоть надъ всѣми собаками, моимъ муллой не будешь! Аллахъ утопитъ меня середи рѣки, если я проведу этотъ конный грѣхъ къ людямъ.

— Куда бриовлинная у тебя совѣсть, моло-

дець ты мой! Проведи безопасно: я заплачу тебѣ.

Лице мельника зашевелилось улыбкой.

— А что ты мнѣ дашь за мой потъ? спросилъ онъ, почесывая бородку.

— Если ты умудришься вспотѣть по такому холоду, я дамъ тебѣ два абаза.

— Не возьму двухъ рублей серебромъ. *Валлахъ, таллахъ*, менѣе червонца не поѣду! Твоими абазами не подкуешь коня, если онъ сорветъ подковы по этому дну. Да правду сказать, и червонца вмѣсто головы не приставишь: а тутъ не мудрено сломать ее!

Пошли переторжки. Мулла-Садекъ, котораго корысть сдѣлала почти храбрецомъ, настаивалъ ѣхать. Мельникъ упрямился въ цѣнѣ, и поставилъ таки на своемъ. Мулла-Садекъ согласился.

Вручивъ проводнику поводъ коня, мулла совершенно предался его волѣ, его опытности, и не даромъ. Проводникъ безпрестанно переѣзжалъ отъ одной стѣны къ другой, избѣгая глубины или водопадовъ; то направлялся въ самый бой быстрины, то, обогнувъ камень, возвращался почти на прежній слѣдъ. Каждый шагъ открывалъ и поглощалъ новые виды, но мулла-Садекъ былъ не изъ тѣхъ людей, что находятъ прелесть въ ужасѣ; онъ вздрагивалъ при каж-

домъ всплескъ, летящемъ черезъ сѣдло; тѣнь утесовъ лилась на него холодомъ страха; страшную пѣсню напѣвали ему клубящіеся около валы. Когда конь скользилъ по гладкой, подобно зеркалу, плитѣ и несмотря на отчаянныя усилія, съѣзжалъ въ глубь кипучую, онъ проклиналъ свою дерзость, свое корыстолюбіе, онъ молился громко, желая заглушить молитвою сознаніе грѣховъ. Впрочемъ, мятежница совѣсть слышна бываетъ людямъ только въ неминучей бѣдѣ или въ тяжкой болѣзни; а чуть миновало, чуть отдало, — сейчасъ на замокъ эту крикунью, долой голову пѣтуху, который насъ будитъ какъ рано! Щипли его, жарь его, подноси на блюдѣ своему сластолюбію! Послѣ воздержанія — двойной апетитъ: смотрить, ото всѣхъ обѣщаній и намѣреній исправленія не осталось даже косточекъ. Мулла-Садекъ, въ тискахъ опасности, почувствовалъ необыкновенную нѣжность къ святой, безупречной жизни, и падавшъ Алію девяносто девять завѣтовъ не кривить душой для стяжанія золота и хорошенькихъ женъ, — сталъ прежнимъ скупцемъ и сластолюбцемъ, едва ущеліе разступилось долиною. Золотой, веселый лучъ солнца просыпался на него какъ червонцы, которыхъ ждалъ онъ въ Шамахѣ. Зелень манила его какъ покрывало красавицы, кото-

рую купить онъ на эти червонцы. Онъ вздохнулъ отрадно, и оглянулся на пасть тѣснины какъ на страшный, на зловѣщій, но вздорный сонъ; онъ уже гордо закричалъ проводнику своему: пошелъ скорѣе, *зарамъ-заде! Тэзъ ситъ, тэзъ!*

Но рано, слишкомъ рано ободрился нашъ странствующій мулла. Широкая рѣка, поглощаясь вдругъ жерломъ ущелія, прядая незапно черезъ зубчатый порогъ, кипѣла тутъ ужаснѣе чѣмъ гдѣ-нибудь. Отшибенныя волны ниспадали на встрѣчу набѣгающимъ вновь и, споря, сливались въ шумный водобой. Проводникъ остановился въ самомъ спонѣ быстрины, гдѣ огромные лучи влаги распрыскивались другъ о друга, и оборотилъ коня своего.

— Ну, мулла-Садекъ, сказалъ онъ, протягивая руку: берегъ въ десяти шагахъ, пора къ расплатѣ. Ты видишь, что я не даромъ заслужилъ червонецъ!

— Червонецъ? Есть ли въ тебѣ душа, пріятель? Шутишь ты, что ли? Развѣ не знаешь, что въ червонцѣ три монеты *, то есть, пятнадцать абазонъ! Этакъ за каждый шагъ по полуабазинку придется! Ихе! Что я тебѣ серебромъ мостъ развѣ мостить стану? Велика важ-

* Въ нашихъ Закавказскихъ областяхъ такъ зовутъ рубль серебра.

ность проѣхать сквозь эту лужу: тутъ курица безъ башмаковъ ноги не прочистить, а рыба пѣшкомъ взойдетъ. Полно, братъ; съ тебя будетъ и двухъ абазовъ: возьми-ка ихъ, да съ Богомъ!

— А уговоръ? сердито сказалъ мельникъ.

— Вынужденный уговоръ, любезный мой, пустякъ; это и въ Коранѣ сказано. Гдѣ мнѣ, горемычному путнику, заплатить тебѣ такую пропасть денегъ! Меня ужъ и то обобрали здѣсь мошенники до кожи, такъ что я, даромъ мулла, а бѣднѣе всякаго *фагера* сталъ*. Не хочешь брать? Твоя воля! Вотъ же тебѣ мое благословеніе вмѣсто платы. Что жъ ты не ѣдешь?

— Я не тронусь съ мѣста, покуда не сведу съ тобой счета, грозно возразилъ проводникъ: а счетъ мой не за одинъ сегодняшній проѣздъ будетъ. У тебя нѣтъ совѣсти, мулла-Садекъ, но есть память. Ты разславилъ въ Дербендѣ, для того чтобъ выманить у легковѣрныхъ горожанъ лишнюю дюжину червонцевъ, будто Мулла-Нуръ ограбилъ тебя, пустилъ

---

* *Фагеръ*, собственно значитъ бѣднякъ, нищій (*факиръ*), но нерѣдко присвоиваютъ это имя, по обѣщанію, странствующимъ въ вериглахъ дервишамъ (родъ монаховъ). Фагеры эти — великіе обманщики и тунеядцы. За Кавказомъ они пришельцы и рѣдкіе гости.

почти нагаго: скажи теперь, безстыдный лжецъ, гдѣ и какъ это было?

— Никогда не говорилъ я этого! Пусть покарастъ меня Аллахъ, не говорилъ! Пусть не Азраилъ, а шайтанъ, пріиметъ мою душу; пусть я въ этой жизни не найду воды для омовенія, ни огня закурить трубку!

— Набивай грѣхъ на грѣхъ, вѣнчай обманъ ложью, тони въ проклятіяхъ черную душу свою! Помнишь ли дворъ мечети, Садекъ? помнишь ли, что ты сказалъ нищему, что разсказывалъ путнику, лежавшему на буркѣ? Развѣ не ты былъ тогда передо мною, развѣ не я видѣлъ тебя лицемъ къ лицу?

Мулла-Садекъ расширилъ испуганныя очи; страшное сомнѣніе закралось въ его сердце. Черты лица мельника, омытые водою, совершенно измѣнили свое выраженіе; густая, черная бородка, проглянувъ изъ подъ мучной пыли, обрамила смуглое лицо. Изъ подъ сдвинутыхъ бровей засверкали грозныя очи. Однакожъ, не видя на немъ ни какого оружія, мулла-Садекъ почувствовалъ выгоды свои, и схватился вдругъ за винтовку; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ оборотить ее, дуло пистолета уперлось въ его грудь.

— Шевельни усами, не только пальцемъ, красноголовая баба, и ты отправишься внизъ

головою по рѣкѣ проповѣдывать рыбамъ, чтобы онѣ не пили водки! Брось ружье, сними долой саблю! Аллахъ не для Персіянъ выдумалъ желѣзо. Твое дѣло обхѣривать народъ въ лавкѣ, обманывать его на каѳедрѣ*, лгать вездѣ: только не твое дѣло битва, не твое добро отвага. Не шевелись, говорю я тебѣ, сынъ собаки; мнѣ не надо на тебя тратить даже пороху: стоитъ пустить поводъ твоего коня — и ты трупъ!

Блѣдный какъ воскъ, трепетный какъ платъ на вѣтрѣ, стоялъ мулла-Садекъ, схватившись обѣими руками за гриву коня, слѣдя обоими глазами малѣйшее движеніе пистолета, направленнаго ему въ сердце. Бѣдою прыскалъ и шумѣлъ подъ нимъ прибой; смерть віяла изъ руки разбойника; онъ вовсе потерялся между двумя гибелями; онъ невнятно роптала: Помилуй, я мулла!

— Я самъ мулла, возразилъ разбойникъ: болѣе чѣмъ мулла, хотя не муфти, не муштаидъ**: я Мулла-Нуръ!

---

* Муллы не составляютъ исключительнаго класса, и нерѣдко занимаются торговлею, ходятъ на бой, носятъ кинжалы.

** Муфти, духовный глава сунитскихъ муллъ. Муштаидъ, правильнѣе *мужтеидъ*, то же самое для духовныхъ Аліева исповѣданія.

Со стономъ упалъ Садекъ на шею лошади, закрывъ одной рукою свою шею, — будто роковой кинжалъ замахнутъ уже былъ надъ его головою. Долго, злобно, смѣялся Мулла-Нуръ испугу Садека: но наконецъ велѣлъ ему подняться и сказалъ:

— Ты обезчестилъ меня разсказомъ своимъ передъ Дербендцами: ты увѣрилъ всѣхъ, что я отнялъ у тебя послѣднюю копейку, послѣднюю рубашку, я который отдаю нищему кровью купленный кусокъ хлѣба, я который ни съ одного купца не взялъ болѣе червонца въ жизнь мою, и то не для себя, — для товарищей моихъ; а мои товарищи, если бъ не висѣла надъ ними моя рука, грабили и рѣзали бы встрѣчнаго и поперечнаго безсовѣстно, безпощадно. Мало этого; ты хотѣлъ обмануть въ условной платѣ проводника за опасный трудъ, отъ того только, что считалъ его беззащитнымъ бѣднякомъ; готовъ былъ пулею заплатить ничтожный долгъ свой . . . убить меня! . . .

— Сжалься, помилуй! вопіялъ Садекъ.

— Пожалѣлъ ли ты нищаго, умирающаго съ голоду? пощадилъ ли бы ты меня, если бъ я не предупредилъ твоего выстрѣла? Бездушный корыстолюбецъ, злой грѣшникъ! . . . Толкователь святыни, ты чеканилъ деньги изъ каждой буквы Корана и, проповѣдникъ мира,

ты для выгодъ своихъ смущалъ семейства, разлучалъ сердца. Я зналъ тебя, и далъ спокойно проѣхать мимо; ты не зналъ меня и оклеветалъ. Въ первый разъ и добровольно ты сталъ предсказателемъ своей судьбы, собственнымъ судьею. Да будетъ! Завтра ты безъ обмана можешь разсказывать въ Шамахѣ, что я тебя ограбилъ. Вынимай всѣ деньги, которыя ты выпрашивалъ въ проѣздъ свой!

Тяжко было разставаться скупцу съ родною деньгою, но съ жизнію еще страшнѣе. Съ жалобнымъ стономъ, будто изъ него щипцами вырывали душу по кусочку, вынималъ онъ изъ перемотныхъ сумъ серебро и бросалъ въ полу Мулла Нура, сжимая крѣпко въ рукѣ каждый рубль, будто въ надеждѣ, что серебряное масло останется на пальцахъ.—Все, наконецъ произнесъ онъ вздыхая.

— Ты, я думаю, и въ могилѣ червей обманывать станешь, Садекъ! Если не хочешь узнать, сколько въ моемъ пистолетѣ картечей, то вѣрнѣе считай, сколько у тебя въ карманѣ червонцевъ. Ты отдалъ мнѣ сто двадцать рублей серебромъ, но у тебя есть еще золото и мелочь — и мнѣ извѣстно количество каждаго!

Прослезился мой Садекъ, бросивъ послѣд-

нее въ кису Мулла-Нура, какъ плачемъ мы, бросая горсть земли въ могилу родимаго брата! А между-тѣмъ буйная рѣка кипѣла и ревѣла кругомъ; а между-тѣмъ пистолетъ разбойника все-еще грозилъ груди ограбленнаго муллы. Вытащивъ его на берегъ, Мулла-Нуръ сошелъ съ коня и велѣлъ ему сдѣлать то же. У бѣдняги сердце такъ сжалось, что его можно бы уложить въ грецкой орѣхъ.

— Еще дѣло не кончено, произнесъ Мулла-Нуръ. Ты разбилъ свадьбу Искендеръ-бека, ты же долженъ уладить ее по-прежнему. Чернилица у тебя за поясомъ: пиши къ Миръ-Гаджи-Фетхали отказъ за своего брата. Скажи, что онъ не хочетъ, не можетъ жениться на его племянницѣ; что онъ уѣхалъ въ Мекку, заболѣлъ со скуки, умеръ отъ бездѣлья. Выдумай, что хочешь, только бы Искендеръ-бекъ непремѣнно сталъ мужемъ своей прежней невѣсты: нето я прежде срома женю тебя на всѣхъ гуріяхъ! Пиши, то есть, лги: лишняя ложь не разорить тебя!

— Никогда! вскричалъ отчаянный мулла-Садекъ: этого никогда не будетъ! Ты отнялъ у меня все, что имѣлъ я; но что могу и имѣть, отнимешь вмѣстѣ съ душой.

— Въ самомъ дѣлѣ? произнесъ Мулла-Нуръ и ударилъ въ ладоши: двѣнадцать разбойни-

вонъ одинъ другаго роскѣе, одинъ другаго страшнѣе, возникли на этотъ звукъ будто изъ земли, и обетали муллу-Садека, пронзая его озирѣными взглядами.

— Почтенный мулла хочетъ писать, сказалъ имъ Мулла-Нуръ: приготовить все, чего пожелаетъ его присутствіе!

Одинъ Лезгинъ почтительно вытащилъ инкрустированную чернилицу изъ за кушака Садекова, другой подалъ ему листокъ бумаги, вылощенный, съ золотыми рамками; третій обдулъ тростинку, очиненную на восточный ладъ... Между-тѣмъ Садекъ шепталъ: — Не хочу, не стану писать; но, окинувъ робкимъ взглядомъ долины и убѣдившись, что въ такомъ пустырѣ напрасно ждать избавителей, со вздохомъ принялся за дѣло. Сначала однако жъ оно шло очень плохо:

Онъ восемь разъ перо въ чернилицѣ купалъ,
И восемь разъ въ нее, со страху, не попалъ*.

Потомъ губка, намоченная чернилами, показалась ему такъ тверда, что онъ долго не могъ выдавить изъ нея ни капли; потомъ мозгъ его зачерствѣлъ хуже самой губки.

— Пиши хоть своею кровью, думай хоть шапкою! вскричалъ сердито Мулла-Нуръ, за-

* Стихи Петрова.

жѣтинъ, что Садекъ возится съ перомъ и третъ пальцемъ лобъ свой: но пиши скорѣе, кто я поставлю у тебя надъ бровями такой *дю-вирь**, что одинъ разъ бѣсъ догадается, на какую букву походилъ носъ твой.

Какъ скоро посланіе къ Миръ-Гаджи-Фетхали было готово, и печать *Абдуяю муллу Садекъ-ибнъ-Ахмедъ* то есть, раба Божьяго муллы-Садека, сына Ахметова, приложена краскою подобно замочку послѣдней строки, Мулла-Нуръ высыпалъ на голову чуть живаго рассказчика всѣ деньги, прежде у него отнятыя.

— Вотъ твое золото, Садекъ; возьми его назадъ, и скажи, кто изъ насъ двухъ корыстолюбецъ, кто воръ? . . . Впрочемъ, это не даръ, а плата, ты долженъ за нее позолотить мое имя въ Шамахѣ, зачерненное тобою въ Дербендѣ, и сказать въ тамошней мечети мнѣ похвальное слово. Ступай. Но помни завѣтъ мой; и если ни благодарность, ни страхъ не заставятъ тебя исполнить его, то знай напередъ, что моя пуля найдетъ тебя, и на тайной дорогѣ, и на шумномъ базарѣ; въ объятіяхъ твоей жены, въ гаремъ-ханѣ, и на крыльцѣ Тебризской мечети. Ты испыталъ, что я все знаю: я докажу тебѣ, что все могу!

Обрадованный мулла-Садекъ тогда только

* Тавро въ видѣ двоеточія

повѣрилъ, что его избавленіе — не сонъ, когда счелъ до послѣдняго абаза свои милыя денежки. Страхъ, чтобы Мулла-Нуръ не раздумалъ, вытѣснилъ удовлетворенное сребролюбіе, и онъ, бросившись на коня, понесся впередъ безъ оглядки.

Черезъ два дня мулла-Садекъ, къ немалому удивленію Шамахинцевъ, разлился красною рѣкою похвалъ — умѣренности, великодушію и безкорыстію Мулла-Нура, котораго назвалъ онъ не разбойникомъ, а покровителемъ дорогъ, львомъ съ сердцемъ голубя. Каждый разъ, что какой-нибудь изъ слушателей клалъ руку на кинжалъ или подъ полой конарно шевелилась ручка воображаемаго пистолета, онъ блѣднѣлъ, онъ заикался, — и потомъ опутывалъ безконечною цѣпью сравненій Мулла-Нура, нанизывая на него звѣзды и цвѣты, наряжая его въ кожу всѣхъ вельможъ звѣринца. Народъ шепталъ промежъ собою, что достопочтенный мулла навѣрное хватилъ лишнюю полдюжинку пилюль терьяка.

Вѣроятно, что письмо доставленное къ Миръ-Гаджи-Фетхали отъ пріятеля, Садека, съ приличнымъ увѣщаніемъ со стороны Мулла-Нура, возъимѣло полное дѣйствіе. Черезъ недѣлю послѣ встрѣчи въ Тенгинскомъ ущеліи, *ночная* тишина Дербенда смущена была скры-

пожъ зурнъ, сопѣлокъ, ударами въ бубны, кликами и пѣснями толпы; летучее зарево отъ множества пламенниковъ, подобно огненному змѣю, забагровѣло изъ тѣсныхъ улицъ: то везли невѣсту въ домъ Искендеръ-бека изъ дома родительскаго. Пѣшіе и конные, мужчины и женщинѣ окружали шатеръ, подъ которымъ какъ луна въ облакѣ скрыта была красавица Кичкене. Привѣты и восклицанія рвали воздухъ, вслѣдъ и съ кровель раздавались ружейные выстрѣлы: и ни одного изъ нихъ не было внизъ*; казалось, весь Дербендъ ожилъ любовью и радостью счастливца Искендера.

А Искендеръ-бекъ чахъ отъ нетерпѣнія; страстная лихорадка пробѣгала по немъ то ледяною, то пламенною, щеткою . . . Заслышавъ громъ поѣзда, онъ двадцать разъ подбѣгалъ къ воротамъ, не слушая выговоровъ тетки своей, строгой почитательницы причудливыхъ,

* Если невѣста, за вѣтренность, подвергалась нареканію, то насмѣшники, при проѣздѣ мимо ея, стрѣляютъ внизъ, а не вверхъ, какъ обыкновенно. Такія шутки однако жъ рѣдко проходятъ даромъ, и за холостой зарядъ подобные Зоилы рискуютъ получить въ бокъ зарядъ съ приложеніемъ свинцу. Мусульманинъ будетъ хладнокровно слушать, если вы браните его мать и дѣда, гробъ отца и его собственную колыбель; но за брань жены онъ держитъ отвѣтъ, не за зубами, а за кушакомъ.

важныхъ обрядовъ свадебной встрѣчи. И вотъ едва онъ выставилъ въ двадцатый разъ свою голову въ чуть отворенную дверь, какой-то всадникъ протянулъ къ нему стальной перчаткою одѣтую руку. — *Аллахъ версынъ мале*, Искендеръ! произнесъ онъ: Богъ пусть даруетъ тебѣ счастье! И, крѣпко пожавъ руку изумленнаго бека, поворотилъ коня, и какъ разъ носомъ къ носу столкнулся съ Гаджи-Юсуфомъ, который и тутъ нашелъ средство втереться въ число поѣзжанъ и хозяйничалъ въ головѣ брачныхъ проводовъ. Гаджи-Юсуфъ такъ былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ явленіемъ, что бросилъ поводья и въ ужасѣ вскрикнулъ: Мулла-Нуръ! пощади!

Смутился поѣздъ. Крики — Мулла-Нуръ! здѣсь Мулла-Нуръ! держите, ловите разбойника! раздались по всѣмъ переулкамъ. Конные родственники и друзья дома невѣсты, кинулись вслѣдъ за нимъ, но онъ летѣлъ какъ стрѣла по извилистымъ, кривымъ, неровнымъ, улицамъ Дербенда, сыпля искры на мостовую. Впрочемъ, такъ какъ ворота городскія были давно заперты, уйти ему было не возможно, а скрыться отъ преслѣдователей некуда; его держали на виду, въ него стрѣляли. Доскакавъ до моря, замкнутаго съ обѣихъ сторонъ стѣнами, входящими въ воду, онъ остановил-

ся. Буйно плескалъ и крутился передъ ними прибой: враги настигали . . . . . Но вдругъ нагайка его мелькнула сквозь мракъ, и онъ исчезъ въ пѣнящихся и ревущихъ валахъ Каспія.

Долго, пристально смотрѣли прискакавшіе на берегъ всадники въ глубь ночи . . . Только бѣлѣлись и сверкали тамъ брызгами буруны, расшибаясь о подводныя гряды.

— Онъ утонулъ! онъ погибъ! наконецъ закричали они въ одинъ голосъ.

Громкій смѣхъ и пронзительный свистъ отвѣчалъ имъ за стѣною.

Плотно сомкнуты двери дома Искендеръ-бека. Тишина въ его спальнѣ. Веселость ищетъ шуму и толпы, счастіе любитъ уединенье и безмолвіе: не станемъ же смущать блаженства новобрачныхъ. Я только, раскланиваясь съ читателями, удостоившими милую Кичкеню проводить до самаго нолога, переведу имъ первую половину Татарскаго эпиграфа моего послѣдней главы: это значитъ

Каждый изъ насъ сталъ двойной . . .

Остальное потрудитесь отгадать.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

01

TE D

IVEI
), C
943C